

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

М.С. Черкасова — Милосердие в средневековой Руси 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Н. Нестеренко — Ярослав Всеволодович 31

СООБЩЕНИЯ

А.И. Тетуев — Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии 48

А.В. Тихонова — Швейцарцы о России первой половины XIX в. 56

Д.Ю. Бовыкин — Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики 67

Т.В. Куц — Узники башни Анема 82

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

А.А. Шевель — Англо-русский правительственный комитет в 1914—1917 гг. 96

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Е.Н. Рукавишников — Военно-морское сотрудничество России и Франции после Крымской войны	107
--	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Л.Н. Бехтерева — Д.Н. Домрачев и «капиталистический» Ижевск в годы нэпа	120
--	-----

В.А. Погадаев — Великий мусульманский правитель Явы султан Агунг	127
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Е.Ю. Жарова — Образовательные реформы в Московском университете в начале 1860-х гг.	136
---	-----

С.И. Алиева — Модернизация в Азербайджане и на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в.	143
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю.Е. Ивонин — Священная Римская империя в раннее Новое время (1495—1806 гг.)	150
---	-----

А.В. Антошин — О.С. Поршнева, М.А. Фельдман. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии	167
--	-----

А.И. Аврус — С.Н. Полторак. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева	170
---	-----

Е.А. Осипов — Французы в научной и интеллектуальной жизни России. XVIII—XX вв.	172
--	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С.П. Щавелёв — Дополнения к рецензии А.М. Дубровского	175
--	-----

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Конференция Пражской группы партии социалистов- революционеров 1931 г.

Заседание от 11 февраля 1931 г.

Присутствуют гг. Архангельский, Калюжный, Лазарев, Лозовой, Минахорян, Марков, Милашевский, Николаев, Ригана, Воронович, Савинкова.

Председательствует т. Архангельский.

Прения по докладу т. Николаева.

Т. Л а з а р е в. Я уже говорил, что и Бакунин, и Маркс отрицательно относились к государству, при этом, конечно, они исходили из разных точек зрения. «Народная воля» с самого начала защищала идею и значение государства. И в этом отношении она резко расходилась с учениями Бакунина и Маркса (оратор цитирует литературу «Народной воли» в подтверждение своей мысли). Поэтому обвинения партии т. Николаевым в анархизме я считаю несостоятельными.

Доклад т. Николаева не является тем, в котором мы нуждаемся. Об организации государства вообще можно спорить сколько угодно, и отдельные положения тезисов ничего особенного для России не говорят. Вот, например, возьмем §2, где говорится об абсолютизации и гипертрофии власти с одной стороны, и о порабощении — с другой. Ведь это на определенной ступени развития является уделом всей мировой истории, а не только России.

В §3 говорится об анархистских тенденциях как об отражении или противодействии деспотическому монархизму. Это, конечно, правильно, но опять-таки не является характерной особенностью Российской государственности. То же самое можно сказать и о §4.

Шестой пункт просто не соответствует действительности: ни о анархической, ни о марксистской тенденции в партии по вопросу о государстве не может быть и речи, но я об этом уже говорил.

Т. Н и к о л а е в (с места). Я говорил о ПСР, а не о «Народной воле».

Т. Л а з а р е в. Все равно... Партия признавала значение государства и именно поэтому старалась негодную власть заменить хорошей.

В §8 говорится, что партия недооценила национально-культурное значение государства и увлеклась интернационализмом. Это несправедливо: есть, конечно, национальные задачи, которые должны быть осуществлены, но есть и задачи интернациональные, которые не следует забывать. Во всяком случае такая формулировка этого § может быть истолкована как шовинизм.

В §9 говорится, что партия осудила и отвергла пути исторического развития государственной жизни и стремилась к европейской политической организации. Это просто славянофильство и противоречит §21 в заключительной части.

§10 я не понимаю, что же касается следующего пункта, то он шовинистический: примат нации над интернационализмом, примат государства над классом, отдельными группами... мы исходим из преобладающего значения народа над классом, ибо иначе невозможно защищать интересы личности. В §12 повторяются те же самые мысли. Государственная власть, конечно, требует подчинения. Это тавтология, и особо говорить об этом нет необходимости. Тем более, что формулировка противоречит §15.

О всех остальных пунктах, как я уже сказал, можно спорить. Все это очень сложные вопросы. В некоторых §§ есть невязки с точки зрения юридической, так, например, в §21 говорится о независимости исполнительной власти от законодательной. Исполнительная и законодательная власть по отношению друг к другу независимыми быть не могут, но это к делу не относится.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Прежде всего, я коснусь заявления докладчика, что партия не умела оценить значения государства. Я совершенно согласен с т. Лазаревым, что ни в прошлом, ни впоследствии значения государства мы не отрицали. На эту тему я говорить не буду, тем более, что к теме доклада Н.С. Николаева прямого отношения эти заявления не имеют. В тезисах должно было быть указано наше понимание задач государства, и за какой государственный строй после падения большевиков мы будем бороться. Но что же нам предлагается? Теоретические суждения о государстве, которые легко можно найти в учебниках по государственному праву, но которые совершенно не отражают наших партийных взглядов. С этой точки зрения все §§ от 1 и до 10 включительно или к делу не относятся, или прямо противоречат мирозерцанию ПСР, как это особенно заметно в §12. Там говорится о беспрекословном подчинении распоряжениям государственной власти, независимо от оценки ее действий отдельными личностями и т.д. Лазарев уже указал на неприемлемость такой формулировки, но тут есть и кое-что другое. Мы исходим из признания значения полноценной личности. Мы ей говорили: «В борьбе обрешь ты право свое». Что же, нам надо сдать в архив этот лозунг? Ведь с точки зрения беспрекословного подчинения государственной власти недопустимой является и борьба против большевиков. Рекомендваемый в §11 примат государства и требования §12 беспрекословного подчинения отдельной личности распоряжениям государства нельзя примирить с оценкой личности как исходного пункта миро-

воззрения с.р. Весьма показательно, что докладчик говорит о государстве с точки зрения политической. Вся социальная сторона деятельности осталась незатронутой...

Т. Н и к о л а е в (с места). Это неверно, есть указания в отдельных §§ тезисов.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Отдельные указания не изменяют общей позиции докладчика. Исходя из нашего понимания демократического социализма, мы должны теперь же заявить, что мы будем стремиться к установлению в России после большевицкого режима демократического государственного строя в форме демократической республики, будем вести борьбу за дополнение демократии политической демократией хозяйственной.

Конечно, демократическое государство является наилучшей формой защиты общих и частных интересов, но на этом останавливаться мы не можем. Кризис современных демократических государств, парламентаризма, к чему-то нас обязывает, и мы должны сказать свое слово.

Т. Н и к о л а е в. Я говорю в порядке прений для выяснения некоторых недоразумений. Тема моего доклада — «Государственный строй России после падения большевиков». Я говорю о государстве и затрагиваю преимущественно вопросы юридические. Поэтому вопрос о гильдейском социализме, о личности, к моей теме отношения не имеет. То, что сейчас сказал т. Архангельский, ему следовало бы сказать в свое время в его докладе.

Я не говорил о переходном моменте. Полагаю, что наше отношение к вопросу не определяется переходным моментом. Наша программа может найти применение в России раньше, чем мы туда попадем.

Я говорю о демократическом государстве. Почему? Потому что отрицаю всякую возможность и право восстановления самодержавия; да и не только я, к такому выводу пришли и либералы, напр. Федотов. Почему я не говорил о социалистическом государстве? Разве после большевицких экспериментов есть нужда в этом? Да вообще, где граница между социалистическим и буржуазным государством в капиталистическом обществе? Что представляет собой с этой точки зрения государственный строй Англии, Франции, Германии? Вот почему я ограничился вопросом о возможной форме государства после большевиков.

Перехожу к замечаниям, вызванным §12 тезисов; обратите внимание, что там сказано: я говорю о праве государства осуществлять свою власть, покуда эта власть существует. Разве субъективная оценка отдельного лица может остановить проведение каких-либо мер властью? Разве подчинение не является необходимым атрибутом всякой власти? Мне говорят о правах личности. Да разве я отрицаю эти права? В конце §7 разве я не говорю об этом, о правах, о их защите? Но мои оппоненты забывают следующее: личность в государстве имеет ограниченную свободу и ограничивается она для ограждения свободы другого лица. В этом и заключается суть правового государства. Точка зрения т. Архангельского сводится к анархизму. Пока существует государство, личность не может и не имеет права не подчиняться его власти. А как это право должно государством осуществляться, я говорю в тезисах.

Я говорил о самодовлеющем государстве, как о форме. Ведь семья, община, общество такие же самодовлеющие формы организации. Т. Минахорян в связи с этим всю программу, предложенную мной, расценивает как революцию. Я революции не боюсь.

Перехожу к цитатам т. Лазарева, с которыми соглашается т. Архангельский. Я очень уважаю «Народную волю», и я говорил о ПСР, а не о ней. Я говорил, что ПСР встала на классовую точку зрения и без проверки приняла политическую часть марксизма. В программе ПСР я читаю: «Союзы эксплуататоров стремятся упрочить свое положение, овладевая посредством синдикатов и трестов орудиями производства и сбыта, превращая органы государственного управления в орудия своего классового господства и т.д.». Разве это не классовый подход к вопросу? (т. Милашевский — «Браво»).

Мне говорят, что я неправильно оценил историческую судьбу власти и подчинения в России. Разве государственная мысль и ее история прошла у нас те формы конституционного развития, что и в Англии? У нас были анархизм и монархизм...

Т. Л а з а р е в (с места). Везде так было вначале.

Т. Н и к о л а е в. Это неверно. Россия начала с Веча, мирского схода и докатилась до деспотизма. Именно поэтому я и говорю об игнорировании нами особых форм и путей развития государства и о преклонении нашем перед формами Европы.

Я не отрицаю принцип самоопределения народов России и говорю только о практической нецелесообразности постановки вопроса в момент падения большевиков. Россия в этот момент может распасться на столько «государств», сколько там имеется наречий.

Т. Л о з о в о й. В партийной литературе ничего не имеется, что могло бы говорить в пользу докладчика в первой части его тезисов (§1 + §11). Утверждать, что «партия без надлежащей проверки» целиком приняла политическую часть марксистской теории о государстве и усвоила полуанархическое представление о государстве и, тем самым, в своих выводах стремилась к отрицанию не только государственной власти вообще, но и «ценности» и «существа самого государства», это значит противоречить истине. Такого взгляда на государство в ПСР не было, в партийной литературе этого не найти.

Практика? Что же, в революции 1917 г. поведение с.р. было антигосударственное?

На мой взгляд, и это не соответствует действительности. Партия государство никогда не отрицала. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в «государственность». Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т.д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой. Дальнейшее поведение ПСР (Комуч, работа за границей) так не диктовались задачами «государственности», задачами революции, как отстаивание прав народа на участие в государственном строительстве России.

Утверждать, что партия была антигосударственной — значит сознательно говорить неправду, исказить истину.

Было не отрицание государства как такового, а, наоборот, «утверждение» государства вопреки «общественной» политики партии и

историческому ходу развития Русской революции. Партия отставала государство как программный пункт, но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей! Конечно, надо признать, что руководящие органы партии избегали таких слов, как «государственно-мыслящий», «родина» и т.д. Это безусловно «ложный стыд» — закрывать глаза на национальную природу партии. Но это все же еще не есть отрицание государства и национальности. Мне кажется, что докладчик в построении своих тезисов несколько отошел от поставленной ему задачи. Его тезисы отвечают взгляду на государство, строящееся в нормальных, а не революционных условиях. В этом отношении докладчик неправ, когда он отстраняет т.н. «переходный период» после падения большевиков и строит свои тезисы вне зависимости от переходного момента, сознательно этого избегает. Думаю, что 13 лет большевицкого государственного строя могли бы дать докладчику материал, чтобы «наметить» руководящие начала (тенденции) политики партии в этом вопросе, не придавая своим построениям формы реалистической программы.

Наконец, неправ докладчик, когда он обходит вопрос партийной формулы государственного строительства: «Российская федеративная демократическая республика». Кстати, узаконенная Всероссийским Учредительным собранием. Эта формула жизненна и поныне. Она то, на мой взгляд, и будет тем примиряющим и объединяющим началом, вокруг которой и произойдет строительство России со всем ее многообразием национальных, хозяйственных, бытовых и т.д. признаков.

§12 находится, на мой взгляд, в противоречии с §15, ибо я себе не представляю, как можно увязать начала «самодовлеющего государства» и такой же «власти» с началами доверия к власти «подвластных». Партия никогда не смотрела на государство как на «самодовлеющее», всегда отрицала за государством «мистическое начало». И в этом партия была права. Власть в нашем понимании всегда связывалась с пониманием «народа», «народовластия». В этом последнем разрезе и нужно строить теоретическое обоснование государства и власти.

Тезисы этому не отвечают. Требуют увязки с прошлым партии и применительно тех сдвигов в гос. строительстве России, свидетелями которых мы являемся. Если это будет сделано, то тезисы могут остаться в качестве детализации функций государственной власти и подвластных обязанностей и прав гражданина, построения самого государства.

Т. М а р к о в. Т. Николаев обосновал свои тезисы ссылками на Нелинка и других, но я не слышу от него ничего о советской конституции, которая существует и действует в России. Я бы хотел, чтобы он в заключительном слове сказал, нет ли в сов. конституции чего-нибудь ценного, что смогло бы нам в будущем оказаться полезным.

Т. Я к у ш е в а. Обвинения партии т. Николаевым в антигосударственности неверны. Мы были скорее государственниками, чем революционерами. Старое рухнуло, а мы все еще продолжали стоять на позициях старой государственности. Мы были оторваны от масс, от их настроений и потребностей. После падения самодержавия партия в течение 8 месяцев спала. Ожидали директив из центра, а потребно-

сти на местах оставались без осуществления. Стать у власти нам не суждено, это будет уделом людей, живущих в России. Но мы могли выяснить вопросы, связанные с будущей властью в России в смысле конкретного проявления этой власти, и вот вместо того, чтобы заниматься этим вопросом, мы заняты теорией.

Т. М и л а ш е в с к и й. Я должен сказать, что т. Николаев представляет то течение, к которому принадлежу я. Это, конечно, не значит, что я во всем с ним согласен, но мои разногласия относятся к деталям и о них я говорить не буду. В основе моих политических взглядов лежит убеждение в необходимости полного и последовательного осуществления системы «Правового государства», каковая одна может дать гарантию прав личности. Если бы я ограничился этим, то мне надлежало бы числиться либералом. Но вторым основанием положений моей программы является идея социализма, каковой я понимаю как последовательную и действительную заботу человеческого коллектива о судьбе отдельной личности. Я не связываю идею социализма с определенной системой народного хозяйства. Однако я признаю необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь народа в весьма значительной степени и даже признаю целесообразность «госплана» как регулятива хозяйственной деятельности народа, но решительно отрекаюсь от всякого подобия коммунизма, полагая, что права гражданина на свободную хозяйственную инициативу принадлежат к числу его неотъемлемых прав. Т. Марков был прав. Наша программа должна быть приурочена к моменту. В России — федерация и определенная система права, от которой мы должны исходить, реформируя ее соответственно нашей программы.

Наше название «социалисты-революционеры» следует переменить, так как социализм может быть достигнут реформами, а не революцией.

Т. С а в и н к о в а. Я устала, поэтому достаточно точно и кратко, вероятно, говорить не смогу. Я говорю только от себя, а не как «правая» или «левая». Цель организованного государства заключается в обеспечении свободы людей. Но безграничной свободы нет, и государство есть некоторое самоограничение для каждого в пользу другого.

Наличие борьбы в государстве — законное и здоровое явление, но государство должно поставить эту борьбу в такие рамки, чтобы был обеспечен прогресс для каждого и всех. Классовую борьбу я не отрицаю и думаю, что мы всегда были вместе с угнетенными. Но от этого к теории классового государства — далеко. Я не согласна с т. Минахоряном: надо различать государственную власть от правительства. Государственная власть — надклассовая; ей присуща всякая борьба, она выше этой борьбы и частных интересов.

Она заботится об общих интересах. За наилучшую форму такой власти я считаю демократическую республику с президентом как носителем государственной власти.

Как форма — для России разумна федерация. Но к моменту падения большевизма она может повести к распылению государства на части, что не будет полезно ни для русских, ни для иных народов. В этом отношении нам нужно будет проявить сугубую осторожность. Я отчетливо сознаю, что только при федерации можно будет организовать государство, но это не значит, что я признаю конфедерацию с

суверенитетом отдельных частей России. Социализм есть устремление к объединению, конфедерация значит распыление.

Т. К а л ю ж н ы й. Признавать классовую борьбу и отрицать классовое государство, как это делает т. Савинкова — невозможно, ибо одно вытекает из другого. Мы приступили к пересмотру нашей программы. И я удивляюсь, что основу всего не замечают. Наша программа была составлена около 25 лет тому назад, суконным языком в 1903 г. Чернов в одной из своих статей говорит, что это дело ЦК поручил ему и Ракитникову, и что последний составил программу «марксистически», а ему пришлось переделывать ее на с.р. лад. Теперь вы хотите, чтобы наша программа не имела в себе марксизма? Это между прочим.

Я задал несколько вопросов т. Николаеву, но ответа не получил. Что вы предлагаете к переходному моменту? На другой день после падения большевиков? Я полагаю, что для проведения вашей программы нам нужна прежде всего сильная власть. Но вы говорите о центральной власти, а относительно «кирпичей», составляющих эту власть — вы ничего не предлагаете. Укрепление власти на местах (под «кирпичами» я подразумеваю местные самоуправления) должно быть нашей основной задачей. Без этого никакая центральная власть не сможет справиться со всеми трудностями. Затем я спросил докладчика относительно избирательного права. Я сторонник определенного избирательного ценза в пассивном праве. Таким цензом считаю общественно-политический стаж. Далее я принципиальный противник федерации. Вопрос о культурно-экономических, национальных особенностях может быть разрешен иначе. Не в интересах социализма раздробление целого на части. Это не выгодно ни для целого, ни для частей.

Собрание закрывается в 8 1/2 часов вечера. Продолжение прений перенесено на 17 февраля.

Т. К а л ю ж н ы й. Признавать классовую борьбу и отрицать классовое государство, как это делает т. Савинкова — невозможно, ибо одно вытекает из другого. Либо то и другое, либо ни того, ни другого. В своей речи по докладу т. Архангельского об идеологических основах демократического социализма я уже отметил, что мы уже как будто разделяем идеологию личности. Но как только мы приступаем к обсуждению программных пунктов, где, казалось бы, и следовало применить идеологию, как начинается прямое отрицание нашей идеологии или такое ее толкование, которое ведет к полному или частичному ее искажению. Так было, так и остается. Так и в прениях по настоящему докладу. В предыдущем выступлении я уже указал, к какому оригинальному выводу пришел т. Минахорян, защищая партию от обвинения ее докладчиком в марксистском классовом понимании государства — он просто заявил, что надклассового государства не существует и он его не признает.

Постоянно сбиваясь и на этой конференции на марксистскую ногу, тт., однако, упорно отрицают свой марксистский грех и убеждают нас, что в этом неповинны ни они, ни программа партии. Упорство завидное, но не убедительное. И я искренне недоумеваю, для чего оно нужно. Если тт. убеждены в правильности своего подхода и

разрешения ряда программных вопросов, но это разрешение не согласуется и не вытекает из нашей идеологии, то не лучше ли прямо сказать, что идеология наша не годится. Положение станет сразу простым и ясным. Спор наш будет перенесен на твердую почву и выйдет из стадии бесплодного спора начетчиков. Такая постановка спора, конечно, будет в тысячу крат полезнее и продуктивнее как для нас самих, так и для партии. Мы, может быть, не согласимся с товарищами, но сможем, по крайней мере, их понимать. Но гг. предпочитают противоречия ясности положения. В отрицании же марксистского духа, засеявшего в нашей программе, причудливо сочетавшей противоположенные и взаимно противоречивые элементы, они прямо переходят границы всякой очевидности. Наши утверждения, наши прямые указания их не убеждают. Здесь перестает действовать факт, логика — здесь действует психология. Но может для них будет убедительнее свидетельство одного из авторов этой программы, «нашего вождя», правда, ставшего «бывшим» даже и для тех, кто по сию пору занимает его принципиальные позиции.

В № 33—34 «Революционной России» за январь-февраль 1924 г., излагая свой «проект новой программы», В.М. Чернов вспоминает историю возникновения программы, принятой Съездом в 1905 году¹.

В 1903 г. были представлены два проекта программы — черновский и раKITниковский. Проект РаKITникова Чернов определяет как своеобразно «марксистский максималистского оттенка, совпадающий в основах с революционным марксизмом 1848 г.», марксизмом «коммунистического манифеста». При обсуждении этих проектов они, при небольших изменениях, были просто механически соединены. И сам В. Чернов говорит, что «творение получилось не столько «синтетическое», сколько «синкретическое». Правда, проект этот не удовлетворил никого. Приняты были меры, чтобы были представлены новые проекты. Но через год, когда новых проектов не поступило, вновь обсуждался, на этот раз редакцией «Революционной России», «синкретический проект» Чернова-РаKITникова. Он, по заявлению Чернова, «сильно», но не совсем, качнулся в сторону проекта Чернова, но сохранил «сводный» характер изложения. Проект и был принят съездом партии. К этому надо прибавить, что сам В.Чернов в разное время, но особенно в пору составления проекта программы — не был свободен от марксистского влияния. Только марксизм его был более умеренный, «минималистский». Может быть, после этой «справки» гг. перестанут уверять нас, что наша программа свободна от марксизма, и тем хотя бы отчасти очистят наши прения от ненужных и бесплодных препирательств. Но вряд ли.

Докладчик прав, когда он в тезисах отмечает, что партия приняла не только без критики программу марксизма о государстве, но усвоила и полуанархическое представление о государстве. И это полуанархическое представление о государстве демонстрирует в своей речи т. Архангельский. Возражая против положений докладчика о беспрекословном подчинении распоряжениям государственной власти, независимо от оценки ее действий отдельными личностями, т. Архангельский призывает на помощь «полноценную личность», которой мы говорили: «в борьбе обретишь ты право свое». Что же, задает он вопрос, мы должны сдать в архив этот лозунг? Ну, разве

такая аргументация не типичное анархическое представление государства...

Товарищ Архангельский полагает, что «полноценная личность» на другой же день после образования волей большинства народа демократического государства — а о нем мы только и говорим — и после организации органов его власти должна выйти с лозунгом партии «в борьбе обрешь ты право свое», начать критику власти и даже борьбу против власти большинства. Пожалуй, эта «полноценная личность» может оказаться такой личностью, к ограничению которой т. Архангельский неоднократно призывал во многих своих прежних выступлениях. Мы признаем, отстаиваем и понимаем свободу «полноценной личности» несомненно шире, чем т. Архангельский, но мы не представляем эту свободу как право личности на насилие, на нарушение прав большинства. Личность, оставшаяся и в меньшинстве, может безнаказанно критиковать, оценивать деятельность государственной власти, но она должна подчиняться распоряжениям государственной власти, а если не подчиняется, то государственная власть обязана применить по отношению к ней и принудительную силу. Государственная власть не может считаться с оценкой ее действий отдельными личностями, она обязана заставить их беспрекословно подчиняться ее распоряжениям, когда их действия грозят безопасности государства и противоречат воле большинства. Демократическая государственная власть должна так поступать, если она сама не хочет нарушить воли народа, от которого она получила свой мандат. Т. Архангельскому «полноценная личность» и лозунг партии понадобились для того, чтобы опровергнуть нравящееся ему положение докладчика о «подчинении распоряжениям государственной власти». Но там, где нет власти, умеющей и смеющейся подчинять своим распоряжениям, там нет и государства, там — анархия.

Снова напоминаю и подчеркиваю, что мы говорим о демократическом государстве, где действует право, воля большинства, но не о государстве, в котором царит произвол, сила вместо права и воля меньшинства. Такого государства мы все не признаем и боремся против него.

Идеология личности прекрасна и превосходит наш лозунг «в борьбе обрешь ты право свое», верно отражающий идеологию. Но нельзя же так вульгаризировать и компрометировать идеологию личности и наш девиз.

На некоторые из поставленных мною докладчику вопросов он совсем не ответил, а ответы на некоторые из них меня не совсем удовлетворили. Не стану их повторять — докладчику и остальным гг. они известны. Выражу лишь сожаление и пожелание, чтобы докладчик остановился на них в своем заключительном слове. По существу поставленных мной вопросов я кратко высказал уже мнение в своем первом выступлении. Сейчас хотелось бы мне сказать лишь несколько слов по поводу только одного также поставленного мною вопроса — об избирательной системе, избирательном праве, на которые докладчик не ответил, хотя этот вопрос имеет большое отношение к его докладу.

Я не собираюсь ставить его, хотя бы и сжато, но в полном объеме. Этому не позволяют краткость времени и, главным образом, ус-

ловия теперешней моей жизни, препятствующие надлежащей серьезной подготовке по вопросам конференции. Но одно замечание, несомненное для меня, я выскажу. Я считаю необходимым установление общественно-политического стажа в пассивном избирательном праве, особенно при избрании в центральные органы государственного управления. Тов. Марков возмущен и бурно реагирует. В его глазах я — несомненный мракобес, реакционер. Но все же он не прав, когда дает реплику, что социалисты всегда были против всякого ценза. Т. Марков ошибается. Даже в пору нашей молодости мы признавали возрастную ценз, понимая, что представители с сосками во рту вряд ли могут быть хорошими законодателями и правителями. Но ведь ясно, что младенцами в государственных делах могут быть и великовозрастные.

Чтобы быть сапожником, надо уметь шить сапоги, но для управления государством никакого умения не полагается. Должен уверить т. Маркова, что это не моя оригинальная мысль. За одно со мной ему придется ругнуть и покойника Герцена.

Спешу, однако, предупредить возможное дешевое обвинение меня в том, что я хочу поставить рогатки рабочему и крестьянству. Конечно, этого я не хочу, да мое предложение и не может стать такой рогаткой, ибо общественная и политическая подготовка может быть доступной каждому через участие в многообразных общественных и политических организациях. Моя мера ставит рогатки только глупости и невежеству, вредных и опасных для государства. Мастера своего дела требуются везде. И чем сложнее и ответственнее дело, тем более требуются хорошие и искусные мастера.

Государство не может быть поставлено в интересах самого народа в худшие условия, чем сапожная мастерская.

Казалось бы, все это излишние рассуждения. Вопрос прост и ясен. Но в наших условиях всякие чудеса возможны. Возможны и весьма «революционные» возражения против моего предложения. Но они будут свидетельствовать только об одном: пора нам и в наших рядах заводить своих мастеров.

Заседание от 17 февраля 1931 г.

Присутствуют: гг. Милашевский, Марков, Минахорян, Воронович, Лазарев, Николаев, Архангельский, Якушев, Новожилов, Ригана, Брушвит, Николаев, Климушкин, Савинкова-Штомпфе, Лозовой.

Продолжение прений по докладу т. Николаева.

Председательствует: т. Архангельский.

Т. М а р к о в. Из прошлой речи т. Калюжного я думал, что он нам откроет Америку, а между тем с точки зрения с.р. ничего полезного я не услышал. Он говорил о земских самоуправлениях 1861 г., и на этом теперь он хочет построить государство после большевиков. Местное самоуправление мы никогда не отрицали, но построить государство на устарелых формах 1861 г. мы теперь, конечно, не можем. Весь мир переменялся, и нам что-то новое говорят эти изменения.

Но т. Калюжный сказал также нечто и новое. И для меня как старого социалиста это действительно новшество. Он говорил о вве-

дении избирательного ценза, правда, в пассивном избирательном праве. Мне после собрания говорили, что я не понял, но я отлично понял, что т. Калюжный говорил не об имущественном цензе, да и об этом говорить было бы нелепо, т.к. революция уничтожила все цензы. Он говорил об общественно-политическом цензе, о стаже. Но ведь в прошлом не все деятели начали свою карьеру прямо с этого «ценза», а выдвинулись с низов. Что же вы хотите теперь закрыть им доступ к государственной деятельности? Мы не можем бороться против системы назначенчества большевиков и одновременно поставить цензовые преграды в избирательном праве.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Хочу сказать несколько слов, но не в порядке прений. Быть может, т. Николаев согласится с тем, что я скажу, и произведет соответствующие изменения в тезисах. Когда я говорю о том, что современная политическая демократия не удовлетворяет западно-европейских социалистов, и они со дня на день расширяют область социальной демократии — то мне возражают, что я рекомендую теперь же ввести социалистический строй. На самом же деле мое желание заключается в том, чтобы мы учли опыт Европы и в области социальной демократии, а не ограничивались бы, как это происходит с докладом т. Николаева при решении вопроса о государственном строе России после большевиков, рамками только политической демократии. Когда я говорил о неприемлемости для члена ПСР §12 тезисов, где сказано о беспрекословном подчинении государственной власти, независимо от субъективной оценки ее действий отдельными индивидуумами, то мне возразили, что я не понял смысл пункта, и сослались на §7 тезисов, где говорится о праве и о прямой защите государством индивидуальных интересов. Все это хорошо. Но кто создает право? Создается в борьбе различных общественных группировок и разнообразных экономических интересов. Поэтому мы и говорили: «в борьбе обретишь ты право свое». В этой борьбе мы и призываем защищать «права трудящихся», ибо не всякое право отвечает нашим желаниям, и не всякий правовой строй является [для] нас священным. Государственный строй с нашей точки зрения должен строиться не только на принципах широкой политической демократии, но и демократии социальной. Об этом мы должны сказать вполне ясно. Переходя к содержанию тезисов т. Николаева, я прежде всего нахожу, что первые 11§§ не имеют прямого отношения к основной теме доклада и представляют из себя ряд положений, которые бы могли составить тему особого доклада и подлежать специальному обсуждению. Эти параграфы легко могут быть исключены из текста тезисов. Затем, ввиду того, что на конференции будет обсуждаться доклад о национальном вопросе, предлагаю окончательную редакцию §§ тезисов, имеющих отношение к этому вопросу, принять после обсуждения доклада о национальном вопросе. Предложенные т. Николаевым тезисы страдают далее, по моему мнению, значительными пробелами и нуждаются в дополнении. И на самом деле. Из тезисов доклада т. Николаева трудно выяснить, существует ли во взглядах с.-р.-ов на государственный строй после падения большевиков какое-либо отличие от взглядов других демократических, но не социалистических партий. А оттенить такое отличие необходимо. Едва ли можно отрицать, что режим современных демократий на западе Ев-

ропы является если не исключительно, то в значительной мере классовым. Главную роль играет в современном европейском государственном строе промышленная и денежная буржуазия. В России после падения большевиков социалистам, несомненно, придется вести борьбу против попыток восстановления дореволюционного экономического строя или, в лучшем случае, против попыток установить только формальную демократию. Придется вести борьбу и с противниками формальной демократии, большевиками, какие, несомненно, останутся в России и после падения большевиков. Поэтому в тезисах должна быть отчетливо отмечена позиция с.р., в отличие от позиции несоциалистических и коммунистических группировок при решении вопроса о государственном строе. Основная задача партии с.р. при организации гос. строя после падения большевиков должна сводиться к созданию не формальной только демократии, а, в соответствии с новыми хозяйственными процессами в пореволюционной России, стремлением к распространению начала политической демократии на хозяйственную область.

Требуемое §12 тезисов беспрекословное подчинение вообще распоряжениям государственной власти, хотя бы она шла и навстречу узко-классовым, а не общенародным требованиям и не интересам трудящихся, такое требование является несовместимым с исходным пунктом народнического мирозерцания — учением о личности и с партийным лозунгом «в борьбе обрешь ты право свое». Предлагаю §12 признать противоречащим нашим партийным взглядам и нашей партийной программе.

Т. В о р о н о в и ч. Вопрос большой и координальный. И доклад мы обсуждаем не только для себя, но с целью быть полезными другим. Между тем, мы имеем, в сущности, научный трактат без конкретных указаний. Но если т. Николаев представляет государственный строй будущей России вроде тех форм, которые существуют в Европе, то это нас не удовлетворяет. Перенести готовые формы из Европы — для партии дело невозможное, ибо мы не можем пройти мимо того, что произошло в России...

Т. К а л ю ж н ы й (с места). Советы!

Т. В о р о н о в и ч. Да, может быть, и советы. Ген. Головин написал три тома об организации войск в соответствии с опытами советского военного строя, отчего же и нам не использовать эти опыты в нужной нам области? Доклад страдает тем, что не учтена реальная действительность существующего порядка вещей в России...

Т. К а л ю ж н ы й (с места). Что вы предлагаете?

Т. В о р о н о в и ч. Я это скажу. Вот т. Калюжный против федерации (голоса: «это относится к национальному вопросу», «neverno», «нет»...), я кончил...

Т. Б р у ш в и т. Мне все-таки хочется знать, как смотрит собрание на вопрос: обсуждается ли тут вопрос о государстве вообще, или речь идет о конкретном плане государственного строя после большевиков?

Т. Н и к о л а е в. Позвольте разъяснить: видите ли, Иван Михайлович, я представил тезисы и доклад на тему государственный строй после большевиков. Тут имеется и прогноз, и то, к чему мы, с.р., по моему, должны стремиться. Точка зрения, развитая мною, может быть

принята или не принята собранием, но цель моя была выяснить, каков будет по-нашему и по оценке истории государственный строй в России после падения большевиков, причем о переходном периоде я не говорил.

Т. Б р у ш в и т. Я прошу заранее простить, если сказанное мною не будет вполне соответствовать задачам, поставленным конференцией. Меня несколько удивило слово т. Архангельского и то, что сказал т. Воронович. Архангельский говорит: «мы не можем ограничиваться только демократией и необходимо внести еще что-нибудь свое в понимание вопроса». А т. Воронович думает о советах...

Т. В о р о н о в и ч (с места). Но не в таком виде, в каком они существуют.

Т. Б р у ш в и т. Я этого не понимаю. В мире нет марксиста, который бы утверждал то, что говорит т. Архангельский. «Класс» в глазах марксистов потерял теперь всякое значение, чтобы им можно было установить государственную власть. С тех пор, как писали коммунистический манифест, прошло много времени и многое изменилось. Где теперь прежний мощный «класс»? Где граница между буржуазией и пролетариатом? Да ничего не осталось теперь в этой области из прежнего марксизма...

Т. А р х а н г е л ь с к и й (с места). Я сам доказывал это на первом собрании.

Т. Б р у ш в и т. В чем же тогда дело? Вот мне пришлось по радио слушать лекцию Мюллера ², лидера германской социал-демократии. Он говорил как раз о теме, вас интересующей. И что же, говоря о трех известных атрибутах государства, он остановился на проблеме власти, вскрывая все значение ее принудительной функции, и никакого противоречия в этом с понятием демократии нет. В теории известны три источника власти: власть от «бога», захват и классовый принцип построения государства. О первом излишне говорить, второй — это диктатура, а третий — уже не пользуется значением с тех пор, как исчезло точное представление о классе. Демократическая власть есть отказ от части прав отдельными лицами в пользу большинства. Подчинение большинства меньшинству диктуется самой природой такой власти, и к этому пониманию демократии мы положительно ничего не можем прибавить. Но мне скажут: а если большинство захочет царя? На это т. Вишняк ответил, что тогда мы разгоним Учредительное собрание. Это логично, и ничего сказать нельзя, но вместе с тем надо признаться, что это не демократизм, а анархизм. Если вы хотите стать на эту точку зрения, то это, конечно, ваше дело. Если же вы стоите на точке зрения демократической власти, то должны подчиниться власти большинства, иначе никак нельзя...

Т. Н и к о л а е в (с места). Можете бороться.

Т. Н о в о ж и л о в (с места). Можете застрелиться.

Т. Б р у ш в и т. ...другого исхода нет. Если, кроме указанного принципа, у вас есть еще нечто другое, то давайте поговорим, что это другое из себя представляет.

Т. Л а з а р е в. Надо различать значения государства и государственной власти. Анархизм отрицает самое государство, и мы давно отошли от него, поэтому нечего нас обвинять в этом. Но, признавши государство, надо иметь в виду формы государственной власти. Кровь

лилась потоками не из-за первого, а за вторую. Когда я слушаю Архангельского, то я вижу, что он смешивает личность и государство, вопросы их взаимоотношения. Так нельзя. Или мы опираемся на личность, или на класс-пролетариат. С точки зрения народничества все в государстве для личности. Это — существенная особенность нашей партии. Перед нами теперь стоит вопрос о том, чтобы эту линию провести последовательно. Мы против «класса», классовой точки зрения на государство. (т. Архангельскому). Вы смешиваете, общие «принципы демократии» тут не причем. Государственная власть не может быть классовой. Кроме охраны целого, оно никаких назначений не имеет, и как только государство поступает иначе, происходит борьба. Государство тем и отличается от добровольных ассоциаций, что является принудительной властью над всеми и для всех. Мы тут же разбираем экономические, религиозные и другие вопросы. Все это к делу не относится и следует это оставить в стороне.

Т. Н о в о ж и л о в. Т. Лазарев вкратце дал то понятие государства, которое я считаю правильным. Что в государстве идет борьба интересов, это старая истина. Но те, которые приписывают государству борьбу избранного класса, совершают ошибку, ибо «избранный» рабочий класс так же может ошибиться, как и буржуазия. Тезисы т. Николаева вполне соответствуют нашим потребностям, ибо они говорят, как научно надо строить государство. Говорить о нашей «государственности» в прошлом — не приходится. Мы были скорее романтиками, т. Керенский был, как говорили, «заложником демократии во Временном правительстве». Он вошел в правительство через советы, которые, как частно-политическая организация, не могла и не имела права вмешиваться в государственные дела. Этим, я полагаю, сказано все. Но были романтиками не только мы, но и весь западно-европейский социалистический мир. Марксисты из мирного представления об эволюции капитализма создали романтизм, а за ними погнались и мы. После февральской революции не только у нас, но и в Европе очень много изменилось, и теперь мы должны относиться к вопросу спокойно, учитывая весь пройденный опыт. Когда говорят о примате государства, как формы, то это не означает лишения права борьбы и даже восстания. Что такое государство? Основное у государства — это та духовная свобода, которую оно предоставляет каждому. Если государство поступает иначе, то восстание, как говорит Моммзен ³, становится священным правом населения. В заключении я бы предложил подвергнуть пересмотру все тезисы докладчиков в комиссии. Кончаю свое слово пожеланием, чтобы ПСР переименовалась в Партию народной свободы.

Т. Н и к о л а е в. Товарищи, третий день продолжаются прения по моему докладу, и я доволен, потому что, как видно, есть интерес к вопросу. Высказанные мнения ценны, но было бы трудно в заключительном слове на каждом из них останавливаться по отдельности, поэтому я постараюсь захватить все вопросы в общем. Начну я свое слово одним замечанием: мы с.р., каждый в отдельности и все вместе, говорим о необходимости пересмотра программы. Но как только приступаем к делу, выходит так, что программа — святыня, и к ней подойти нельзя. Если это так, то наша работа бесцельна...

Т. К л и м у ш к и н (с места). Для самообразования.

Т. Н и к о л а е в. Благодарю, я предпочел бы «самообразовываться» дома. Все ли обстоит благополучно в программе? (Голоса с места: «Нет»). Каждая программа — продукт своего времени и потребности определенной эпохи. Наша программа составлена 25 лет тому назад, при наибольшем засилии марксизма. В прошлый раз т. Калюжный говорил о том, как она была составлена. Классовый подход к вопросам в этой программе — это основа всего. По интересующему нас вопросу там говорится о засилии буржуазии в государстве. Правильно ли это? Когда т. Минахорян говорил об этом, я его после собрания спросил, какой класс провел во Франции отделение церкви от государства. Буржуазия? Пролетариат? Теперь я спрашиваю, в интересах какого класса самодержавие проводило Сибирскую железную дорогу? Ведь то же самое должно делать всякое социалистическое государство. Нет, современное государство не защищает интересы отдельных классов, а всего общества...

Т. Л а з а р е в (с места). Должно было бы быть так.

Т. Н и к о л а е в. Так и есть. С.д. в Германии входят в правительство не для защиты одного только рабочего класса. Вот в каком смысле я говорил о надклассовом значении государства, и в данном случае компромисса не может быть.

Мы не только социалисты, но и демократы. У нас в программе демократическая система избирательного права, но она, к сожалению, основана на принципе классового государства. В этом никакой последовательности не вижу и, надо признаться, что большевики логичнее нас. Т. Лазарев говорил о смешении двух понятий: государства и власти. Это верно. Говоря о власти, я подразумеваю принудительную функцию государства. Когда государство осуществляет эту власть на основах права и доверия народа, необходимо подчиниться власти. Все функции власти, поскольку они не сталкиваются с интересами целого, не могут противоречить интересам личности. Налог ведь надо платить, не правда ли, ведь иначе посадят в тюрьму. На этих принципах я и построил предложенные вам тезисы. Меня обвиняют в теоретичности. Но ведь из чего-то надо было исходить в наших построениях. Говорят, что я игнорировал советскую конституцию, и что она существует целых 13 лет. Что же из этого? Ведь татарское иго длилось триста лет! Говорят о советах. Решительно отрицаю, ибо они построены на классовом начале. Т. Милашевский спрашивает, почему я не говорил о гражданских правах. Я так поступил потому, что отношения к теме не имеет. Т. Лазарев против моего утверждения, что власть принадлежит не народу, а организованной силе, т.е. государству. Она исходит только от народа...

Т. Л а з а р е в (с места). Метафизика!

Т. Н и к о л а е в. Нет, это факт. Совершенно неправильно вопрос о федерации тут относят к национальному вопросу. Это относится к нашей теме. Как я говорил, в принципе не отрицаю федерацию. Как самоопределение личности, так и самоопределение нации для нас ценны, но при наличии широкой культурной автономии разве есть необходимость в политическом обособлении отдельных частей России? Разве это полезно, необходимо? Вот о чем говорю я. Мне предложили выкинуть из тезисов §§ от 1 до 12 включительно. На это я согласиться не могу. В этих §§ я обосновываю то, что сказа-

но в дальнейшем. Я говорю об исторических судьбах нашей государственности, которыми предопределяется многое. Вычеркнуть обоснование и оставить заключение я считаю невозможным. Я говорю сам о наших ошибках, а ведь они были у нас. Надо иметь мужество признаться в этом и постараться исправить их. Т. Калюжный поднял вопрос об избирательном праве. Я, конечно, признаю трехчленную формулу, но вопрос считаю вопросом практики. Скажу только, что напрасно т. Марков так испугался ценза для пассивного права. Государству также нужны мастера дела, как это требуется в каждом другом деле. На этом я и закончу.

Выбрана комиссия в составе т.т. Архангельского, Постникова, Николаева, Лазарева для пересмотра и редактирования тезисов.

Собрание закрывается в 8 1/2 часов вечера.

(Продолжение следует)

Примечания

1. ЧЕРНОВ В. Проект новой партийной программы. — Революционная Россия. 1924, январь-февраль, № 33—34, с. 11—16.
2. Мюллер (Müller) Герман (1876—1931) — один из правых лидеров социал-демократической партии Германии. С 1906 г. член правления партии. В 1918—1919 гг. член Совета народных уполномоченных. В 1919—1920 гг. министр иностранных дел; подписал Версальский договор. В 1920 и 1928—1930 гг. рейхсканцлер.
3. Моммзен (Mommsen) Теодор (1817—1903) — немецкий историк, филолог-классик и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 г. за труд «Римская история».

Милосердие в средневековой Руси

М.С. Черкасова

Осмысление теоретических аспектов общественной благотворительности и разработка ее конкретно-исторических вопросов привлекает все большее внимание в отечественной ¹ и зарубежной ² литературе. Это обусловлено актуальностью данной проблематики в современных условиях, на фоне растущей социальной дифференциации российского общества, пропасти между богатством и бедностью. Обращение к историческому опыту благотворительности как способу смягчения социальных противоречий, гармонизации общественных отношений представляет несомненный научный интерес. В современном потоке научной литературы по данной проблеме преобладают работы по XVIII—XIX вв., времени наибольшего расцвета теории и практики социального призрения как системы. В предлагаемой статье автор обращается к более раннему, допетровскому, этапу данного явления, стараясь показать постепенное нарастание рационального начала в понимании и осуществлении социальной помощи людьми и институтами той эпохи.

Проявление милосердия в средневековом обществе было органически связано с христианской религиозностью, представлениями человека о спасении собственной души и заботой о спасении душ своих умерших близких путем раздачи милостыни нищим и нуждающимся. В христианстве сильна идея социальной справедливости: «Благотворите и займы давайте, не ожидая ничего»; «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»; «Всякому просящему у тебя давай и от взявшего твое не требуй назад» (От Луки, VI, 30, 35, 36). Проповедь милосердия проводится в целом ряде евангельских изречений и притч (От Луки, X, 30—37; XVI, 19—26; XXI, 2—4).

Вслед за известным исследователем и пропагандистом благотворительности в дореволюционной России Е.Д. Максимовым Я.Н. Ща-

Черкасова Марина Сергеевна — доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета.

пов выделяет четыре этапа в ее развитии. На первом этапе (после принятия христианства и до середины XVI в.) благотворительность была в основном личной, частной. На втором этапе (с издания Стоглава и до 1682 г.) наблюдается переход от социальной помощи отдельным лицам к системе общественного призрения с дифференцированным подходом к разным группам нуждающихся людей. На третьем этапе (с 1682 г. и до середины XIX в.) государственная система призрения получила наибольшее развитие. Четвертый этап (вторая половина XIX — начало XX в.) стал временем наиболее полного сочетания форм государственной, общественной и частной благотворительности ³.

В памятниках средневековой эпохи (законодательных, литературных и актовых источниках, вкладных и кормовых книгах монастырей, писцовых и переписных книгах) можно найти разнообразные свидетельства казенной, общественной, церковной и частной заботы о нищих, больных, слабых и дряхлых. Уже в церковных княжеских уставах конца X—XIV в. был очерчен круг «богаделенных людей», подведомственных митрополичьему суду (слепец, хромец, вдовица, калика переходной, странник, задушный человек, пущенник, прощенник), определено назначение церковного богатства («сиротам и старцам немощным на прекормление, убогим промышление и на подаяние... мертвым память и помилование»), названы учреждения оказания помощи нуждающимся (монастыри, больницы, гостиницы и «странноприимницы») ⁴.

Как этическая категория княжеское «нищелюбие» разбирается в Поучении Владимира Мономаха («Прежде всего страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную — это ведь начало всякого добра»; «Всякий день милостыню творит праведник и взаимы дает, и племя его благословенно будет»). Согласно Молению Даниила Заточника, княжеская милость оживляет людей, вдов и сирот, обижаемых вельможами, так же, как весна украшает землю цветами. Вместе с тем у этого автора находим социально окрашенное противопоставление богатства и бедности, нищеты: «Аще ли буду богат, гордость восприму; аще ли буду убог, помышляю на татьбу и разбой» ⁵.

Не случаен приводимый в словаре В.И. Даля широкий набор слов, производных от существительного милость и глагола миловать (жаловать, щадить, спасать): милостивец (покровитель, доброжелатель); милостивый (добрый, доброжелательный); милостник (любимец, покровительствуемый кем-то), милостыня (подавание); милостынец (нищий) ⁶.

В богословской мысли Византии понятия абсолютного блага, великой милости, милосердия прилагались прежде всего ко Всевышнему («*magnam misericordem Deum*»), а для человеческих деяний благо — это то, что соответствует божественному порядку или созданному Богом естественному праву. Пожалования византийскими императорами монастырям земельных владений были обусловлены принципом благотворительности, к этому их также побуждало стремление подражать в земной политике Богу-демиургу, дарующему людям разные блага ⁷.

В числе свойств идеального правителя, рисуемых в памятниках русской общественной мысли XIV—XV вв., всегда присутствовали такие черты, как милосердие и забота о церкви ⁸. В коллективных грамотах тверских князей Отрочу монастырю милостыней они называют пожалование земли и административно-судебных прав (им-

мунитета). Сближены понятия пожалования и милостыни в грамоте великого тверского кн. Михаила Борисовича Троице-Калязину монастырю 1483—1485 годов ⁹. В построении образа справедливого государя в общественной мысли середины XVI в. актуализируются принципы милости и грозы, правды и закона, правого суда ¹⁰. В посланиях Кирилла Белозерского говорится, что даваемая Василием I «нам, нищим» милостыня приятна Богу и есть проявление веры к Пречистой Богородице. В послании к Юрию Дмитриевичу Галицкому высказана мысль о том, что княжеским «призрением нищих монахов довольными милостынями» восполняется недостаток светских лиц в следовании посту и молитве ¹¹.

По мере углубления христианского идеала в средневековой Руси этические категории «милости», «милосердия» стали переноситься не только на отдельных князей, но и на монахов. Их духовные подвиги называются милостивством. В перечне добродетелей основателей монастырей наряду с постом, молитвой, трудом непременно присутствует и «милование нищим». Подвижники веры определяются в агиографической литературе как «милостивые заступники», сеющие милость на земле (утешение бедным и печальным, одежду нищим, исцеление молитвой больным, искупление пленным и должникам), а своей братии дающие милостыню-кормлю.

В посланиях Иосифа Волоцкого выражено понимание вкладов в монастыри как милостыни, назначение которой — быть средством материального обеспечения и духовного воспитания монашества. Миловать братию со стороны дарителей и настоятелей — это значит ее «питать и одевать довольно, и душами их печися еже о спасении и наказывать (наставлять. — М. Ч.) их всегда на благая делеса...». У И. Волоцкого не раз приводится дословная фраза из Нагорной проповеди: «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». Иосиф прямо предупреждает: «Немиловавый не помилован будет» ¹². Вместе с тем в устах самих старцев «совершенный милостивец» — это человек истинного благочестия. Им мог быть и чадолюбивый отец, наказывающий («*благомилующий*») сына, и монастырский настоятель, отказывающийся от богатого приношения «нарочитого Христолюбца», и вообще всякий творящий милостыню, широко понимаемую как благо ¹³.

Для русской религиозности и умонастроений XIV—XV вв. было характерно возрастание чувства беспокойства, тревоги за посмертную судьбу людей. На фоне углубляющихся эсхатологических ожиданий неотвратимого конца света усиливалась забота людей о спасении своей души и душ своих умерших предков, совершенствовалась практика поминальных вкладов в монастыри, в том числе и раздача милостыни нищим и нуждающимся как ее составная часть ¹⁴. Развернутое изложение государевой милостыни монастырям встречается в указной грамоте вел. княгини Марии Ярославны кирилловскому игумену Нифонту 1481—1482 годов. Данным документом вводилось государственное почитание преп. Пафнутия Боровского. Речь шла о княжеской «милостыне нищим и на кормли в монастыри» в размере 495 руб. в память о старце Пафнутии, а также великом князе Василии II и «по всем по нашем роду». Из этой суммы 195 руб. предназначались нищим, неимущим и скудным монастырям, а 300 руб. — на ежегодную (в течение 15 лет) поминальную «кормлю» в день

преставления (1 мая) преп. Пафнутия Боровского. Далее перечислялись вологодские и белозерские монастыри и церкви: в Кириллов — 4 руб., Ферапонтов — 3, Спасо-Каменный — 3, Павлов Обнорский — 1,5, Спасо-Прилуцкий — 1,5, к Николе на Комельском озере — 1,5, к Покрову на Сямжену — 1,5 руб., в Троицкий Усть-Шехонский — 25 алт., Покровский Глушицкий — 1 руб., Никитский на Шексне — 25 алтын¹⁵. Указан был также Соловецкий монастырь, получавший полтора рубля. По наблюдениям А.И. Алексеева, даваемые княгиней деньги должны были быть истрачены к 1492 г., который, в качестве даты конца света, довлел над сознанием людей¹⁶.

В законодательных памятниках XIV—XV вв. (Псковской Судной грамоте, Судебниках 1497 и 1550 гг.) не говорится о государственной, церковной или частной благотворительности. Вместе с тем, в них содержатся интересные свидетельства того, как светская власть учитывала физическую слабость женщин, стариков, детей, немощных, больных и увечных: в случае предъявления им исков каждый из перечисленных лиц имел право выставить на судебном поединке («поле») вместо себя наймита¹⁷. Так изживался традиционный «Божий суд» с его религиозно-нравственным принципом «сила за правым» (независимо от его физического состояния), на смену которому приходило более рациональное (и вместе с тем более милосердное) представление о разных возможностях разных людей защитить себя.

Согласно Судебникам 1550 г. (Царскому) и 1605 г. (Сводному) среди вдов различались те, что питались от церкви божией и подлежали святительскому суду, и те, что жили своими домами и в его ведении не находились. Местом законного проживания нищих признавались только монастыри¹⁸. О существовании пока еще нерасчлененной системы государственного, церковного и частного призрения нищих в России середины XVI в. свидетельствует Стоглав 1551 года. Церковь и государство в это время еще не выступали как равноправные субъекты благотворительной деятельности с разграниченной компетенцией¹⁹. В Стоглаве не одобрялось нищенствующее и бродячее монашество в России и выражалось недовольство его ростом²⁰.

В ходе составления Стоглава в царских вопросах духовенству чувствовалась обеспокоенность Ивана IV положением нищих, инвалидов (увечных, «гнилых») и престарелых в русских городах. Эти несчастные должны бы находиться в богаделенных избах, а на самом деле страдают от голода и холода и не имеют, где преклонить голову, тогда как в богадельни «вкупаются мужики с женами» за взятки у приказчиков. В этой связи в памятнике было определено отличие настоящих нищих и больных, не способных трудиться и добывать себе на жизнь, от мнимых нищих, а на самом деле здоровых, которые обманом пытаются поселиться в богадельнях и получать содержание. Следовало учесть («описать») прокаженных, престарелых, определить их в городские богадельни и обеспечить пищей и одеждой. Здоровые же старики и бабы-стряпухи должны были обслуживать прокаженных, а «боголюбцы милостыню и вся потребное им приносят же своего ради спасения»²¹. Определение прокаженных в отдельные помещения напоминает западноевропейскую практику лепрозориев, когда больных проказой старались изолировать от общества. Это был способ сознательной борьбы с массовым распространением опасных инфекций.

В группе статей о штрафе за бесчестье северно-русского Судебника 1589 г. было отражено правовое положение нищих. Среди них выделялись три группы: 1) с имуществом («животами»); 2) «калики», бродящие «ис кусков» (собирающие подаяние по деревням; «кусовничать» — побираться, кусовник — нищий-побирушка²²); 3) московские (то есть иногородние) кликуны (одержимые падучей болезнью мужчины и женщины, кликуши²³). Компенсация за бесчестье первым определялась в соответствии со стоимостью их имущества, кусовникам — 4 алтына, кликунам — 8 алтын 2 деньги²⁴. Терпимость северно-русских посадских и крестьянских общин к маргинальным слоям, включенным в систему социальных связей, весьма показательна.

Каждый историк русского средневековья, листавший писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. по городам и уездам, замечал в них многочисленные указания на кельи нищих при погостских и приходских церквях. Обитателями келий и скромных избушек были как мирские люди, так и представители нищенствующего монашества. Их учет в писцовых и переписных книгах свидетельствует о контроле светской и церковной властей над этой категорией городского и сельского населения. В узаконенном существовании нищенских келий при церквях находила выражение церковная и общинная благотворительность. В коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области (ГАВО) удалось выявить наказную память вологодского архиепископа Маркелла своему дьяку Даниле Столбицкому 1648 года. Согласно этому документу, с нищенских келий у церковью никаких пошлин и платежей в архиерейскую казну не должно было взиматься²⁵.

В писцовой книге Вологды 1627—1628 гг. отражено и нищее келейничество на архиерейской земле при церквях, и существование нищих, самостоятельно проживающих в своих дворах, при этом «бродящих в мире»²⁶. В итоговой записи книги по городу значится 40 келий и в них 41 нищий²⁷. Писцами был также упомянут убогий дом около церкви Дмитрия Солунского, огороженный частоколом²⁸. К 1627 г. относятся первые данные о посылке милостыни из Спасо-Прилуцкого монастыря 105 узникам в вологодскую тюрьму в ответ на их челобитную (11 хлебов, лагун квасу, извар капусты)²⁹. Свообразным проявлением сострадания церковных властей к своей пастве стало освобождение от уплаты вечных пошлин бедных и нищих («пошлины им отданы по архиепископлю указу за их нищету»). Такие фразы находим в вечных разделах приходо-расходных книг архиерейской кафедры 1620—1630-х годов³⁰. О связи милосердия с почитанием в Вологде чудотворной Семигородней иконы Успения Божией Матери свидетельствует указная грамота царя Алексея Михайловича городским властям (воеводе и дьяку) от 18 марта 1648 года. В ней предписывалось предоставить место под храм и кельи для немощных и расслабленных, чтобы получавшие исцеление от иконы молили Бога «за наше государское здоровье»³¹.

Со второй половины XV в. и в течение XVI—XVII вв. в России широко практиковалась одноразовая выдача государством отдельным монастырям и «нищим церквям» милостыни-руги, отождествляемой с пожалованием. В ее состав входили хлеб, соль, деньги, воск на свечи, мед на кутью, пшеница на просвиры³². Сами же церковные учреждения стремились к ее постоянному получению («впрок»). Со-

борным приговором 1 мая 1551 г. правительство Ивана IV попыталось ограничить ежегодную выдачу руги «новопридачным» церквям и вернуться к порядку, установленному во времена Ивана III и Василия III, предусматривавшему такую выдачу время от времени («в приказ в два-три года») ³³. Об актуальности этой проблемы свидетельствует включение данного уложения в состав Стоглава и сводного Судебника начала XVII века ³⁴. В Вологде на государеву милостыню-ругу существовали церкви в пределах города (крепости), Ильинский мужской, Горний Успенский девичий монастыри, Галактионова пустынь и кафедральный Софийский собор. Сохранилась указная грамота царя Михаила Федоровича вологодскому воеводе И.И. Салтыкову и дьяку В. Ларионову о выдаче Горнему монастырю «на нынешней 7132 год» (1624) денежной и хлебной руги, а также вина, воска и ладана на «церковной обиход» ³⁵. В 1652 г. таможенный голова А. Оконнишников получил указную грамоту царя Алексея Михайловича о выдаче хлебной и денежной руги причту Софийского собора из средств вологодской таможенной избы ³⁶. В соответствии с ней руга была выдана и отмечена в сметной книге Вологды за тот же 1652 г. со ссылкой на упомянутую указную грамоту ³⁷.

Обращение к проблеме государевой милостыни-руги, таким образом, вводит проблематику милосердия в контекст церковно-государственных отношений. Что касается самостоятельного сбора милостыни бедными монастырями (особенно для поддержки ведущегося ими церковного строительства), то церковными властями он обычно ограничивался определенным сроком (2 года), разрешался с ведома архиерейских заказчиков, тиунов и десятильников и должен был учитываться в специально ведущихся «записных книгах подаяний» ³⁸.

Свидетельство земской благотворительности находим в сметном списке Вологды 1652—1653 гг., где фигурирует руга для 11 человек в богаделенную избу (по 15 алт. 4 деньги; по 1 четв. ржи и овса каждому) ³⁹. Речь должна идти об убогом доме возле церкви Дмитрия Солунского, впервые упомянутом в писцовой книге 1627—1628 года. Содержание ему шло за счет «земского ларца». В общественном приговоре по сооружению Спасо-Обыденной церкви во избавление от чумы 18 октября 1654 г. говорилось об этой богадельне, которой было обещано по 6 фунтов свеч и 2 фунта ладана в год. Священнику, отпевавшему усопших в убогом доме, шло 2 руб., пономарю, «что дьячит», — 1 руб., скудельнику (могильщику) — 2 руб., а на просвиры и кутью — полтина ⁴⁰.

Еще одна богадельня, названная «новой больницей» (в виде каменного корпуса на 12 чел.), была устроена в Горнем Успенском монастыре по завещательному указу архиепископа Симона в 1684 году. Здесь должны были жить престарелые, безместные, увечные и скорбные монахини, которым «за древнею старостью и увечьем и болезнью пищи себе на пропитание ниоткуда собою приобрести не мочно». Средства на ее содержание давались из домово́й архиерейской казны, что фиксировалось приходо-расходными книгами. В Ильинском мужском монастыре в 1683 г. было 25 увечных и слепых старцев, которым установленной руги не хватало, и они «ходили меж двор, кормясь Христовым именем» ⁴¹. Приведенные факты свидетельствуют о развитии в Вологде XVII в. и общественной, и церковной, и государственной помощи нуждающимся. Кроме того, с 1684 г.

с 558 церквей Вологодской епархии регулярно собирались деньги на содержание московских богаделен ⁴². Так, вологодские приходы включились в систему государственной благотворительности, новый этап которой начался в 1680-е годы. В научной литературе его связывают с указом царя Федора Алексеевича 1682 г. об обязательном учреждении при монастырях богаделен (из расчета — 5 чел. на каждые сто дворов) и обязательном участии в делах призрения помещиков и крестьян ⁴³.

Настоящей энциклопедией частной благотворительности Московской Руси можно считать Домострой. В его Сильвестровской редакции прослеживается мысль о праведном стяжании (честно нажитом) и праведных трудах домовитого промышленного горожанина и его доброй жены как источнике милостыни нищим, маломощным, бедным, скорбным и странным пришельцам. Отмечалось, что милостыню следует подавать и в доме, и в торгу, и в пути, и в монастырях, и в церквях, и в больницах, и в темницах — «тою бо очищаются греси, те бо ходатаи Богу о гресех наших». Отражено в этом произведении и осознание связи милостыни с поминальной практикой: «... прародителям своим преставльшимся память твори, к церквам Божиим приношение и в дому по них кормлю (поминание. — М.Ч.) твори, нищим милостыню, и сам от Бога *помяновен* будеши» ⁴⁴. В таких рассуждениях автора очевиден принцип «дара-отдара», вообще характерный для древних и средневековых форм социальной коммуникации. Так, среди способов врачевания от болезней и скорбей указаны милостыня нищим, истинное покаяние, благодарение, прощение, милосердие и неличная любовь.

В подходе автора Домостроя к милосердию вполне ощутим прагматизм и рациональность. Например, если невеста, получившая приданое («ноделок») вдруг умирает перед свадьбой, «ее ноделком поминают по ей душе сорокоуст и милостыню из того дают». Рациональный подход можно усмотреть и в рекомендациях давать милостыню «смотря по человеку» и «по своей силе» («елика твоя сила») ⁴⁵. Вместе с тем, в Домострое отражены и определенные функции богатого человека по социальной регуляции: он должен без волокиты управить (разобрать) пленных, скорбных и нужных. В приведенных рекомендациях просматривается идея адресной социальной помощи, служения.

Милосердие по Домострою тесно связано с целой системой социального обеспечения и социальной адаптации. В пределах большого городского домохозяйства его владелец освободил всех работников из холопского состояния, некоторых выкупил из плена или долговой кабалы, сирот вскормил и вспоил до «совершенного возраста», обучил грамоте, церковному пению и всякому рукоделию — книгописанию, иконописанию, серебряному мастерству, торговле. Хозяйка воспитала вдов и девиц, обучив их всякому рукоделию и домашнему обиходу, кого-то выдала замуж, наделив приданым. И ныне все те «домочадцы, скормленники» свободны и продолжают жить при доме и «молят Бога за ны и доброхотают нам всегда» ⁴⁶.

В духовных грамотах частных лиц XVI—XVII вв. отчетливо проводилась связь посмертного поминания монастырских вкладчиков с их милостыней нищим, в том числе и их кормлением в дни поминовения. В духовной служилого вологжанина И.Л. Злобина от 1 апреля 1557 г. говорится о раздаче на сорокоуст крупной суммы денег широ-

кому кругу церквей, монастырей и нищих ⁴⁷. Согласно духовной И.Т. Борисова 1566 г., поминание его должно было совершаться на дворе Соловецкого монастыря в Великом Новгороде: «понахида пети и обедни служить и нищих кормити за столом по вся годы в то время, как игумен лучитца в Новгороде или братья на монастырском дворе» ⁴⁸. В своей духовной Авдотья Иванова дочь Голуба 1577 г. завещала келью на Турчасовском погосте в Спасскую и Никольскую церкви, предписав церковным властям «держати в ней нищих стариц и вдов» ⁴⁹. Душеприказчик состоятельного посадского человека из Тотмы И.Е. Брудачева И.П. Харламов должен был раздать нищим 5 руб. (1628 г.) ⁵⁰.

В Соборном Уложении 1649 г. термины «милость» и «милосердие» крайне редки. Они упоминаются лишь в нескольких статьях в смысле помилования правонарушителя, преступника. Безо всякого милосердия следовало: 1) казнить жену, учинившую своему мужу смертное убийство или отравление; 2) казнить церковного татя; 3) предать сожжению басурманина за обращение православного в свою веру и его обрезание ⁵¹.

Широкомасштабная помощь бедным в Москве была связана с поминальным царским культом. В сочинении Григория Котошихина сообщается, что на царских похоронах подьячие московских приказов раздавали нищим, убогим, в богадельни и монастыри «поручно» от 2 до 5 рублей. Размер милостыни на царский сорокоуст был вдвое меньше. Погребение царицы сопровождалось раздачей милостыни «вполы против царя», царевича — «малым чем с убавкою против царицы», царевны — в четвертую долю. При описании похорон умершей от родов царицы Марии Ильиничны Милославской (первой жены Алексея Михайловича) 13 марта 1669 г. голландский автор Ян Стрейс отметил, что за гробом шли дворяне — «каждый с большим мешком денег, отказанных ее величеством на смертном одре бедным» ⁵².

В завещании богатейшего вологодского гостя Г.М. Фетиева 1683 г. не были забыты тюремные сидельцы и нищие, которым одних только калачей предписывалось раздать для поминовения его души на сумму 100 рублей. Если учесть, что калач в то время стоил всего копейку, можно представить баснословный охват милостыней всех голодающих и страждущих по случаю похорон крупнейшего купца и в течение последующей «четыредесятницы». Зная весьма неприглядные способы обогащения Фетиева, нельзя не вспомнить наблюдение голштинского посла Адама Олеария о том, что «среди русских находятся люди, которые не только много средств жертвуют на церкви и монастыри, но кроме того щедрою рукою раздают милостыню бедным, хотя, с другой стороны, они не очень совестятся обмануть своего ближнего при покупке, продаже и других делах» ⁵³. В бюргерских завещаниях Западной Европы, известных уже с XII—XIV вв., также предусматривались широкие раздачи бедным и нищим, тюремным узникам и затворникам, городским госпиталям и богадельням. В научной литературе подобные дарения объясняются «конфликтом сознания» — наиболее практичная и мобильная часть общества (купечество и предприниматели) испытывала потребность в моральной и спиритуальной компенсации нравственных издержек своей деловой активности. Официальная церковь осуждала торговлю, ростовщичество, алчность, поэтому торговая верхушка городов своей щедростью старалась смягчить суровость Всевышнего и заслужить его заступни-

чество⁵⁴. На благотворительные цели в городах Южной Германии XV—XVI вв. использовались вклады на имя «Господа Бога», практикуемые владельцами крупнейших торговых компаний. В 1525 г. Антон Фуггер в тайне от магистрата Аугсбурга раздал беднякам 5 тыс. гульденов, завещанных покойным братом Раймундом⁵⁵. Отцы же города считали их просто жуликами, притворщиками, бездельниками и не давали официального разрешения на реализацию завещания Раймунда.

Милостыни государства и частных лиц имели место не только по отношению к монастырям, но и эти последние оказывали широкий «набор услуг» по социальному обеспечению разных слоев русского общества. В описи Павло-Обнорского монастыря 1687 г. были поименно зафиксированы «крестьянские дети — сироты (“подроски и малые ребята”), оставшиеся после отцов своих» — 47 человек. В описи той же обители за 1702 г. уточняется, что «крестьянские дети, розных деревень сироты» были привезены и «пометываны» в скудные (голодные) годы в монастырь, «нет у них ни отцов, ни матерей, а кормят их монастырским хлебом и дают из монастырской казны одне рубашечки»⁵⁶. Со временем подобные «детеныши» становились взрослыми людьми, обучались какой-нибудь мастерской профессии, обзаводились семьями и пополняли ряды монастырских слуг и служебников, сохраняя за собой социальное определение «детеныши».

Еще одно проявление милосердия в средневековой Руси касается общественных и монастырских больниц. Впервые они упоминались еще в церковных княжеских уставах древнерусского времени. В главах 71-й и 73-й Стоглава говорилось об определении не способных трудиться, больных и престарелых чернцов и черниц в монастырские больницы. Содержались те совместно на средства государевой казны и церкви («вклады» царя и владык), размеры которых не регламентировались, они вносились по усмотрению дарителей («как им Бог известит»)⁵⁷. Наличие больниц в монастырях XVII в. фиксируется их описями: в 1641 г. в Троице-Сергиевом монастыре под церковью Зосимы и Савватия Соловецких было 57 больничных старцев, среди которых поименованы Галасия слепой, Корнилий безногой⁵⁸. В 1650-е гг. в Павло-Обнорском монастыре было 9 человек «болнишной братии», в Корнильево-Комельском монастыре — 8⁵⁹.

Попасть в монастырскую больницу не всегда было просто, и порой между духовными корпорациями и светскими лицами на этой почве возникали коллизии. Так, в начале 1670-х гг. Спасо-Прилуцкий монастырь отказался давать содержание своему престарелому конюху Куземке Власову. Однако в 1674 г., согласно указной грамоте царя Алексея Михайловича, прилуцким властям было приказано принять в монастырскую больницу обиженного конюха с женой: поместить его в келью и давать корм «против иных братьей болнишных старцов», а его жену кормить мирской пищей за монастырем «против иных вкладчиц». Редкое в источниках указание на порядок предоставления хлебного содержания своим вкладчикам сохранилось в архиве того же монастыря. Отставному дворянину М.Н. Скорбееву в 1701 г. была выдана из монастырской казны вкладная, регламентировавшая годовой хлебный оклад, получаемый из прилуцких житниц, виды и количество хлеба и хлебопродуктов по третям года: с сентября по декабрь, с января по апрель и с мая по август⁶⁰.

В обширных описях Троице-Сергиева монастыря и приписных к нему обителей за 1701 г. много указаний на больницы и поименованы населяющие их старцы. В описях значатся: 1) большой больничный старец Иосиф Ледневский; 2) 73 больничных старца, распределенных по пяти кельям (по 13—17 чел.)⁶¹. Представляют интерес предисловия к Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. и комплексу его копийных книг 1684—1685 годов. В них одобряются монастырские вкладчики-*благодетельцы* и вместе с тем проводится мысль о приоритете дарений в монастырь по сравнению с милостыней нищим («Яко подавание на церковь изряднейшее и лучшее видится быти, нежели милостыня к нищим»)⁶². В этом сказался постепенный переход от неупорядоченной частной к более организованной государственной и церковной благотворительности в России в конце «нашего Средневековья». Преследование бродячих нищих и запрет милостыни были характерны для политики Петра I (указы 1692, 1694, 1712 гг. и последующих лет), когда сфера социального призрения стала одной из отраслей государственного управления⁶³. Акцент на благотворце, на самом человеке, сознательно творящем благо (тогда как прежде в нем виделся в первую очередь Бого- и Христолюбец) отражал постепенную эволюцию русской культуры от теоцентрического к антропоцентрическому типу на переходном этапе от Средневековья к раннему Новому времени.

В заключение напомним мысль Я.Н. Шапова о том, что благотворительность восполняла недостающие социальные связи общества⁶⁴. Она входила в круг социальных обязанностей и государей, и церковных институций, и частных лиц, подразумевала некоторое перераспределение материальных благ в пользу малоимущих слоев населения путем милостыни. Являясь для дающих залогом их собственного спасения, благотворительность несколько гармонизировала социальные отношения на пути к прогрессу и социальной справедливости:

Примечания

1. КОРДУМОВА О.В. Благотворители и благотворительная деятельность Пинежских монастырей. В кн.: Массовые источники отечественной истории. Архангельск. 1999, с. 147—151; АЗИЗБАЕВА Р.Е. Новгородский митрополит Иов и начало государственного детского призрения в России. Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Новгород. 2002, ч. 2, с. 13—17; КУРЛЯНДСКИЙ И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности (1700—1917 гг.). В кн.: Религии мира. История и современность. М. 2004, с. 168—182; Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб. 2003; СЕМИН О.В. Становление государственного призрения в России в XVII в.: историко-социальный аспект. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2005; КОЗЛОВА Н.В. Государственное регулирование общественного призрения в городах России XVII—XVIII вв. Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия). Междун. конф., посвященная 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М. 2005, с. 264—266; ЕЕ ЖЕ. Люди дряхлые, больные и убогие в Москве в XVIII в. М. 2010; СОКОЛОВ А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб. 2007.
2. ШТАЙНДОРФ Л. Изменение отношения к бедности в России в XVIII—XX веках. В кн.: Восточно-христианская цивилизация и проблемы межрегионального взаи-

- модействия. М. 2004, с. 207—226. (в прим. 9, 14—15 автором приведена обширная библиография по проблеме благотворительности в России); УЛЬЯНОВА Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности (обзор). — Отечественная история. 1995, № 1, с. 108—118.
3. МАКСИМОВ Е.Д. Земские вопросы общественного попечения о бедных. СПб. 1884; ЩАПОВ Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию. ЩАПОВ Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, историографии. М. 2004, с. 234—238.
 4. Древнерусские княжеские уставы. М. 1976 ; с. 24, 33, 40, 44, 47— 48, 67—68, 71—73, 74, 203.
 5. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М. 1957, с. 118, 230.
 6. ДАЛЬ В. Словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. 1981, с. 326—327.
 7. ХВОСТОВА К.В. Особенности византийской цивилизации. М. 2005, с. 90, 143.
 8. КАЙШАУРИ Н.И. Концепция государственной власти в сочинениях Кирилла Белозерского. — Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда. 1998, вып. 3, с. 44; ЕЕ ЖЕ. Монашеские послания в общественной мысли Руси XIV—XV вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1999, с. 18—19, 21—22.
 9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). Т. 3. М. 1964, № 116, 117, 159.
 10. КУЛАКОВА И.П. Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. М. 1994, ч.1, с. 264—272.
 11. АСЭИ. Т. 2. М. 1958, № 311—313.
 12. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л. 1959, с. 152—153, 179—182.
 13. Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб. 2003, с. 84—85, 93.
 14. АЛЕКСЕЕВ А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности. СПб. 2002, с. 69—71.
 15. АСЭИ, т. 2, № 249.
 16. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 72.
 17. Памятники русского права (ПРП). М. 1953, вып. 2, с. 291, 306, 309 (ст. 21, 36); ПРП. М. 1955, вып. 4, с. 369—370 (ст. 49, 52); ПРП. М. 1956, вып. 4, с. 236—237 (ст. 17, 19), 495, 534 (ст. 19).
 18. Там же, вып. 4, с. 420 (ст. 64), 534 (ст. 90); Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М. 1985, с. 119.
 19. КУРЛЯНДСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 168—169.
 20. Российское законодательство, т. 2, с. 270.
 21. Там же, с. 351, 484.
 22. Словарь русских народных говоров. Л. 1980, с. 157.
 23. ДАЛЬ В. Ук. соч., т. 2, с. 118. В словаре Ожегова приводится другая устаревшая разговорная форма: «кусочничать». ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 2005, с. 316.
 24. ПРП, вып. 4, с. 430—421 (ст. 64, 67—68).
 25. ГАВО, ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, № 706, 710.
 26. Источники истории города Вологды и Вологодского уезда. Вологда. 1904, с. 89—90, 112—113, 134, 136, 145—146, 159—160.
 27. Там же, с. 155.
 28. Там же, с. 144.
 29. СУВОРОВ И.Н. Несколько слов о тюрьмах прежнего и нынешнего времени. — Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1864, № 5. Часть неофиц., с. 136—137.
 30. ГАВО, ф. 948 (Вологодский архиерейский дом), оп. 1, кн. 5, л. 144об.; кн. 6, л. 108об., 175; кн. 7, л. 242об., 244; ф. 883 (И.Н. и Н.И. Суворовы), оп. 1, кн. 2, л. 52об.; кн. 12, л. 149об.
 31. МЯСНИКОВА Л.Н. О почитании вологжанами Семигородней иконы Успения Божией Матери. — Вологда. Краеведческий альманах, 2000, вып. 3, с. 242.
 32. Российское законодательство, т. 2, с. 372—373.
 33. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л. 1986, с. 32, № 5. Статья повторена в 73-й главе Стоглава. См.: Российское законодательство, т. 2, с. 372—373.

34. ПРП, вып. 4, с. 537, ст. 123—124.
35. Старая Вологда. Сб. документов и материалов. Вологда. 2004, с. 180—181, № 211; КОЛЫЧЕВ А.А. Сборник актов Северного края XVI—XVII вв. Вологда. 1925, с. 260—261, № 304.
36. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 711 (Колл. Гранкова), оп. 1, № 195. Список XVIII в.; ГАВО, ф. 1260, оп. 1, № 1000. В 1677 г. аналогичную грамоту получил таможенный голова М. Манойлов (Там же, № 4776), а позднее таможенный голова С. Рыбников. Там же, № 5969.
37. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 137 (Городовые боярские книги), оп. 1, Вологда 2, л. 62.
38. Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1872, № 6, часть неофиц., с. 155, 160—161.
39. РГАДА, ф. 137, Вологда 2, л. 30.
40. Вологодские губернские ведомости. 1858, № 20, часть неофиц., с. 293.
41. ЕВДОКИМОВ И.В. Два памятника зодчества в Вологде. Вологда. 1922, с. 20—21.
42. ГАВО, ф. 1260, оп.1, № 6174, 6213, 6247, 6273, 7773, 12 464, 12 621, 12 986, 13 051, 13 053.
43. КУРЛЯНДСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 169; КОЗЛОВА Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие..., с. 29—31.
44. Домострой. М. 1991, с. 26—27, 71.
45. Там же, с. 29, 106.
46. Там же, с. 101. Интересный анализ хозяйственно-трудовой этики по Домострою см.: НАЙДЁНОВА Л.П. Мир русского человека XVI—XVII вв. М. 2003, гл.3 и особенно с. 159—160.
47. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Собрание СПб-кой духовной академии. А1/17, л. Зоб.—6об.; Основное собрание рукопис. книги. Q. IV. 1136, л. 396об.—400об.
48. Акты социально-экономической истории Севера России. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Т. 1. Л. 1988, № 292.
49. Акты социально-экономической истории Севера России. Т. 2. Л. 1990, № 645.
50. ГАВО, ф. 1260, оп. 1, № 112, л. 12об.
51. Соборное Уложение 1649 г. Л. 1987, с. 119, 130—131.
52. Московия и Европа. М. 2000, с. 27—28, 326.
53. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, с. 343.
54. ГУРЕВИЧ А.А. Средневековый купец. В кн.: Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. М. 1999, с. 46—79; ЯСТРЕБИЦКАЯ А.Л. Городские маргиналы. Там же, с. 299—302; Собственность в России: Средневековье и раннее Новое время. М. 2001, с. 199—200.
55. НЕКРАСОВ Ю.К. Торговые компании и буржуазия Южной Германии. В начале пути от средневековой к индустриальной цивилизации. 1450—1550. Вологда. 2005, с. 75, 214—215.
56. ГАВО, ф. 521 (Павлов Обнорский монастырь), оп. 1, кн. 3, л. 44об.; ШАМИНА И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701—1702 годов. — Вестник церковной истории. 2010, № 1—2 (17—18), с. 96—97; Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.: Исследование и тексты. Вологда. 2011, с. 288—289, 443—444.
57. Российское законодательство, т. 2, с. 349—350, 481.
58. ОР РГБ, ф. 173. II (Собрание Московской духовной академии), кн. 225, л. 199.
59. Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда. 1994, с. 165.
60. КОЛЫЧЕВ А.А. Сборник актов Северного края XVI—XVII вв., № 242—243.
61. РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 406; кн. 40, л. 224, 387об.
62. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. 1987, с. 13, л. 9об.
63. КУРЛЯНДСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 170; КОЗЛОВА Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие..., с. 38—43.
64. ЩАПОВ Я.Н. Ук. соч., с. 234.

Ярослав Всеволодович

А.Н. Нестеренко

Ярослав Всеволодович, незаслуженно находящийся в тени одного из своих сыновей, Александра Невского, оказал гораздо более значительное влияние на судьбу Руси, чем его прославленный церковью, историографами, писателями и кинорежиссерами сын. Он проявил себя как выдающийся дипломат, политик и полководец. Современники и ближайшие потомки, оценивая деятельность князя Ярослава, руководствовались не мифологией исторической памяти, а воспоминаниями очевидцев¹. Новгородский летописец так, например, писал в связи со смертью старшего сына Александра Ярославича, князя Андрея Александровича: «В лето 6812 (1304) преставился великий князь Андрей Александрович, внук великого Ярослава»². То есть всего через 40 лет после смерти Александра Ярославича летописец не считал его имя достойным упоминания, даже несмотря на то, что для новгородского летописца, Ярослав Всеволодович — скорее персонаж отрицательный, чем положительный³. Английский медиевист Дж. Феннел не без основания утверждает, что Ярослава в новгородских и смоленских источниках изображали «негодяем из негодяев»⁴. Хотя о тех же самых особенностях личности Ярослава можно сказать несколько иначе: это был князь, настойчиво и упорно добивавшийся своих целей, но неразборчивый в средствах. Он нарушал взятые обязательства, как только представлялась удобная возможность. Единственным правом, которое он уважал, было право сильного. Но в этом смысле Ярослав не очень отличался от своих современников.

Взвешивая положительные и отрицательные стороны князя, Н.И. Серебрянский так оценивал личность Ярослава: «Ни героического, ни чего-либо поэтического, что привлекает к себе умы и сердца современников и служит причиною позднейшей идеализации, поэтических вымыслов, в личности Ярослава Всеволодовича совсем не было.

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Это был заурядный, но по тому времени “мудрый” человек, полезный политический деятель»⁵. «Летописи вообще скупы на похвалу этому князю», — замечал исследователь летописных известий о северно-русских князьях А.В. Экземплярский⁶. В частности, это замечание справедливо и для владимирского летописца. Но, если от Новгородской летописи трудно ожидать похвалу в адрес Ярослава, то красноречивое умолчание Лаврентьевской летописи вызывает вопросы. Особенно это заметно в описании смерти Ярослава: «Вопреки своему обычаю, к этой официальной заметке о кончине князя летописец не прибавил от себя ничего; как будто речь идет не о великом князе Владимирском, а о каком-нибудь захудалом удельном князьке, смерть которого прошла незаметно для всех, исключая официального летописца!»⁷

Надо признать, что современники, а тем более потомки, как это всегда бывает, явно недооценили масштаб личности и деяния первого в монгольский период Великого князя, его вклад в историю Руси. В чем же он заключался? По мнению Серебрянского, Ярослав «первый понял, что единственное спасение для Руси заключается в безусловной покорности перед страшным завоевателем, первый показал пример этой покорности: пошел в Орду», по выражению Густынской летописи, «подчиняясь Батыю», просить его милости. Преемники Ярослава убедились в правильности его действий, а князья московские кроме того увидели выгоду такой политики «низости-смиреномудрия»⁸.

Несмотря на указанные особенности исторических источников, многочисленные летописные свидетельства о деятельности Ярослава (которых гораздо больше, чем, скажем, посвященных его прославленному сыну Александру) позволяют воссоздать облик яркого представителя своего времени, жестокого, мстительного, расчетливого и корыстолюбивого. Именно при нем и, скорее всего, во многом благодаря ему, Владимирская Русь попала под власть Орды. Ярослав не привел свою дружину на Калку, где сражались два его бывших зятя, чем косвенно способствовал поражению русско-половецкого войска. Он не откликнулся на призыв своего брата Юрия и не отправил ему на помощь новгородские и переславские полки, чтобы биться с татарами на р. Сить. Именно Ярослав был главным инициатором одной из самых кровавых междоусобиц на Руси, приведшей к Липецкой битве. Он организовал блокаду Новгородской земли, которая вызвала в ней страшный голод. Политика Ярослава по отношению к эстам привела к тому, что они приняли католичество и перешли под власть Ливонской конфедерации. Ну и, наконец, именно к Ярославу обращается автор популярного на Руси литературного памфлета «Моление Даниила Заточника».

Конечно, человек с такой неоднозначной биографией не мог выступать в качестве отца святого, от которого вела свой род династия Московских князей. Поэтому уже в первой редакции Жития Александра Невского Ярослав величается, вопреки исторической правде, «отцом милостолубивым и человеколюбивым, а более всего кротким»⁹.

Четвертый сын Всеволода Большое Гнездо родился в 1191 году. Первый опыт восхождения во власть был для Ярослава недолгим и

закончился неудачно. В возрасте десяти лет (1201 г.) Ярослава посадили князем в Южном Переяславле (нынешний Переяслав-Хмельницкий под Киевом). По утверждению В.Н. Татищева, занял этот пост Ярослав случайно — его старшие братья Константин и Юрий от этого места по разным причинам отказались ¹⁰.

В 1203 г. Ярослав участвовал в походе против половцев под началом великого князя Киевского Рюрика Ростиславича и его зятя Романа Мстиславича Галицкого. В 1205 г. Ярослав женился на дочери Юрия Кончаковича (сына героя «Слова о Полку Игореве» хана Кончака), породнившись с наследником самого могущественного и влиятельного половецкого хана.

В 1206 г. Ярослава пригласили (с согласия великого князя Киевского) на княжеский пост в Галич вместо умершего Романа Мстиславича. Ярослав принял приглашение, но когда он прибыл в город, оказалось, что престол уже занял опередивший его князь северско-путивльский Владимир Игоревич.

В том же году черниговский князь Всеволод Святославович Чермный захватил Киев и, угрожая в случае отказа применить военную силу, потребовал от Ярослава покинуть Переяславль. Ярослав, испугавшись, уехал из города, а его место занял сын Всеволода Михаил. Хотя в том же году Киев возвратил себе Рюрик и изгнал Михаила из Переяславля, Ярослав остался при отце, для которого изгнание сына с княжеского престола, по словам Татищева, стало «великим оскорблением» ¹¹. Детская обида, связанная с этими событиями, сохранилась на всю жизнь, проявляясь в стремлении к киевскому престолу и обиде на черниговских князей и особенно Михаила.

Свою княжескую карьеру Ярослав продолжил, помогая отцу в войне Владимиро-Суздальской земли против Рязанского княжества. После победы над рязанцами (1209 г.) Всеволод оставил Ярослава в Старой Рязани в качестве наместника. Но не имеющему большого опыта Ярославу не удалось совладать с рязанцами. Город восстал. В том же году Ярослав послал отцу жалобу на рязанцев ¹². Татищев писал, что он сообщал о том, что его хотят схватить и выдать черниговским князьям. Непонятно, почему рязанцы не осуществили своих замыслов, а когда Всеволод вторгся в рязанские пределы со своей дружиной, вышли ему навстречу с поклоном, не видя за собой вины перед великим князем. Всеволод им не поверил, казнил многих рязанских бояр, других взял под стражу, захватив их имения, после чего велел войску разграбить город и сжечь, а жителей вывести в свои владения ¹³. Возможно, именно после этого погрома столица Рязанского княжества больше никогда уже не возродилась, а новой столицей княжества стал Переяславль-Рязанский.

В 1992 г. во время раскопок на Старорязанском городище был найден клад — полностью сохранившийся золотой праздничный женский головной убор и множество золотых украшений. Почему эти сокровища были спрятаны? Какая трагедия помешала хозяйке вернуться за своими сокровищами? Этого мы уже никогда не узнаем. Но, скорее всего, произошло это так: покидая город по приказу Всеволода, одна из самых знатных горожанок спрятала свои украшения. Если клад не дождался своей хозяйки, значит, переодевание в простую одежду не спасло ни ее саму, ни ее родственников от расправы.

А если ей повезло, и она осталась жива? На пепелище родного города безымянная княгиня или боярыня смогла вернуться только через четыре года — после того, как в 1212 г. новый великий князь владимирский Юрий даровал прощение оставшимся в живых жителям Рязани. Но найти место, где был спрятан клад, было уже невозможно: там, где стоял цветущий город с тремя каменными храмами, было поросшее густым бурьяном пепелище, окруженное земляными валами.

В Рязани юный Ярослав получил от отца хороший урок того, как надо обращаться с теми, кто противится его воле. И, как свидетельствует его биография, этот урок он усвоил на всю оставшуюся жизнь.

Следующее появление Ярослава на исторической сцене связано с Новгородом. В 1212 г. умер великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо, тридцать три года правивший северо-восточной Русью. Согласно сложившейся системе, престол наследовался старшим братом, затем его сыновьями. Затем власть переходила ко второму по старшинству брату. При таком раскладе третий сын Всеволода — Ярослав — не имел никаких шансов стать Великим князем. В то время как его старшие братья Константин и Юрий поделили лучшие уделы — Владимир и Ростов — Ярослав должен был довольствоваться небогатым Переславлем-Залесским.

В отличие от древних богатых боярских городов Суздальской Земли — Ростова, Суздаля, Ярославля и Владимира — Переславль был городом молодым и не приносил больших доходов. О скромных финансовых возможностях Переславля свидетельствует тот факт, что в то время в городе был всего один каменный храм, да и тот довольно скромных размеров — одноглавый. Таким образом, Ярослава ждала незавидная перспектива: до самой смерти прозябать в Переславле (если, конечно, старшие братья не прогонят).

В начавшемся между старшими братьями конфликте по поводу отцовского наследства Ярослав принял сторону получившего Владимира, в обход старшинства Константина, Юрия, заключив с последним союз («целовал крест») в 1213 году. Выбор Ярослава был весьма прагматичен — был он за тех, кто побеждает.

В 1214 г. Ярослав женился на дочери Мстислава Удалого княжне Ростиславе. О том, что случилось с дочкой половецкого хана — первой женой Ярослава — источники не сообщают. О детях от этого брака тоже ничего не известно.

Женитьба на дочке новгородского любимца Мстислава круто изменила судьбу Ярослава. В том же году княживший в городе с 1208 г. Мстислав оставил Новгород и уехал в Галич, сказав вече на прощание: «суть мы орудия в Руси, а вы вольны в князях». Вместо покинувшего Новгород Мстислава новгородское вече приняло решение позвать на княжение Ярослава Всеволодовича. Новгородцы долго совещались, прежде чем принять такое решение¹⁴. Возможно, они остановили свой выбор на Ярославе потому, что он был женат на дочери их любимца Мстислава Удалого. Владимирский летописец излагает несколько иную версию событий. Он пишет, что новгородцы выгнали Мстислава, а вместо него «привели себе на стол» Ярослава¹⁵.

Это первое пребывание Ярослава в Новгороде было недолгим. Уже через пару месяцев стало ясно, что Господин Великий Новгород жестоко ошибся с выбором князя. Видимо, не желая повторения ря-

занского фиаско, Ярослав слишком активно занялся укреплением своей личной власти. Первым делом он попытался уничтожить оппозицию в лице сторонников своего тестя. Жестокость Ярослава и попираание им исконных новгородских свобод вызвали в городе массовое недовольство. Услышав, что возвратившийся из Галицкой земли Мстислав собирает в Смоленске войско, Ярослав бежал в Торжок ¹⁶.

С.М. Соловьёв реконструирует эти события так: «Ярослав, приехавши в Новгород, схватил двоих бояр и, сковавши, заточил в свой ближний город Тверь; оклеветан был и тысяцкий Якун Намнежич; князь Ярослав созвал вече, народ бросился с него ко двору Якуна, дом его разграбили, жену схватили: сам Якун с посадником пришел к князю, и тот велел схватить сына его Христофора. Но волнение, возбужденное враждою сторон, этим не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата с сыном и бросили тела их в ров. Такое своеволие не понравилось Ярославу, он не захотел оставаться долее в Новгороде, выехал в Торжок, сел здесь княжить, а в Новгород послал наместника, последовавши в этом случае примеру деда, дядей и отца, которые покинули старый город Ростов и утвердили свое пребывание в новых» ¹⁷.

Достоверно можно утверждать одно: новгородцы не стали терпеть произвола и изгнали Ярослава. Для третьего сына Всеволода III это был тяжелейший удар, означавший конец так толком и не начавшейся карьеры. Княжение в богатейшем городе Руси того времени было для Ярослава единственным шансом обойти своих старших братьев Константина и Юрия и, конечно, возможностью свести старые счёты с черниговскими князьями.

Бегство (или позорное изгнание) из Новгорода поставило Ярослава перед выбором: или до конца дней прозябать в Переславле, или любыми средствами подчинить Новгородскую землю своей власти. «Человеколюбивый и кроткий» Ярослав, разумеется, выбрал второе. Не располагая ресурсами для того, чтобы занять Новгород силой, Ярослав задумал уморить новгородцев голодом. «Скоро представился ему благоприятный случай стеснить Новгород и привести его окончательно в свою волю: мороз побил осенью весь хлеб в Новгородской волости; Ярослав не велел пропускать в Новгород ни водного воза с хлебом из Низовой земли» ¹⁸. Кроме того, в своих владениях Ярослав захватил новгородских купцов и их товары, удерживая в плену 2 тыс. новгородцев, понимая, что заложники — эффективный инструмент, с помощью которого можно сделать своих противников более сговорчивыми ¹⁹.

Новгород всегда зависел от подвоза продовольствия с «низовой земли» (Владимиро-Суздальского княжества). Этим и решил воспользоваться Ярослав, поставив новгородцев перед выбором: он или голодная смерть. На мысль вызвать в Новгороде голод Ярослава натолкнула сама природа. После неурожая осени 1214 г., для того, чтобы в Новгородской земле начался голод, Ярославу достаточно было дать указание остановить подвоз зерна в Новгород. Надо отдать должное

его изобретательности, не отмеченной среди достоинств Ярослава Всеволодовича автором «Жития», — до него никто из русских князей не додумался оказать давление на волеизъявление жителей Господина Великого Новгорода путем доведения их до голодной смерти.

Запретив подвоз продовольствия в Новгород, Ярослав добился того, что в городе начался жестокий голод. Вот как его описывает Н.М. Карамзин: «Бедные ели сосновую кору, липовый лист и мох, отдавали детей всякому кто хотел их взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицах, оставленные на съедение псам, и люди толпами бежали в соседние земли, чтобы избавиться от ужасной смерти»²⁰.

Голод в Новгороде распространился и на финно-угорский народ вожан, обитавший в окрестностях города. Большинство вожан умерло, другие, спасаясь от голодной смерти, бежали за Нарву, где нашли убежище у своих соплеменников эстов.

Эстонские племена в это время как раз стояли перед судьбоносным выбором, чью сторону принять: немцев или русских. Трагедия вожан произвела на них неизгладимое впечатление. Возможно, именно поэтому в 1214 г. эстонцы, принявшие православие, перешли в католичество, а спустя несколько лет все племена эстов признали католичество и власть Риги, а их земли вошли в состав Ливонии, а не Новгорода. Четверть века спустя, узнав о том, что Ярослав стал великим князем Владимирским, вожане попросили ливонцев взять их под свою защиту. Бунт силами дружин под началом Александра Ярославича был подавлен, а «переветники» повешены. Крепость Копорье, построенная вожанами с помощью ливонцев, скрыта.

Говоря о голоде 1214 г., организованном Ярославом Всеволодовичем в Новгороде, нельзя не упомянуть о событиях, которые произошли семнадцать лет спустя. В 1231 г. в Новгороде случился страшный пожар. Убегая от огня, новгородцы искали спасение в Волхове, где многие из них утонули. Размер трагедии ужаснул современников, для которых городские пожары были, в общем-то, заурядным событием. Очевидцам казалось, что город уже никогда не восстановится. Летописец писал: «Новгород уже кончился». Этот пожар уничтожил не только строения и имущество, но и запасы продовольствия. На город вновь обрушился голод. Узнав о бедственном положении Новгорода, немецкие купцы доставили в город хлеб, «думая больше о человеколюбии, нежели о корысти, остановили голод; скоро исчезли ужасные следы его, и народ изъявил живейшую благодарность за такую услугу»²¹.

Ни угроза голодной смерти, ни сотни заложников не сломили новгородцев и не заставили их склонить головы перед Ярославом. Вместо того, чтобы идти к нему на поклон, они послали в Галич за своим Мстиславом Удалым, который согласился вернуться в Новгород. А Ярослав, так и не добившись от новгородцев любви и покорности, начал против них войну, призвав на помощь брата Юрия. В свою очередь, Мстислава поддержал затаивший на младших братьев обиду по поводу раздела отцовского наследства Константин Всеволодович. Лояльный к Ярославу придворный владимирский летописец дипломатично приписывает начавшуюся усобицу не действиям Ярослава, пытавшегося вернуть власть в Новгороде, а «козням исконного врага рода человеческого, а особенно христиан, — дьяволу»²².

В отличие от Ярослава, опытный полководец Мстислав войны не желал и предложил своему зятю решить дело миром. Единственным условием Мстислава было освобождение захваченного Ярославом новгородского пограничного Торжка и захваченных им пленников. Но Ярослав высокомерно отклонил мирные предложения тестя. Он ответил, что пришел к новгородцам с честью, а они его обидели, и поэтому он не может им не отомстить. Тогда Мстислав предложил новгородцам начать войну, и те «с охотою и великою ревностию исполнили»²³.

На что рассчитывал не имевший военного опыта Ярослав, ввязываясь в войну против Мстислава — лучшего полководца Руси того времени, которого прозвали за победы Удалым? Видимо, Ярослав полагал, что вместе с дружинами великого князя Владимирского Юрия он легко одолеет смоленские полки ростиславичей и ослабевших от голода новгородцев. Так началась междоусобица, которая своим масштабом поразила даже выдавших виды современников: «горе старшно и чудо дивно, братье, пошел сын на отца, брат на брата, раб на господина, господин на раба»²⁴.

В 1216 г. противники сошлись на р. Липица в окрестностях Юрьева-Польского. Мстислав в последний раз попытался уладить конфликт миром. «Благодарный Мстислав еще надеялся отвратить кровопролитие. Послы Новгородские говорили Георгию (Юрию), что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжок с Волоком Ламским. Но Георгий отвечив, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений»²⁵. Ярослав расценил попытку мирных переговоров, предпринятую его тестем, как признак слабости и заносчиво ответил послам, что новгородцы уподобились рыбе, которая не заметила, как оказалась на суше и испугалась: «мира не хотим, мужи у мене; а далече шли, и вышли аки рыбы на сухо»²⁶. Карамзин описывает, как перед битвой суздальские бояре, льстя самолюбию своих князей похвалялись, что «никогда еще враги не выходили целы из сильной земли Суздальской; что жители ее могли бы с успехом противоборствовать соединенному войску всех Россиян, и седлами закидают Новгородцев». «Одобрив сию безрассудную надменность», Юрий и Ярослав отдали своим полкам неслыханный по тем временам приказ: под страхом смерти не брать пленных — убивать даже тех, на ком будет шитая золотом одежда²⁷.

Перед началом битвы Юрий и Ярослав, уверенные в победе, договорились о разделе Руси между собой. Несмотря на тенденциозный характер летописных сообщений, нет оснований сомневаться в достоверности данного эпизода, поскольку летописец указывает, что копию договора, подписанную и принятую князьями, «взяли смоляне по победе в стане Ярослава и передали своим князьям». По этому соглашению Юрий получил бы Владимир и Ростов, Ярослав — Новгород, Святослав — Смоленск, а Галицкую землю Мстислава поделили бы Юрий и Ярослав²⁸.

В Липецкой битве войска Юрия и Ярослава понесли сокрушительное поражение. По смоленским оценкам, они потеряли 9233 человека убитыми и 60 пленными, а потери Константина и ростиславичей со-

ставили 6 человек ²⁹. Лаврентьевская летопись и НПЛ не указывают число погибших в битве. Татищев приводит цифру убитых воинов Юрия и его брата 17 250. Ростовцев, смолян и новгородцев — 2550 ³⁰.

Ярославу — главному виновнику этой войны — совсем не хотелось испытать на себе участь, которая ожидала бы его противника, в случае если бы он сам одержал победу. Бросив на произвол судьбы свое войско, Ярослав в панике бежал с поля боя. И бежал так быстро, что загнал четырех коней и лишь на пятом добрался до спасительных стен родного Переславля. В город он приехал в «одной первой сорочке», бросив по дороге оружие, дорогие доспехи и верхнюю одежду. Брошенные Ярославом доспехи — шлем и кольчугу — нашла шестьсот лет спустя (в 1808 г.) в кустах недалеко от Юрьева-Польского крестьянка, собиравшая орехи. В действительности жизни Ярослава ничего не угрожало: новгородцы, по словам летописца, «по обычаю дедов» пошли в бой пешие и босиком а, поэтому, при всем желании не смогли бы угнаться за удиравшим в одной рубахе верхом на коне Ярославом.

Прискакав в Переславль, Ярослав приказал расправиться с заложниками. Сто пятьдесят схваченных по его приказу новгородцев заперли в тесной избе, где они в страшных муках скончались. Смолен, которых было схвачено только пятнадцать человек, держали в другом месте, и им удалось выжить.

Когда войска победителей подошли к Переславлю, Ярослав послал гонцов к Константину, умоляя не выдавать его тестю. Затем и сам приехал к брату «ударил ему челом и сказал: Господин! Я в твоей воле: не выдавай меня тестю моему Мстиславу, а сам накорми меня хлебом» ³¹. Осыпав богатыми дарами и подарками князей-победителей и их воевод, Ярослав вымолил себе прощение. Он вернул оставшихся в живых купцов и вынужден был возратить Мстиславу его дочь — свою жену ³². После этого ему милостиво позволили остаться княжить в Переславле. Позднее Ярослав не раз просил Мстислава вернуть ему жену, но все было напрасно.

Татищев сообщает, что Ярослав просил Мстислава и всех князей не брать у него княгиню. Но Мстислав настаивал: «Не достойно тебе княжескую дочь женою иметь, потому что ты, забыв ей в Церкви данное при браке обещание, имел ее не как жену, но как рабу. И когда ты мне и ей своей данной клятвы не сохранил, того и она от своей клятвы свободна» ³³.

После этого Ярослав вступил в третий брак. По мнению Н.И. Баумгартена, его супругой стала рязанская княжна Феодосия ³⁴. В отличие от двух предыдущих браков этот оказался успешным, по крайней мере, дети стали появляться с завидной регулярностью: семь сыновей и четыре дочери. В 1218 г. у него родился первенец — сын Федор, а спустя два года, второй сын — Александр, тот самый, что три столетия спустя, при Иване Грозном, получил прозвище Невский ³⁵.

В том же 1218 г. умер Великий князь Константин и Ярослав на шаг приблизился к заветному великокняжескому престолу, став вторым по старшинству после своего брата Юрия князем Владимиро-Суздальской Руси.

В 1222 г. Ярослав вновь появился в Новгороде. Этому предшествовали следующие события: в 1221 г. новгородцы прогнали сына

князя Юрия Всеволода: «не хотим тебя иди к отцу в Русь». На следующий год новгородцы обратно послали за Всеволодом к Юрию во Владимир. «На ту же зиму князь Всеволод бежал ночью тайно из Новгорода со всем своим двором. Новгородцы были очень этим опечалены. Тогда послали они бояр к Юрию: если не угодно держать Новгород сыном, выдай нам брата и дал он им брата своего Ярослава»³⁶.

В 1223 г. (по Хронике Ливонии Генриха Латвийского в 1222 г.), когда русские князья вышли биться на Калку, Ярослав во главе двадцатитысячного войска выступил в Ливонию. «Жители встречали его с радостью, выдавали ему всех немцев, заключенных ими в оковы, и приняли россиян как друзей в Юрьеве, Оденпе и других местах»³⁷. Ярослав хотел вести войско на Ригу, но эсты убедили его повернуть к Ревелю — против датчан.

Хроника Генриха сообщает о том, что эсты подговорили Ярослава сначала уничтожить более слабых датчан, а затем покончить с немцами. В это время ливонцы отбили у восставших эстонцев ряд замков, в том числе и Феллин, где уже был размещен новгородский гарнизон. На пятнадцатый день осады, страдавшие от голода, жажды и болезней эсты решили сдаться. Они вышли из замка, вновь приняли крещение и обещали «никогда впредь отступнически не нарушать таинства веры, а за сделанное дать удовлетворение». Сдавшихся на милость победителей эстов рыцари пощадили. «Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским»³⁸. Виноваты ли эсты в гибели новгородцев или нет — сказать трудно. Но проходивший мимо города Ярослав, узнав о судьбе русского гарнизона, пришел в бешенство. Свой гнев он сорвал на местных жителях, истребив всех, кто уцелел от руки немцев и начавшегося в окрестностях мора. Лишь немногим из них удалось спастись в лесах.

«Огорченный Ярослав клялся жестоким образом отмстить за такое злодейство, но вместо Рыцарей, наказал одних невинных жителей Феллинской области: лил их кровь, жег дома; довершил бедствие сих несчастных, которые искали убежища в диких лесах, стеная от Немцев, Россиян и болезней»³⁹. «Удовлетворив своему гневу», Ярослав продолжил поход на датчан. Но воевать с ними оказалось не так просто, как карать эстов. Четыре недели объединенное войско Ярослава и эстов безрезультатно осаждало датский замок (по русским источникам, это был Ревель), «но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много балистариев, убивавших немало русских и эстов»⁴⁰. И это, несмотря на то, что в ходе восстания эсты захватили много немецких метательных машин и вместе с русскими использовали их во время осады — «пытались взять замок тевтонским способом, но не хватило сил».

Добившись успеха, как обычно, только в разграблении окрестностей, русские войска ушли — «в конце концов, король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Русь»⁴¹.

НПЛ описывает эту войну по обыкновению кратко: «Пришел князь Ярослав от брата, и идя со всею областью к Кольване, и повоевав всю землю Чюдскую, а полона приведя без числа, но город не взяли, злата много взяли, и вернулись все здоровы». Сразу же после этого Ярослав с детьми и княгиною вернулся в Переславль. Новго-

родцы его просили остаться, говоря «не ходи княже» но, по словам летописца, он ушел по своей воле⁴². О причинах, заставивших Ярослава покинуть Новгород, ничего не известно. А новгородцы вновь послали к Юрию за сыном Всеволодом. Но и он недолго пробыл в городе и тоже бежал. После этого Юрий окончательно самоустранился от новгородских дел. С этого времени началась борьба за Новгород между Ярославом и Михаилом Черниговским, которых поддерживали разные группировки новгородских бояр.

Начиная с 1224 г. и до 1230 г., когда новгородцы окончательно отказались от услуг Михаила Черниговского, княжеский пост в городе занимали то Михаил или его сын, то Ярослав или один из его сыновей Федор или Александр. Все это время шла борьба между боярскими группировками, регулярно переходящая в народные волнения, или, говоря словами летописца, распри. Феннел объясняет победу Ярослава в борьбе за Новгород, «во-первых, его изобретательностью и военным искусством, а во-вторых, — что, может быть, не менее важно, — тем, что его вотчина в Переславле была расположена близко к Новгороду и его самая западная застава Тверь находилась как раз через границу от Торжка, тогда как столица Михаила Чернигов была почти так же удалена от Новгорода, как Киев»⁴³.

В 1225 г. Ярослав принял участие в отражении набега семитысячного отряда литовцев на Торжок. Литовцы были настигнуты возле Руси, где были разбиты, понеся большие потери. Узнав об этой победе, новгородцы послали за Ярославом, но с условием, что он заплатит свои долги. Ярослав, в свою очередь, обвинил новгородцев в том, что они прежде ему учинили обиду и что не послали ему в помощь войска на Литву. Договорились на том, что новгородцы принимали Ярослава, дав клятву его не изгонять и досады не чинить (1226 г.).

В 1227 г. Ярослав ходил на ладьях в Ладожское озеро на емь, «повоевал всю их землю и полон привел без числа»⁴⁴.

В 1228 г. он участвовал в походе великого князя Юрия на мордву. В это время емь воевала с новгородскими областями по Ладожскому озеру. Ярослав с новгородцами выступил к Ладоге, но к их приходу нападавшие сожгли свои ладьи, перебили пленных и ушли лесами. Новгородцы, узнав об этом, собрали вече, на котором приговорили к смерти посадника Судимира, возложив на него вину за то, что не скоро шел. Ярослав заступился за посадника, сохранив ему жизнь⁴⁵.

В том же году Ярослав с дружиной пошел на Псков. Псковичи, затворившись в городе, отказались пускать Ярослава. «Желая иметь Псков в своей зависимости, он поехал туда с Новгородскими чиновниками; но Псковитяне не хотели принять его, думая, что сей князь везет к ним оковы и рабство». Униженный Ярослав вернулся в Новгород, собрал вече и произнес следующую речь: «небо свидетель, что я не хотел сделать ни малейшего зла Псковитянам, и вез для них не оковы, а дары, овощи и паволока. Оскорбленная честь моя требует мести». Одновременно Новгород наполнился переславскими полками. Ярослав успокаивал новгородцев, говоря что «хочет идти против Немецких Рыцарей; но граждане не верили ему и боялись его тайных замыслов»⁴⁶. «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков»⁴⁷.

Тем временем псковичи, узнав о том, что Ярослав с переславскими полками собирается в поход на Ригу, заключили с ливонцами

мирный договор и оставили им сорок заложников с условием, чтобы они оказали им помощь в случае войны с новгородцами⁴⁸.

Ярослав послал к псковичам посла с требованием присоединиться к его походу и выдать тех, кто «наговаривал вам на меня»⁴⁹. «Весьма мне дивно, что вы с неверными мир и союз учинили, а меня, князя вашего, принять не хотели. Ныне пойдете со мною на войну, а я обнадеживаю вас, что вам никоего зла не мыслил и не хочу, токмо отдайте мне тех, меня вам оклеветал». Псковичи ответили Ярославу так: «Кланяемся тебе, князю Ярослав, и братии нашей новгородцам и вам на ваши слова отвечаем: на войну с вами не идем и братии нашей, которые правду говорят, не отдадим. Что мы с рижанами мир и союз учинили, в том нам нет порока ибо все мы, верные и неверные от единого Адама дети, и нам нет с ними никакой разности»⁵⁰.

Свое нежелание воевать с Ливонией псковичи аргументировали тем, что все прошлые войны ничего кроме бед им не принесли: «Князь Ярослав! Клянемся тебе и друзьям Новгородцам; а братьев своих не выдадим, и в поход неидем, ибо Немцы нам союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венден), и Медвежьё Голову, но брали везде не города, а деньги; раздражив неприятелей, сами ушли домой, а мы за вас терпели: наши сограждане положили свои головы на берегах Чудского озера; другие были отведены в плен. Теперь восстает против нас: но мы готовы ополчиться с Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите в плен жен и детей: вы не лучше поганых»⁵¹.

Новгородцы без псковичей тоже отказались идти с Ярославом на Ригу. Выслушав на вече послание псковичей, новгородцы заявили: «Мы без своей братии, без псковичей, неидем на Ригу, а тебе, князь, клянемся»; «много уговаривал их Ярослав, но все понапрасну»⁵². Новгородцы потребовали, чтобы он переславскую дружину отправил домой, а псковичей, которые брали от Ярослава дары и вести пересылали, выгнали, сказав им: «Вы нам не братья, пойдите к вашему князю»⁵³.

Поход не состоялся. Ярослав был вынужден отпустить свои полки назад в Переславль. В том же году князь покинул Новгород, оставив за себя своих сыновей Федора и Александра с боярином Федором Даниловичем и тиуном Якимом. В это время в Новгороде был очередной неурожай. Встревоженные тем, что житницы стоят пустые, новгородцы сместили Владыку Аресения, которого обвинили в том, что он купил эту должность у Ярослава. Новгород взбунтовался («был мятеж в городе велик») ⁵⁴. Разграбив несколько домов сторонников Ярослава новгородцы хотели повесить одного из них, но тот убежал, ускакав к Ярославу. Вече избрало нового тысяцкого и послало к Ярославу требование прийти в город и отменить ущемляющие новгородские вольности подати. «Или — говорили ему Послы Веча — наши связи с тобою навеки разрываются» ⁵⁵. Ярослав ответа не дал, а его заместники, прихватив княжеских отпрысков, как уже не раз бывало, тайком ночью бежали из Новгорода. Новгородцы расценили их бегство как подтверждение того, что люди Ярослава «зло задумали на святую Софию» ⁵⁶. «Одни виновные могут быть робкими беглецами: не жалеем о них. Мы не сделали зла ни детям, ни отцу, казнив своих братьев. Небо отомстит вероломным; а мы найдем себе Князя. Бог по нас: кого устрасимся?» ⁵⁷ Выбор Новгорода пал на князя Михаила Черниговского.

В 1229 г. Ярослав «усомнился [в намерениях] брата своего Юрия слушая некие лести», привлек на свою сторону трех сыновей покойного Константина, «замыслил противиться» Юрию. Причины конфликта неизвестны, но, судя по всему, это была попытка переворота, направленного на смещение Юрия с владимирского престола в пользу Ярослава. Татишев полагает, что причиной было то, что Ярославу представили его очередное изгнание из Новгорода как происки Юрия. Так или иначе, замыслы Ярослава не привели к очередной усобице среди Всеволодовичей. «Благоразумный» (по словам летописца) Юрий призвал злоумышленников на совет в Суздаль. «Ярослав весьма не хотел ехать, но, увидев, что Константиновичи ростовские без отрицания поехали, и сам приехал»⁵⁸. Результатом встречи стало то, что Ярослав и его племянники «целовали крест», признавая великого князя владимирского «отцом себе и господином», после чего, отпраздновав совместно рождество Богородицы, «веселы и одарены с мужьями своими разъехались» по своим уделам⁵⁹.

Уже в следующем году неумный Ярослав спровоцировал новый конфликт, затеяв поход против Михаила Черниговского. Его амбиции грозили нарушить хрупкое равновесие сил между потомками Всеволода, Ольговичами и Ростиславичами и ввергнуть Русь в новую междоусобицу. Для обуздания Ярослава пришлось прибегнуть к посредничеству высших иерархов Церкви. Киевский князь Владимир прислал к митрополиту всея Руси Кирилла с миротворческой миссией. По словам летописца, Ярослав «послушался» старшего брата, «отца своего» митрополита и заключил мир с Михаилом. «И была радость великая»⁶⁰. У Татишева несколько иная версия этих событий. Он полагает, что инициатором конфликта был не Ярослав, а Михаил, которого новгородцы подстрекали отбить у Ярослава Волок Ламский. «Князь Михаил Всеволодович прислал из Новограда к Ярославу Всеволодовичу, чтоб он отдал Волок Ламский, которой он взял от области Новгородской силою. Ярослав отвечал ему, чтоб он сидел в Новограде и доволен тем был, что имеет, а он Волока не отдаст. И если хотят мир иметь, то он на том с ними учинит, что владеть каждому тем, кто чем владеет»⁶¹.

Новгородцы, узнав об этом примирении, называли Михаила изменником и «путь показали», а сами отправили послов в Переславль просить к себе Ярослава. Так в 1230 г. он в четвертый раз сел в Новгороде. В городе он пробыл недолго, оставив там своих сыновей, и ушел в Переяславль-Залесский.

В 1234 г. Ярослав отразил набег литовцев на Руссу и в том же году с новгородцами и псковичами напал на Дерптское епископство. Казалось бы очевидно, что Ливония и Новгородско-Псковская земля — естественные союзники против общего врага, беспокоящего их своими грабительскими набегами, — литовцев.

«Сей народ беспрестанными набегами более и более ужасал соседей: занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию. Общая польза государственная предписывала нашим Князьям истребить гнездо разбойников и покорить их землю: вместо чего они только гонялись за Литовцами, которые чрез несколько вре-

мени одержали совершенную победу над сильною ратию Ливонских Рыцарей; сам Великий Магистр, старец Вольквин, положил голову в битве, вместе со многими витязями Немецкими и Псковитянами, бывшими в их войске»⁶².

Но Ярослава не беспокоили вопросы безопасности Новгорода и Пскова. Его интересовала богатая добыча, которую можно было взять у «немцев». Формальным поводом была месть за помощь, оказанную ливонцами псковскому князю Ярославу Владимировичу в захвате Изборска. Ярослав, не рискуя на этот раз осадить укрепленные замки, решил выманить противника из-за стен, где его, благодаря численному превосходству, можно было бы легко разбить. Встав возле Дерпта, новгородцы начали грабить и опустошать окрестности на глазах защитников города. Ливонцы предприняли вылазку, но до схватки дело так и не дошло. Удача в этот раз была на стороне новгородцев — под дерптским отрядом проломился лед, и большинство вышедших из-за городских стен утонули в реке. «Потом князь Ярослав, послал войска в загоны, всюду области их пленил, жег и разорял. Немцы, видя такую над собою беду беспомощную, прислали знатных людей просить о мире. И Ярослав, рассудя, учинил с ними перемирие на три лета и, взяв дары многие, возвратился»⁶³. Летописец сообщает об этом так: «И поклонились немцы князю, Ярослав же взял с ними мир по всей правде своей; и возвратились новгородцы здравы все, а низовцев несколько погибло»⁶⁴.

В 1235 г. началась междоусобица в Южной Руси. В следующие пять лет Киев переходил из рук в руки не менее семи раз. Ярослав, конечно, принял в ней участие и даже однажды осуществил свою мечту о великокняжеском престоле, став в 1236 г. с помощью новгородских бояр киевским князем. Правда, всего на несколько месяцев. Причины, по которым Ярослав не смог удержать за собой Киев, не известны. Но, можно констатировать, что к этому времени он был единственный из князей Суздальской земли, чьи интересы выходили за рамки ее границ и распространялись на важнейшие центры Древней Руси — Новгород и Киев. Другое дело, что невозможно судить были ли эти притязания обусловлены пониманием актуальных геополитических интересов и стремлением к объединению русских земель, что было особенно важно в канун татаро-монгольского вторжения, или были вызваны непомерными амбициями, жадностью и властолюбием Ярослава.

В конце 1237 г. татары вторглись в пределы Руси. Следующей их целью после Рязани стал Владимир. Юрий решил не оборонять город, а собрать все силы Суздальской земли на реке Сить. Несмотря на призыв брата, Ярослав к Юрию не присоединился. Возможно, просто потому, что не успел. Но, зная Ярослава, можно предположить, что он и не собирался воевать против татар, предоставив почетное право пасть в сражении с врагом своему старшему брату. Обстоятельства гибели Юрия и причастность или непричастность к ней его брата — тоже вопрос открытый, поскольку летописные свидетельства почему-то умалчивают о подробностях разыгравшейся на реке Сить драмы.

Так или иначе, но Ярослав, в отличие от большинства своих родственников, от татар не пострадал потому, что не участвовал в обороне русской земли, не откликнувшись на призыв Юрия. Зато как только

татары, уничтожив всех, кто пытался оказать им сопротивление, ушли восвояси, Ярослав тотчас же занял освободившийся после гибели Юрия и всех его сыновей Великокняжеский стол во Владимире.

Естественно, что в Орде, которой Ярослав своим бездействием помог разгромить Владимиро-Суздальское княжество, не могли не отметить его лояльность и не возражали против того, что он будет главенствовать над русскими князьями. За свои заслуги перед Ордой Ярослав получил не только Владимирский, но и Киевский престол. Это подтверждает летописное свидетельство о том, что Ярослав назначил в Киев в 1245 г. своего наместника — Дмитра Ейковича.

Сокольский выдвигает гипотезу о том, что Ярослав установил контакты с Батыем еще до его нашествия на Северо-Восточную Русь⁶⁵. Доверительные отношения Ярослава с Ордой позволяют предположить, что Батый сговорился с переславским князем, и тот предал своего брата Юрия, за что получил от монголов великокняжеский престол. Юрий ждал на р. Сити помощь большим войском из Переславля и Новгорода, которую ему обещал Ярослав, но ждал напрасно — обещанное войско так и не появилось. При загадочных обстоятельствах Юрий погиб, но не в бою, а от рук одного из своих дружинников. После гибели старшего брата, Ярослав поспешил в его разоренную столицу, чтобы занять трон, странным образом нисколько не опасаясь Батыя. Действительно, с того момента, как он сел во Владимире, монголы ушли назад в половецкие степи, не тронув Новгород.

Так, в сорок восемь лет, благодаря татарскому нашествию осуществилась заветная мечта Ярослава Всеволодовича. Теперь власть в Суздальской Руси будет принадлежать ему и его сыновьям, о жизни которых до этого момент практически ничего неизвестно. Старший из них, Федор, умер в 1233 г. в возрасте 14 лет. Александр, родившийся около 1220 г., провел большую часть своего детства и юности в Переславле, подолгу жил в Новгороде со своим отцом и старшим братом. Другие сыновья Ярослава — Андрей, Константин, Ярослав, Даниил и Михаил — впервые упоминаются в 1239 г. в сообщении о том, что они пережили татарское нашествие.

Летописец лаконично подводит итоги этого трагического для истории Руси года: «Того ж лета было мирно»⁶⁶. В связи с этим Феннел риторически вопрошает: «Если вспомнить обо всех ранее упомянутых опустошениях, нанесенных татарами в Северо-Восточной Руси, то не слишком ли быстро, как пытается уверить нас местный летописец, жизнь вернулась в прежнюю колею?»⁶⁷

После татарского нашествия Ярослав прожил на Суздальской земле еще восемь лет. За этот период только в 1239 г. он проявил какие-то признаки прежней воинственности, столь характерной для его прошлой деятельности. В этом году он напал на Каменец возле границы Киевского княжества. Цель похода на столь удаленный от Суздальского Владимира город — сведение старых счетов с Михаилом Черниговским, который в это время был князем киевским. Михаил вывез в удаленный Кременец свою жену, чтобы обезопасить семью от возможного нападения татар. Ярослав захватил город. Жену Михаила и несколько его бояр отправил во Владимир⁶⁸. По мнению Феннела, «это был акт личной мести, лишенный политической целесообразности, и он ничего не дал Ярославу: он не захватит в плен своего старо-

го врага, и даже если бы это ему удалось, то мало бы что изменилось: дни Михаила как политика в Южной Руси были к тому времени сочтены»⁶⁹.

Военные успехи Ярослава на этом не закончились. Ближе к концу 1239 г. он (возможно, по пути из Каменца) дрался с литовцами, вторгшимися на земли Смоленска. Об этом сражении сообщается только то, что Ярослав разгромил литовцев и князя их пленил, но летописец к этому добавляет, что он «смолян урядив» и «князя Всеволода [Мстиславича] посади на столе»⁷⁰. Это вмешательство во внутренние дела Смоленска могло означать, что Ростиславичи признали над собой власть великого князя владимирского.

Однако это было фактически последнее из выступлений Ярослава, упомянутых в летописях, и последний случай, когда князь Суздальской земли влиял на смоленские дела. Кроме поездок в Орду в 1243 и 1245 гг., летописи больше о нем не упоминают. Трудно сказать, каковы были результаты первой поездки Ярослава, помимо подтверждения его старейшинства среди русских князей. Возможно, он получил в свое ведение не только районы Суздальской земли, но также и Киев. По Карамзину «Батый принял Ярослава с уважением и назвал Главою всех Князей Российских, отдал ему Киев... Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для Удельных Князей Суздальских... [которые] били челом надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих»⁷¹.

О событиях, связанных с его второй поездкой в Золотую Орду в 1245 г., сообщается только в двух источниках (в Лаврентьевской летописи и у Иоанна де Плано Карпини). Он либо умер на обратном пути (версия русской летописи), либо был отравлен в Каракоруме 30 сентября 1246 г. вдовой великого хана Угедея (версия Иоанна де Плано Карпини)⁷².

Карамзин считает версию отравления несостоятельной: «Ярослав простился навеки с любезным отечеством, сквозь степи и пустыни достигнув до Ханского стана, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника (Гуюком)... и, получив милостивое дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути... Верные Бояре привезли его тело в столицу Владимирскую. Говорили, что он был отравлен... Но Моголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли Князь Владимирской области казаться страшным Монарху (Гуюку), повелевавшему народами от Амура до устья Дунайского?»⁷³

Бояре привезли тело князя во Владимир, где в Успенском соборе он и был похоронен.

Примечания

1. Функция исторической памяти — создание идеального образа прошлого таким, каким оно должно было бы быть, чтобы оправдать легитимность существующего институционального порядка и пробудить чувство гордости за принадлежность к данной «мы-группе», ощущающей свое единство. Особенность исторической памяти заключается в том, что для нее не имеет значения, истинные или ложные

- представления лежат в основе идеального образа. Коммуникативная память основана на личном опыте и не отличается формализацией. Это, преимущественно устная традиция, возникающая в ходе повседневного спонтанного социального взаимодействия.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, л. 154.
 3. Карамзин прямо указывает на то, что «Ярослав не пользовался любовью народною». КАРАМЗИН Н.М. История государства российского. Т. 2—3. М. 1991, с. 491.
 4. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М. 1989, с. 88.
 5. СЕРЕБРЯНСКИЙ Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). Чтения Общества истории и древностей российских. М. 1915, с. 77.
 6. ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб. 1889, с. 18.
 7. СЕРЕБРЯНСКИЙ Н.И. Ук. соч., с. 77.
 8. Там же, с. 76.
 9. Лаврентьевская летопись. URL.: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php, л. 168.
 10. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. III. М. 1994, с. 167.
 11. Там же, с. 176.
 12. Лаврентьевская летопись повествует о том, что рязанцы схватили княжеских людей, некоторые погибли в темницах (л. 147об).
 13. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 182.
 14. НПЛ, л. 81.
 15. Лаврентьевская летопись, л. 150.
 16. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25. М.-Л. 1949, с. 110—111.
 17. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. I. М. 1988, с. 589.
 18. Там же.
 19. НПЛ, л. 83.
 20. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 438.
 21. Там же, с. 499.
 22. Лаврентьевская летопись, л. 150.
 23. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 192—193.
 24. НПЛ, л. 85—86.
 25. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 440.
 26. НПЛ, л. 85об.
 27. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 441.
 28. ПСРЛ. Т. 5. Л. 1925, с. 196; т. 4, с. 190.
 29. Там же, т. 5, с. 198—199; т. 4, с. 193—194.
 30. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 198.
 31. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 596.
 32. НПЛ, л. 87.
 33. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 199.
 34. БАУМГАРТЕН Н.А. К родословию великих князей Владимирских, Мать Александра Невского. В кн.: Летопись Историко-родословного общества в Москве. М. 1908, вып. 4 (16), с. 21—23.
 35. Впервые Александра Ярославича называют «Невский» в «Слове похвальном благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в нем же и о чудесах его споведается», написанном по указанию митрополита Макария после собора 1547 года. В 1550 г. данная редакция вошла в состав Великих Миней Четых. С этого времени Александр Ярославович официально именуется как Невский.
 36. НПЛ, л. 94об.—95.
 37. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 459.
 38. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л, 1938. URL.: <http://www.junik.lv/~link/livonia/chronicles/henricus/index.htm>.
 39. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 459—460.
 40. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии.

41. Там же.
42. НПЛ, л. 95об.
43. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М. 1989, с. 112—113.
44. НПЛ, л. 103.
45. НПЛ, л. 103об.—104.
46. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 491.
47. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 622.
48. НПЛ, л. 105.
49. Там же, л. 105об.
50. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 222—223.
51. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 492.
52. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 622.
53. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 223.
54. НПЛ, л. 107.
55. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 493.
56. НПЛ, л. 108.
57. КАРАМЗИН. Ук. соч., с. 493.
58. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 224.
59. Лаврентьевская летопись, л. 156.
60. Там же, л. 157об.
61. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 225.
62. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 501.
63. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 229.
64. НПЛ, л. 118об.
65. СОКОЛЬСКИЙ М.М. Неверная память. Герои и антигерои России. М. 1990, с. 126—193.
66. Лаврентьевская летопись, л. 163об.
67. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 121.
68. Лаврентьевская летопись, л. 164об.
69. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 139.
70. Лаврентьевская летопись, л. 164об.
71. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 175—176. По сообщению Лаврентьевской летописи, Батый принял Ярослава и бояр его с великой честью и отпустил, говоря: «Ярослав! будь ты старший над всеми князьями в Русской земле». «Ярослав же возвратился в свою землю, с великою честью» (л. 165).
72. «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем... Он только что был приглашен к матери Императора, которая...дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое поместье, тотчас же занедужил и умер, спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело». ПЛАНО КАРПИНИ. История Монголов. СПб. 1911, с. 57.
73. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 176.

Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии

А.И. Тетуев

В результате сложных, порой трагических событий в истории России миллионы наших соотечественников были вынуждены покинуть родную землю и обрести вторую родину во многих странах мира. Не обошла эта проблема и карачаево-балкарский народ: в настоящее время свыше 35 тыс. потомков иммигрантов карачаевцев и балкарцев проживают в Турции, Сирии, государствах Западной Европы, США, Киргизии, Казахстане и других странах.

Процесс формирования карачаево-балкарской диаспоры в странах Центральной Азии связан с драматическими социально-политическими событиями, происходившими в СССР в первой половине XX века. В 20—30-е гг. XX в. на спецпоселение были отправлены 877 карачаевцев и 544 балкарца, в том числе и «раскулаченные», со стандартной формулировкой — за «антисоветскую деятельность»¹.

Затем, в первой половине 40-х гг. XX в., карачаевский и балкарский народы по ложному обвинению в «пособничестве оккупантам» и «бандитизме» были депортированы в основном в Казахскую и Киргизскую ССР. В конце 1950-х гг. необоснованные обвинения с депортированных народов были сняты. Президиум Верховного Совета СССР издал 9 января 1957 г. Указы «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР» и «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область»².

После восстановления государственности балкарского и карачаевского народов в 1957—1959 гг. возвратились на историческую родину 9327 балкарских семей (35 274 чел.)³, а в Карачаево-Черкесскую автономную область — 20 514 семей (73 442 чел.)⁴.

Вместе с тем, по разным причинам около 12 % балкарцев и карачаевцев остались жить в странах Центральной Азии. Так, по итогам

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Всесоюзной переписи 1989 г., накануне распада Союза ССР, за пределами РСФСР, в основном в Казахстане и Киргизии, проживали 5098 балкарцев (6% от общей численности), 4743 карачаевца (3,1%)⁵.

В 1991 г., после распада СССР и образования ряда новых независимых государств, одной из актуальных стала проблема разделенных народов, в том числе балкарцев и карачаевцев, которые по разным причинам остались в местах депортации.

90-е гг. XX и начало XXI столетия стали временем активизации миграционных процессов в постсоветском пространстве, что заметно изменило демографическую, социальную и этническую структуры в бывших союзных республиках. В странах Центральной Азии миграция населения привела к резкому сокращению численности национальных меньшинств. Среди народов, населяющих Казахстан и Кыргызстан, наибольшие потери от миграции понесли карачаевцы и балкарцы, численность которых, по итогам переписи 2009 г., сократилась в среднем на 60% по сравнению с данными 1989 года. По итогам переписи 2009 г. численность карачаево-балкарской диаспоры в этих странах составила 5826 человек, в том числе балкарцев — 3100 и карачаевцев — 2726⁶.

Возникает вопрос, связано ли это с ассимиляционными процессами или является движением иммиграционных потоков, характерным для депортированных народов? Исследование причин таких демографических и миграционных процессов обусловлено как научной, так и общественно-политической значимостью проблемы, а также расширением культурного взаимодействия карачаево-балкарской диаспоры с исторической родиной.

Казахстан стал второй республикой, после России, где последовательно занимаются проблемами реабилитации представителей депортированных народов, что благотворно сказывается на положении карачаево-балкарской диаспоры. Так, 14 апреля 1993 г. президент Республики Казахстан подписал закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий»⁷. Законом определялся перечень льгот для реабилитированных граждан: балкарцам и карачаевцам, достигшим 60 лет, предоставлялась 50 % скидка при покупке медикаментов; улучшилось пенсионное обеспечение репрессированных⁸. Начиная с 1993 г., было рассмотрено 269 520 дел спецпоселенцев. Число реабилитированных составило 225 335 чел., в их числе — балкарцы и карачаевцы⁹. К сожалению, экономические трудности в республике не позволили довести работу по реабилитации до логического завершения.

Вместе с тем, статистические данные Агентства Республики Казахстан свидетельствуют о последовательном снижении численности карачаево-балкарской диаспоры. По сравнению с переписью 1970 г. численность балкарцев в 2009 г. уменьшилась на 916, а карачаевцев — на 1452 человека.

В 2009 г. из 1798 балкарцев городское население составило 632 чел. (35,2%), сельское — 1166 чел. (64,8%), а из 995 карачаевцев в городе проживало 389 чел. (39%), в сельской местности — 606 чел. (61%)¹⁰. Основными областями и городами компактного проживания балкарцев и карачаевцев являются Алмаатинская и Джамбульская области, Шербактинский и Успенский районы Павлодарской области, города Алма-Аты, Талды-Курган, Астана, Тараз, Шымкент.

Возрастной состав балкарцев и карачаевцев в Республике Казахстан сложился следующим образом: среди балкарцев дети до 9 лет составляют 11,3%, лица в возрасте 10—19 лет — 12%, 20—29 лет — 16,5%, 30—39 лет — 14%, 40—49 лет — 16,5%, 50—59 лет — 12,7%, 60—69 лет — 6,6%, лица в возрасте 70 лет и старше — 10,5% от общей численности.

Среди карачаевцев дети до 9 лет составили 13,5%, лица в возрасте 10—19 лет — 17,6%, 20—29 лет — 18,4%, 30—39 лет — 14,3%, 40—49 лет — 14,3%, 50—59 лет — 9,2%, 60—69 лет — 4,2%, лица в возрасте 70 лет и старше — 8,5% от общей численности ¹¹.

Статистические данные позволяют увидеть сложившуюся гендерную асимметрию, которая выразилась в численном перевесе мужского населения среди балкарцев и карачаевцев в возрасте до 29 лет. Количество мужчин до 29 лет на 2009 г. составило среди балкарцев — 384 чел. или 42,8% от всего мужского населения, женщин, соответственно — 902 чел. или 36,8% от всего женского населения; среди карачаевцев мужчин — 285 чел. или 54% от всего мужского населения, женщин, соответственно — 467 чел. или 44,3% от всего женского населения. По итогам переписи населения 2009 г. из лиц в возрасте 15 лет и старше состоят в браке: балкарцев (мужчин) — 53,4%, женщин — 45,8%; карачаевцев (мужчин) — 49,1%, женщин — 38,8% ¹².

Таким образом, у балкарцев и карачаевцев сокращение численности определялось миграционной убылью, превосходящей естественный прирост населения. Какую-то роль могла сыграть смена идентичности в пользу «государствообразующего» этноса, что вполне вероятно в смешанных семьях. Все это не отрицает возможность этноассимиляционных процессов в Республике Казахстан, но, скорее всего, они могут проявляться в пределах этнически близких групп — балкарцы, карачаевцы — в пользу казахов.

Вместе с тем, наблюдается интенсивная миграция карачаевцев и балкарцев. Наибольшее число мигрировавших из Республики Казахстан приходится на период перестройки в СССР, а также период обострения межнациональных отношений. В 1989 г. численность балкарцев уменьшилась на 1128, а карачаевцев — на 1043 человек ¹³.

Произошли существенные изменения в уровне образования балкарцев и карачаевцев. Так, среди балкарцев в возрасте 15 лет и старше в 2009 г. высшее образование имели 19,4%, незаконченное высшее — 4,1%, среднее специальное — 23,3%, начальное профессиональное — 1,7%, общее среднее — 28,4%, основное среднее — 14,3%, начальное — 8,1%; среди карачаевцев в возрасте 15 лет и старше в 2009 г. высшее образование имели 19,9%, незаконченное высшее образование — 3,9%, среднее специальное — 17,7%, начальное профессиональное — 2,2%, общее среднее — 33,2%, основное среднее — 16,6%, начальное — 6,1% ¹⁴.

Ситуация с карачаево-балкарской диаспорой в Киргизии во многом схожа. По данным переписи 2009 г. в Кыргызской Республике проживают представители более 100 национальностей, в том числе балкарцев — 1302 и карачаевцев — 1731 человек. Статистические данные свидетельствуют о том, что в результате современных демографических, миграционных и этнических процессов из республики с

достаточно «пестрым» этническим составом населения, особенно городского, Кыргызстан превращается в страну с сильно выраженным преобладанием титульного этноса, составлявшего в 2009 г. 71%¹⁵. Вместе с тем, численность этносов, принудительно переселенных в Кыргызстан из СССР, сокращается. Так, на территории Кыргызской Республики по итогам переписи 2009 г. по сравнению 1989 г. численность балкарцев уменьшилось на 829, а карачаевцев — на 778 человек¹⁶.

Необходимо отметить, что интенсивный выезд «некоренных народов» усугубляет процессы естественной убыли в диаспорах. В потоке выезжающих (в том числе окончательно) много молодежи, что ведет к ускоренному старению остающегося населения. Особенно большую роль естественная убыль сыграла в сокращении численности карачаево-балкарской диаспоры. Видимо, в данном случае происходит сложное переплетение процессов естественного движения населения постаревшей диаспоры и этнической самоидентификации. Национальность своих детей в этнически смешанных семьях родители, свободно относящиеся к идентичности, могут определять в пользу многочисленных или других этносов, принадлежность к которым дает символические социальные преимущества.

Основными населенными пунктами компактного проживания балкарцев и карачаевцев в Киргизии являются: север страны — Чуйская долина и столица Бишкек, где традиционно проживала основная часть некоренных этносов страны. В Чуйской области по данным переписи 2009 г. проживает карачаевцев — 1379 чел., что составляет 79,6% карачаевцев, проживающих в Кыргызстане, балкарцев соответственно — 53,1%¹⁷. Они живут в городе Ош и в селах Иссыкульской, Баткенской, Джалал-Абадской, Ошской и Таласской областей. Как и в Казахской Республике, представители карачаево-балкарской диаспоры в Кыргызстане заняты в различных сферах экономики, культуры, образования, науки и спорта.

Результаты социологических опросов, проведенных среди балкарцев и карачаевцев, проживающих в Казахстане и Кыргызстане показали, что более 85% из них желает вернуться на историческую родину. Однако это желание невозможно реализовать из-за отсутствия достаточных материальных средств и трудностей, связанных с получением гражданства РФ, земельных участков под строительство жилых домов, приобретением квартир, трудоустройством¹⁸. Об этом свидетельствует то, что в межпереписной период с 1999 по 2009 гг. из Казахстана и Кыргызстана вернулись в Кабардино-Балкарию и приняли гражданство Российской Федерации только 271 балкарец, что составляет 8,7% от численности диаспоры на 2009 год¹⁹. Аналогичное положение сложилось и с возвращением карачаевцев на свою историческую родину.

Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. была утверждена Государственная программа «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», которая направлена на возвращение людей, оказавшихся после распада СССР за пределами РФ и желающих переселиться в Россию²⁰.

14 сентября 2012 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена новая редакция Государственной программы «Со-

отечественники», которая будет функционировать бессрочно ²¹, определены 19 приоритетных территорий регионов вселения. При переселении участник программы и члены его семьи получают государственную гарантию и социальную поддержку. Однако Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, как и другие республики Северо-Кавказского федерального округа, не включены в число участников программы, так как являются трудоизбыточными субъектами с высоким уровнем безработицы и напряжением на рынке труда. Начиная с 90-х гг. прошлого века, в этих республиках сохраняется отрицательное сальдо миграции, то есть уезжает народу больше, чем приезжает. Коренное население (русские, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы и черкесы), особенно образованная и квалифицированная молодежь, уезжает в другие регионы России и за рубеж из-за своей невостребованности, невозможности найти применение имеющимся знаниям и навыкам у себя на малой родине. Происходит их неадекватное замещение необразованными и неквалифицированными иностранными работниками, что не может не волновать, несмотря на то, что их численность пока относительно невелика ²². Поэтому, на наш взгляд, государственным органам власти Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии следует разработать региональные программы содействия переселению, исходя из местных социально-экономических условий, и проработать вопрос о включении территорий этих республик в программу «Соотечественники».

Необходимо отметить, что в Казахстане и Кыргызстане созданы благоприятные условия для удовлетворения национально-культурных интересов национальных меньшинств. Так, в целях обеспечения межэтнического согласия Указом президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. была образована Ассамблея народов Казахстана, как совещательно-консультативная организация, председателем которой является президент. 20 октября 2008 г. принят закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана». Согласно данному закону, одним из основных направлений ее деятельности является содействие в разработке и реализации государственной национальной политики.

Большое значение для обеспечения комфортных условий жизни карачаево-балкарской диаспоры имело создание 13 апреля 1996 г. карачаево-балкарского национального культурного центра «Минги-Тау», имеющего филиалы в городах Талды-Курган, Астана, Тараз, Шымкент, Павлодар, Шерактинском и Успенском районах Павлодарской области. С марта 1996 г. по 2007 г. председателем карачаево-балкарского культурного центра являлась Л.Х. Хочиева, внесшая большой вклад в становление и развитие центра. «Минги-Тау» принимает активное участие во всех мероприятиях, проводимых Ассамблеей народа Казахстана. С сентября 2008 г. этот центр возглавляет М.М. Бабаев В апреле 2009 г. издан первый номер общественного журнала «Минги-Тау».

В целях сохранения культуры, языка, традиций национальных меньшинств, в Кыргызской Республике созданы и функционируют 32 культурно-национальных центра, которые объединены в Ассамблею народа Кыргызстана. С 1996 г. осуществляют свою деятельность общественное объединение балкарцев и кабардинцев «Минги-Тау» и международная ассоциация карачаевцев «Ата-Джурт».

Закреплению карачаево-балкарской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане в немалой степени способствует языковое родство (казахский и балкарский языки принадлежат к тюркской группе языков), а также языковая политика, проводимая в республиках. Так, в Конституции Республики Казахстан 1993 г. было определено, что в стране «государственным языком является казахский язык. Русский язык является языком межнационального общения»²³. Позднее в Конституцию был внесен пункт, гласящий, что в «... государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык»²⁴. Успешно реализуется в Республике Казахстан с 1998 г. и Государственная программа функционирования и развития языков²⁵, целью которой является языковое строительство по трем направлениям: «...расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение общекультурных функций русского языка; развитие других языков народов Казахстана». Карачаево-балкарский культурный центр «Минги-Тау» в Казахстане возобновил деятельность воскресных школ по изучению казахского и карачаево-балкарского языков²⁶.

Большое внимание языковой политике уделяется и в Киргизии. Так, в 2001 г. была утверждена «Программа развития государственного языка Кыргызской Республики на 2000—2010 гг.». В 2004 г. был принят Закон «О государственном языке», в котором подтверждается статус русского языка как официального.

В действующей Конституции Кыргызстана, принятой на референдуме 21 октября 2007 г., за русским языком сохранен статус официального²⁷. Большинство балкарцев и карачаевцев им владеют. Распределение балкарцев и карачаевцев, проживающих в Чуйской области, знающих второй язык, выглядит следующим образом: 692 балкарца и 1379 карачаевцев указали, что вторым языком владеют соответственно 72,5% и 71,6%, в том числе русским — 65,1% и 63,3%, кыргызским — 6,5% и 6,1%²⁸. Из проживающих в Чуйской области 692 балкарцев и 1379 карачаевцев родным языком указали: балкарский — 92% и 92,4%, русский — 11% и 10,8%²⁹.

В местах компактного проживания карачаевцев и балкарцев функционируют воскресные школы по изучению родных языков. Однако для эффективной организации этой работы в Казахстане и Кыргызстане не хватает квалифицированных учителей, необходимого количества учебников, учебных пособий, дидактических материалов по языку и литературе.

Важно отметить, что проблемы карачаево-балкарской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане находятся в центре внимания Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик. В Карачаево-Черкессии функционирует Комиссия по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом. Правительством КБР приняты «Основные мероприятия по поддержке Кабардино-Балкарской Республикой соотечественников за рубежом на 2006—2008 гг.», а также «Комплексный план по сохранению и развитию связей с соотечественниками, проживающими за рубежом на 2012—2015 гг.»³⁰. В рамках реализации указанных мероприятий представители карачаево-балкарской диаспоры Казахстана и Кыргызстана принимают участие в мероприя-

тиях, посвященных Дню единения народов Карачево-Черкесской Республики, Дню возрождения балкарского народа и других республиканских культурных форумах. В целях удовлетворения культурно-национальных интересов соотечественников Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований и образовательное учреждение «Книга» периодически направляют карачаево-балкарскому культурному центру «Минги-Тау» (Казахстан), Общественному объединению кабардинцев и балкарцев «Минги-Тау» (Кыргызстан) учебники по балкарскому языку и литературе, словари, издания по истории и филологии народов Кабардино-Балкарии. В мае 2011 г. делегация Кабардино-Балкарской Республики приняла участие в празднике единства народов Казахстана.

Таким образом, демографические и миграционные изменения, происходящие в Казахстане и Кыргызстане, свидетельствуют об относительно устойчивом развитии небольшого анклава карачаево-балкарской диаспоры. Во многом оно обусловлено совместными согласованными усилиями государственных и общественных структур России, Казахстана и Киргизии. Вместе с тем, в процессе урбанизации населения традиционная культура карачаевцев и балкарцев подвергается воздействию казахской и киргизской культур, поэтому карачаево-балкарская диаспора должна стремиться сохранить культурное и языковое наследие своего народа, его национальную идентичность. Для достижения этого необходимо совершенствовать работу государственных органов власти КБР и КЧР, общественных объединений, активизировать связи и сотрудничество с зарубежной диаспорой. Особо следует отметить, что это — двуединый процесс, в котором одинаково заинтересованы как представители диаспор, так и их соотечественники, живущие на своей исконной Родине. Чувство Родины, привязанности к родной земле — это то общее, что их объединяет. А через такие связи укрепляются и отношения между другими народами и государствами.

Примечания

1. Всесоюзная перепись населения 1939. Национальный состав по республикам СССР. www.demoscope/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=11.
2. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943—1957). Материалы и документы. Черкесск. 1993, с. 20.
3. БУГАЙ Н.Ф., ГОНОВ А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик. 1996, с. 78.
4. Карачаевцы..., с. 143—144.
5. Национальный состав населения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М. 1990, с. 32, 42.
6. Подсчитано по данным сборников: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Астана. 2010, с. 4, 9—10; Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 г. Книга II (часть первая) в таблицах. Население Кыргызстана. Бишкек. 2010, с. 91.
7. БУГАЙ Н.Ф. «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации. М. 2005, с. 105.
8. Информация карачаево-балкарского национально-культурного центра в Казахстане «Минги-Тау». 2009.

9. Сообщение агентства «Интерфакс». 25.V.2004.
10. Подсчитано по: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан..., с. 9—10, 16—17.
11. Там же, с. 24, 31.
12. Там же, с. 36—49, 202—204, 206—209.
13. Там же, с. 12—19.
14. Там же, с. 95—101.
15. Подсчитано по данным сборника Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики..., кн. II, с. 91.
16. Там же.
17. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 г. Книга III в таблицах. Регионы Кыргызстана. Чуйская область. Бишкек. 2010, с. 52—54.
18. Материалы социологического исследования, проведенного автором в 2011 г. в местах компактного проживания карачаевцев и балкарцев в Республике Казахстан.
19. Информация Управления Федеральной миграционной службы России по КБР от 27.03.2013.
20. Российская газета. 28.VI.2006.
21. Указ президента Российской Федерации «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», № 1289 от 14.IX.2012. www.fms.gov.ru/programs.
22. Итоги работы Управления Федеральной миграционной службы России по КБР за 2012 г. www.ufmskbr.ru.
23. Конституция Республики Казахстан 1993 года. Там же.
24. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года; Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 г. №151. Там же.
25. Указ президента Республики Казахстан от 5 октября 1998 г. № 1406 «О Государственной программе функционирования и развития языков»; Указ президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 г. № 550 «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001—2010 гг.».
26. Общественный журнал «Минги-Тау». 2009, №1, с. 19.
27. Конституция Кыргызской Республики от 21 октября 2007 года. www.president.kg.
28. Подсчитано по данным сборников: Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики..., кн. II, с. 128; кн. III, с. 88—89.
29. Там же, с. 84, 87.
30. Текущий архив правительства Карачаево-Черкесской Республики за 2012 г.; Текущий архив правительства Кабардино-Балкарской Республики за 2012 г.

Швейцарцы о России первой половины XIX в.

А.В. Тихонова

Взгляд со стороны на окружающую действительность позволяет рассмотреть ее через призму чужого восприятия, что всегда интересно, поскольку показывает обыденное с неожиданной точки зрения. Очевидно, что «встреча с *другим* всегда требует различения *своего* и *чужого* и осмысления выявленных различий»¹. При этом следует учитывать, что «представления о чужой культуре целиком центрируются на культуре собственной, которая в них выполняет роль одновременно и центрального члена, и базовой модели, привносящей в пространство Чужого несвойственную ему систему координат»².

Сегодня, когда Швейцария является государством с высокоразвитой экономикой, стабильной финансовой и политической системой, традициями нейтралитета и посредничества в разрешении международных конфликтов, трудно поверить, что эмиграция из Швейцарии была характерным явлением в первой половине XIX века. Это было связано с рядом экономических, политических, религиозных причин и природными катаклизмами. В числе стран, выбираемых швейцарцами в качестве объекта для иммиграции, не последнее место занимала Российская империя.

Приезжая сюда, швейцарцы сталкивались с такими реалиями российской действительности как самодержавие, крепостное право, отсутствие налаженной системы начального и профессионального образования, то есть тем, что не было исторически свойственно их родине и не соответствовало швейцарскому национальному характеру. Как они к этому относились? На этот, далеко не праздный вопрос, ответил декабрист Н.И. Тургенев в своей книге «Россия и русские» (1847): «Прирожденные республиканцы, водворяясь в стране, где господствует способ правления, диаметрально противоположный их собственному, прекрасно устраиваются, живут и благоденствуют при деспотизме; они даже очень хорошо приспосабливаются к рабству, одна

Тихонова Анастасия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета.

мысль о котором возмущает других»³. «Приспосабливаемость» швейцарцев была связана с национальным характером⁴. Практичность, желание заработать своим трудом и стремление в будущем вернуться на любимую родину — все это позволяло швейцарцам приспособиться к российским условиям. Тем не менее, это не означало, что они считали рабство приемлемым для человека состоянием.

Сторонником отмены крепостного права в России был воспитатель Александра I Лагарп. Он полагал, что свободные люди работают лучше крепостных, и сетовал в одном из своих писем А. Моно: «Каждый день я спорю по этому поводу с русскими, которые уверяют иначе никак нельзя, что эта восточная экономика необходима...»⁵. Знаменитый военный историк, генерал А.-А. Жомини в одной из своих записок Александру I (1824 г.) раскрывал перед императором перспективы расцвета экономики страны в случае отмены крепостного права: «Посредством хорошо обустроенного освобождения крепостных значительная их часть преобразуется в мещан, купцов и работников разных ремесел, формируя со временем уважаемое третье сословие и удваивая количество городов и население империи. Россия найдет таким способом в этом новом городском населении не только потребителей продуктов своей земли, а экспорт этих продуктов не будет отныне не столь обязательным, чтобы обеспечить собственникам сбыт ими произведенного, но еще и рабочие руки этих городов смогут снабжать страну всеми видами изделий, которые сейчас она завозит с такими громадными издержками из-за границы. Этот постепенный рост средних классов и городского населения принесет с собой развитие ремесел и индустрии, которые определенно повлияют на процветание государства и его богатство»⁶.

Уместно вспомнить еще одно замечание Лагарпа: «Провидение, по-видимому, возымело сожаление о миллионах людей, обитающих в России, но лишь Екатерина II могла пожелать, чтобы ее внуки были воспитаны как люди»⁷, то есть в уважении к человеческой личности. Для швейцарцев такое отношение было настолько очевидным, что пастор реформаторской церкви в Петербурге и известный педагог Иоганн фон Муральт в одном из писем из России в 1813 г. признавался: «Мои принципы, впитанные с молоком матери, подкрепленные примером благородных душ, влекут меня неодолимо к сопротивлению и борьбе против всякого бессердечия, лицемерия и всякого рабского низкопоклонства»⁸.

С другой стороны, те швейцарцы-аристократы, которые рассматривали Россию как свое последнее пристанище и уже усвоили особенности социальных и экономических отношений в империи, были не столь радикальны в своих советах. Любопытное рассуждение о значении образования в отношении дворянского сословия, а также состоянии крестьянства высказал в своем письме В. Туркестановой⁹ швейцарец Ф. Кристин, принявший российское подданство, оставшийся в империи до конца своих дней и связывавший свои чаяния с новым отечеством: «Я считаю, что дворянство во всех странах должно быть образованно, иначе невозможно прожить счастливо: образование расширяет круг размышлений, не дает уму пребывать в застое, что так поражает в наших деревенских помещиках, так что они делаются хуже мужиков. Грубость мужика не удивляет, к нему не предъяв-

ляют никаких требований; но грубость помещика, при его глупом чванстве своим дворянством, вещь нестерпимая. Ничего другого я не встречал в губерниях...»¹⁰. Интересно, что Ф. Кристин был пожалован еще Екатериной II 400 душами в Подольской губернии близ Летучево (владения своего покровителя А.И. Маркова)¹¹. Швейцарец с удовольствием сообщал Туркестановой: «Устраиваю свою деревеньку». Заботясь о приращении дохода, Кристин организовал в имении сыроварню и нанял мастера, старался прикупить крепостных, полагая: «Добрый и честный русский крестьянин (выше швейцарец отметил и еще одну черту — грубость. — А.Т.) еще не созрел, чтобы к нему можно было прилагать принципы, которыми руководствуются швейцарские кантоны. Если захотят сделать его счастливым таким путем, то очень быстро все потеряют. Я за тысячу верст отбрасываю эту мысль, осуществление которой заставило бы меня сейчас же бежать из этой страны»¹².

Надо признать, деревенский быт русских крестьян несколько шокировал швейцарцев. Характерно замечание, сделанное вскользь швейцарским офицером Тома Леглером, участником военной кампании 1812 г.: «Наши лагерные бараки были в короткое время установлены и имели лучший вид, чем жилища русского крестьянина»¹³. Даже в конце XIX в. вид русской деревни неприятно потряс приехавшего в Россию сыровара Адольфа Штетлера. Это убеждает в том, что и для первой половины XIX в. такое утверждение справедливо.

Россия удивляла швейцарцев своими контрастами. Приехавшему в Россию в 1811 г. швейцарцу Э. Биддерману довелось познакомиться «с вороватыми казаками, багаж его перетрясла русская таможня, а вкушение русской пищи повредило желудок. В крестьянах он увидел людей, которых крепостничество довело до состояния дикости». Петербург своей чистотой и красотой поразил швейцарца. Этот контраст столицы и провинции он подчеркнул в афоризме: «бриллиант, оправленный в свинец»¹⁴. Годом ранее приехавший в Петербург Иоганн Муральт также был потрясен российской столицей: «Кажется, нет у него [города] ни конца, ни края. Встречаешь такое множество прекрасных площадей и дворцов, что теряешься от всего этого и сначала ничего не видишь»¹⁵.

В начале XIX в. столица преображалась в лучшую сторону, как утверждал женевец Э. Дюмон, побывавший здесь двадцатью годами ранее: «Я нахожу, что наружный вид нового города, где все напоминает о недавнем основании, где еще видны во многих местах несовершенства недоконченного плана, где все кажется новым, действует на воображение и поражает его столь же сильно, как развалины и древние памятники. Я могу им предаться без печали; я вижу, как рука человека осушает болота, украшает пустыни, устраивает важный центр для обмена и сообщений между цивилизованной Европой и необразованной Россией — и это недавнее происхождение, это детство большой и блестящей столицы, эти свежие следы работы основателя, которые я нахожу везде, заставляют меня еще сильнее ощущать удовольствие от великолепия города»¹⁶.

Россия предоставила уникальные возможности архитекторам из швейцарского кантона Тичино (Тессин) реализовать широкомасштабные проекты возведения монументальных зданий и оформления

их интерьеров. «Мы живем в настоящем раю...», — признавался Джованни Батиста Жилярди своему родственнику С. Сомаци в феврале 1802 г., имея в виду перспективы, которые открывались перед швейцарскими каменщиками и архитекторами. Позже ему вторил Доменико Адамини. В 1822 г. он писал брату Бернардо: «В Санкт-Петербурге восемь-десять архитекторов первой величины, и они соревнуются между собой, причем не только на бумаге, а на самом деле каждый год вырастают новые дворцы, новые храмы». По размаху строительства российская столица напоминала Адамини «Афины времен триумфа Перикла или Рим в век Августа»¹⁷.

Неслучайно, побывав в Петербурге, Д. Шлаттер из Санкт-Галлена, назвал Петербург едва ли «не самым прекрасным городом в мире», Москву же считал «истинно русским городом, в котором можно узнать народ во всем его своеобразии»¹⁸. Некоторые представители Швейцарии с восторгом вспоминали именно Москву, а не Петербург. К ним принадлежал прославленный военный историк, получивший в России чин генерала от инфантерии А.-А. Жомини¹⁹. Он даже предлагал Александру I надстроить этажи у небольших домов в Петербурге, находя здания в российской столице слишком низкими в сравнении с шириной улиц, но ссуду от государя не получил, а потому проект Жомини (который сулил ему большую прибыль) не был реализован²⁰.

Возможность общения с высокообразованной российской аристократией вводила тех швейцарцев, что были близки ко двору, в европейский интеллектуальный круг, способствовала росту их благосостояния, благодаря богатым заказчикам. Пример тому — упоминаемый пастор Э. Дюмон, семья ювелиров Дювалей, художник и архитектор А.-Ф. Виолье и его брат Г.П. Виолье, состоявший секретарем супруги Павла I. Все они не только общались друг с другом, будучи соотечественниками, но и с императорской семьей, а также с российскими чиновниками высокого ранга (М.М. Сперанским, Н.Н. Новосильцевым, П.А. Строгановым и др.), архитектором Ч. Камероном, художниками О.А. Кипренским и А.О. Орловским и другими.

Высокопоставленные клиенты часовщика Мюссара, «под предлогом проверки часов», использовали его магазин как место деловых встреч. По свидетельству Н.И. Греча, «Безбородко и Кобенцель, Сегюр и Гаррис (лорд Мальмсбюри) посещали его и беседовали между собой в его присутствии, полагаясь на его скромность»²¹.

Языками общения швейцарцев с российскими дворянами были французский и немецкий. И. Муральт по приезду в Петербург с удивлением отмечал: «К сказочному элементу относится и то, что на улицах и на площадях, в комнатах и залах можно увидеть все, что напоминает чужие страны и ничего, что напоминало бы Россию. Говорят по-французски или по-немецки, даже бумаги в министерства пишут на иностранных языках, а затем уж переводят на русский язык»²². Тем не менее, желая открыть пансион в Петербурге, Муральт вынужден был, по требованию Министерства просвещения к иностранным частным учебным заведениям, включить в программу преподавание русского языка²³.

Тем швейцарцам, которые намеревались делать карьеру в России, требовалось выучить русский язык. Участник кругосветного пла-

вания под руководством И.Ф. Крузенштерна, швейцарский астроном И.К. Горнер в ходе самого путешествия брал уроки русского языка у своего помощника Ф.Ф. Беллингаузена, так как в будущем швейцарец надеялся (и вполне обоснованно) получить должность в Академии наук²⁴. Но, вероятно, освоение русского оказалось достаточно тяжелым испытанием, так как Горнер, несмотря на признание его заслуг, в дальнейшем не остался в Российской империи, а вернулся на родину.

Насколько трудно давался ему русский писал в своих мемуарах Жомини. Он признавался в «нестерпимых препятствиях, которые должен встретить любой человек, обреченный в определенном возрасте начинать службу в стране, языка которой он не понимает и не говорит на нем»²⁵. Жомини так и не смог выучить русский, к тому же он полагал, что на освоение этого трудного языка уйдет столько времени, что уже пора будет умирать²⁶.

Профессор Казанского университета Ф. Броннер (баварец, считавший Швейцарию своей второй родиной) отмечал, что «знание русского языка является почти необходимым — для того, чтобы взаимодействовать с большинством людей, которые знают только родной язык»²⁷. Поэтому полагая, что «мы, иностранцы, могли бы приносить больше пользы, если бы были в состоянии свободно говорить по-русски», Броннер считал, для себя важным «выучиться постепенно говорить по-русски». В письме попечителю С.Я. Разумовскому в конце 1810 г. профессор сообщал: «Этому делу ежедневно я посвящаю по два часа», однако не смог достичь хороших результатов. Почти через год, побывав на студенческом спектакле, Броннер был потрясен, когда убедился, «как незначительны еще ... успехи в русском языке!» Он не смог понять и двадцатой доли услышанного. Русский оказался слишком сложным для изучения, и научные работы ученый писал только на немецком (одна лишь статья Броннера «Водяной столб, виденный на Волге близ Казани», изданная на русском, «без сомнения была написана по-немецки и затем кем-либо была переведена на русский язык»²⁸.

Около семи лет (с 1809 по 1816 г.) провел в России художник Мивилль. Он, возможно, овладел разговорным русским, но письменный, вероятно, вызывал трудности. Об этом можно судить по надписям, сделанным им на своих холстах (пейзажах, проданных графине А.В. Бобринской). Авторские надписи по-русски были «с ошибками в заглавных буквах и знаках препинания»²⁹.

Тем не менее, те из швейцарцев, кто решал связать свою жизнь с Россией и проявляли терпение и упорство в освоении русского, добивались положительного результата. Так, академик Николай Иванович Фус (Fuss, 1755—1825) первым из коллег «стал публиковать свои сочинения на русском языке»³⁰.

В силу достаточно высокой грамотности швейцарского населения, ее гражданам казалось странным иное положение в России: «Учреждения, созданные здесь, достойны удивления, — писал Ф.-С. Лагарп А. Моно, — но наши дети пока еще точно не приедут сюда учиться и воспитываться: лишь чудом можно было бы сего добиться за столь короткое время... В общем, нельзя сказать, что здесь не хватает талантов, напротив, их видишь множество, но народное об-

разование тут в младенчестве, и к сожалению трудно его улучшить повсюду...»³¹. Конечно, в сравнении с 1783 г., когда это письмо было написано, к середине XIX в. ситуация изменилась в лучшую сторону. Не случайно, генерал А.-А. Жомини выбрал для своего старшего сына обучение в России (в элитном учебном заведении — Пажеском корпусе)³². Однако даже начальное образование не было доступно для большинства населения Российской империи. В швейцарских колониях Цюрихталь в Крыму (ныне село Золотое поле в Кировском районе Крыма) и Шабо (Шабаг) в Херсонской губернии (вблизи города Аккермана, ныне город Белгород-Днестровский) колонисты сами создавали школы для своих детей, стараясь не только дать им возможность не забыть родной язык, но и предоставить право получить элементарные знания о мире. Многие из швейцарских сыроваров в России отправляли своих детей учиться на родину. В российской столице швейцарцы могли обучать детей в знаменитом учебном заведении соратника Песталоцци Иоганна фон Муральта. Его пансион действовал с 1811 по 1837 год³³ и в период расцвета насчитывал до ста учеников, считаясь одним из лучших учебных заведений столицы, где, кстати, большое внимание уделяли русскому языку.

На базе пансиона в 1818 г. Муральт основал Училище при реформаторских церквях в Петербурге, состав учеников которого был все-сословным (в отличие от пансиона, где обучались только дворяне)³⁴. Если в 1818 г. в двухклассном училище обучалось 34 чел.³⁵, то в 1827 г. уже в четырех его классах число учащихся было около 200 человек. К 1843 г. это учебное заведение окончили 1200 учеников³⁶. Муральт нанимал для школьников лучших учителей, а программа соответствовала курсу гимназии. В училище также на высоком уровне преподавались русский язык и русская литература³⁷.

Многие швейцарцы приезжали в Россию в качестве гувернеров и учителей, оказываясь в подчиненной роли (это нередко становилось серьезной психологической проблемой для швейцарских аристократов, выбиравших преподавательский путь в империи). Не случайно Лагарп отмечал, что, наряду с работой, требующей «величайшего терпения», «степень подчинения здесь такова, что к ней крайне нелегко привыкнуть», а у соотечественницы Лагарпа гувернантки Жанны Юк-Мазле в письме родным даже вырвались жалобы на «отсутствие независимости» и сравнение своего положения с «крепостничеством». Гувернер должен был не только обучать языку и по договоренности другим учебным предметам, но и следить за поведением, нравственностью, соблюдением правил хорошего тона, отбирать книги для чтения и приобщать к нему воспитанника. Огромная ответственность и необходимость постоянного присутствия были обязательными условиями. Для примера, Ж. Юк-Мазле выходной полагался один раз в две недели продолжительностью же всего полдня в воскресенье (стоит заметить, что при вступлении гувернантки в должность, ее воспитаннице было только 4 года)³⁸.

Лагарп, когда его просили найти педагога для юноши «самого высокого положения», сетовал на то, что необходимо найти глубоко порядочного и знающего соотечественника, которому и сам решился бы доверить собственного ребенка, а, с другой стороны, его избранника не должно постигнуть глубокое разочарование несбывшимися

ожиданиями, и он бы «упрекнул меня в том, что я склонил его покинуть дом, семью и проделать долгий путь...». С другой стороны, в случае успеха швейцарские наставники не только получали материальное вознаграждение, но и в исключительных случаях — награды и даже высокие дворянские титулы. Например, пастор Л.-Ф. дю Пюже, учитель будущего императора Николая I, вернулся домой с титулом барона³⁹.

Занимаясь вопросами университетского образования в империи, швейцарцам также приходилось нелегко. Им необходимо было разбираться в интригах российского начальства и коллег. Казанский профессор физики Ф.К. Броннер незадолго до своего отъезда из России писал попечителю учебного округа: «Участь иностранных профессоров представляется в высшей степени неопределенною. Враждебное отношение к ним туземцев, поддерживаемое свыше и обостряемое чувством мести; пущенная уже против них в ход интрига; научный индифферентизм случайных людей, видящих в университете лишь дойную для себя корову — все это не сулит нам в будущем хороших дней»⁴⁰. В дальнейшем Броннер навсегда покинул империю, но многое успел сделать для развития университетского образования: он был первым профессором физики в истории Казанского университета (1810—1817), создателем физического кабинета, директором Педагогического института при Казанском университете. Биографы его «казанского периода» отмечают, что «в годы директорства Броннера из Педагогического института вышло наибольшее количество известных (в дальнейшем. — А.Т.) казанских профессоров, среди которых были Лобачевский, Симонов, Срезневский, Тимьянский, Булыгин и др.»⁴¹.

В то же время именно в Российской империи иностранные ученые могли получить ценный опыт, сделать себе имя в научном мире, развивать перспективные направления исследований. Химик Г.И. Гесс так сформулировал свою главную цель в письме президенту Петербургской Академии наук С.С. Уварову: «добиться хорошей репутации в России посредством проведения обширных химических работ в различных направлениях»⁴². Своему учителю Берцелиусу Гесс с радостью и гордостью писал: «У Академии нет недостатка ни в средствах, ни в интересе к моему делу, и мне дают все, о чем я только прошу»⁴³.

Перед ученым открывались большие возможности именно в России, «в стране, — по свидетельству швейцарского астронома Швейцера, — где можно жить только интересами науки и не страдать от политической суеты, где имеются превосходные учреждения и инструменты по всем отраслям знаний, можно делать шаги вперед, а ведь для ученого это и есть высшая награда»⁴⁴.

Астроном Горнер был справедливо признан профессионалом своего дела (что имело немаловажное значение в условиях кругосветного плавания), но был отнесен его коллегой Левенштерном к категории «работающих» людей на их корабле «Надежда» (среди «непостоянных» и «интриганов»). Отметим, «работающих» было лишь 6 человек, среди которых швейцарский специалист оказался в компании с И.Ф. Крузенштерном и Ф.Ф. Беллинсгаузенем. Горнер характеризовался Левенштерном как «благородный и любезный швейцарец», которого «все любят и уважают». Горнер не только отлично

выполнял свои профессиональные обязанности, будучи «картографом, метеорологом, экспериментатором», но и владея множеством инструментов, которые он предусмотрительно взял с собой, был способен чинить приборы и даже часы. В условиях путешествия эти качества швейцарца оказались как нельзя кстати и вызвали восхищение его товарищей: «Горнер превосходит сам себя в столярном, токарном и слесарном мастерстве». Члены команды во время отдыха с удовольствием музицировали, составляя целый ансамбль (две скрипки, альт, контрабас, две флейты и гусли), в котором Горнер был второй флейтой⁴⁵. Этот ученый за время путешествия составил 103 карты, создал множество рисунков тех мест, где оказалась экспедиция Крузенштерна (например, 20 видов Нагасаки). Решив добыть для Кунсткамеры в Петербурге ценный экспонат, Горнер отважился украсть череп казненного китайского разбойника. Этот эпизод характеризует швейцарского ученого как человека, способного пойти на риск ради науки⁴⁶. В дальнейшем, возвратившись в Швейцарию, Горнер продолжал поддерживать научные контакты со своими коллегами из Петербургской Академии наук.

В отличие от научной среды, мир придворного Петербурга предъявлял к швейцарцам свои требования. Иностранцам необходимо было понять тайные пружины, механизмы принятия решений и законы бюрократической машины. В один из своих приездов в Россию генерал Жомини сделал для себя такой вывод, будучи знакомым со многими известными и успешными россиянами: «В стране, где все решается на докладе у императора, где ни один чиновник не имеет ни собственной инициативы, ни компетенций, чьи границы были бы ясно очерчены хорошими регламентами, весьма трудно появиться выдающемуся государственному деятелю»⁴⁷. Конечно, многое зависело от амбиций и ожиданий швейцарца относительно собственного места при дворе. Тот же Жомини заметил: «На свете нет нации столь же гостеприимной и общительной, как русская, но если речь идет об иностранце, который прибыл туда, чтобы служить на высоких постах, дело оборачивается совсем иначе»⁴⁸. «Я хорошо научился не выдавать при дворе моих мыслей, хотя так и не смог заставить себя высказываться против них», — признавался Массон, француз, «взращенный в горах Швейцарии и с детства преследуемый религиозным фанатизмом»⁴⁹. Только покинув Россию, преподававший великим князьям Шарль Массон в своих известных «Секретных записках о России» (первое издание состоялось в 1800 году), сравнил положение русских крепостных с черными рабами⁵⁰. Жизнь их ценится в России как связка лука, подобно древнему Египту⁵¹, — отметил он. Будучи республиканцем по взглядам, Массон задавался вопросом: «Когда же перестанут относить к цивилизованным народам тот, который выносит самодержавие? Когда же перестанем читать в немецких пособиях по географии: “В Европе существует много абсолютистских государств: Дания, Россия и др.”, словно в России правление похоже на датское?»⁵²

Близкое мнение, вероятно, имел швейцарский воспитатель будущего декабриста И.А. Анненкова. Подопечному запомнилось, как наставник «всегда выставлял свое правительство как единственное, не унижающее человечество, а про все прочие говорил с презрением,

наше же особенно было предметом его шуток»⁵³. Однако, несмотря на колкости в отношении российских реалий, империя оказывалась притягательной для швейцарцев разных политических устремлений (аристократов и республиканцев). Многим швейцарским гражданам деятельность в России позволила получить желаемое — приобрести имя среди профессионалов, заработать средства и вернуться на родину.

В свою очередь, работа и общение постепенно сформировали у россиян особое отношение к швейцарцам как людям, чрезвычайно трудолюбивым, добросовестным и дорожающим собственной репутацией. Это было характерно не только для российских аристократов, но и для крестьян. Известный российский ученый-химик и публицист XIX в., много лет живший в смоленской глубинке А.Н. Энгельгардт свидетельствовал, что «мужик... хотя всех [иностранцев арендаторов] называет немцами, но прекрасно отличает швейцарцев от немцев, которые работать не умеют и не любят и, чуть поправятся, относятся к мужику с презрением...» Швейцарец — другой, он «сам мужик, черной работы не боится и в мужике видит человека»⁵⁴.

Примечания

1. КУПРИЯНОВ П.С. *Свое и чужое* в русском заграничном путешествии начала XIX века. — Отечественная история. 2010, № 5, с. 27.
2. Там же, с. 30.
3. ТУРГЕНЕВ Н.И. Россия и русские. М. 1915, с. 320.
4. JENNY E, ROSSEL V. Geschichte der schweizerischen Literatur. Bern. 1910, Bd 1, S. 7.
5. Цит. по: СТРОЕВ А.Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн. — Французский ежегодник. 2011, с. 231.
6. Цит. по: РАПЭН А.-Ж. «В России меня ценят лучше...» Генерал Жомини на русской службе. — Родина. 2014, № 1, с. 42.
7. РЫЖЕНКОВ М.Р. Документы о Ф.С. Лагарпе в Российском государственном архиве древних актов. В кн.: Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М. 2012, с. 177.
8. Цит. по: ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л. 1984, с. 35.
9. Датировано 23 февраля 1814 года.
10. Переписка княжны Варвары Туркестановой и Фердинанда Кристина. В кн.: ИСМАИЛ-заде Д.И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб. 2012, с. 87—88. Тем не менее, Кристин предостерегал от «мнимого просвещения», которое «приносит больше вреда, чем пользы».
11. Генеральный консул Швейцарской конфедерации в Санкт-Петербурге И. Боненблуст, отвечая на вопросы об эмиграции из Швейцарии, отмечал: «Любой иностранец может получить во владение земельную собственность, независимо от того, принадлежит ли она правительству или частному лицу; главное, выплачивать годовую арендную плату правительству; однако иностранцы не могут купить землю с крестьянами, это право имеет лишь знать». Россия — Швейцария. Russie — Suisse. Russland — Schweiz. 1813—1955. Документы и материалы. М. 1995, с. 82—83.
12. Переписка княжны Варвары Туркестановой и Фердинанда Кристина, с. 90, 106.
13. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года. — Русский архив. 1907, кн. 1, № 2, с. 228.
14. ЗООМ Й. Швейцарские офицеры при Русском Дворе. В кн.: Швейцарцы в Петербурге. Сборник статей. СПб. 2002, с. 399.
15. Цит. по: ПАВЛОВА Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб. 2010, с. 22.

16. Однако Э. Дюмон с удивлением отмечал, «что в Петербурге продано “Principes” (сочинение Бентама в переводе на французский Э. Дюмона. — А.Т.) столько же, сколько в Лондоне». ДЮМОН Э. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. — Голос минувшего. 1913, № 2, с. 153, 161.
17. Цит. по: ПФИСТЕР А. Доменико Жилярди между Италией и Москвой Александра I. От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма. СПб. 2004, с. 399—400.
18. ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л. 1984, с. 39.
19. РАПЭН А.-Ж. Ук. соч., с. 42.
20. БАРМЕТТЛЕР Р. Жомини и русско-турецкая война 1828—1829 гг.: фрагмент биографии. В кн.: Русский сборник: исследования по истории России: [сборник статей]. Т. 7. М. 2009, с. 38.
21. ГРЕЧ Н.И. Записки о моей жизни. М. 2002, с. 181.
22. Цит. по: БОГЛАЧЁВ С.В. Пансион Муральта. — Адреса Петербурга: Журнал Учета Вечных Ценностей. 2005, № 20 (32), с. 16—19.
23. ВЕКСЛЕР А.Ф. Русский язык и литература в пансионе пастора Муральта и в Реформаторском училище. Педагоги и воспитанники. Традиции. Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII—XX вв. СПб. 2009, с. 226.
24. ФЁДОРОВА И.К. Океанийские заметки И.К. Горнера во время первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806) и проблемы идентификации предметов с Маркизских островов из ранних поступлений МАЭ. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 53. 2007, с. 35.
25. Цит. по: РАПЭН А.-Ж. Ук. соч., с. 41.
26. БАРМЕТТЛЕР Р. Ук. соч., с. 47.
27. Цит. по: Университет в Российской империи XVIII — первой половине XIX века. М. 2012, с. 504.
28. НАГУЕВСКИЙ Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. Казань. 1902, с. LIV—LV.
29. Жак Кристоф Мивилль в России (к 200-летию приезда). М. 2010, с. 8.
30. БРЫЛЕВСКАЯ Л.И. Швейцарские математики и механики — соратники и последователи Леонарда Эйлера. В кн.: Швейцарцы в Петербурге, с. 278.
31. Цит. по: СТРОЕВ А.Ф. Ук. соч., с. 231.
32. БАРМЕТТЛЕР Р. Ук. соч., с. 42. Жомини будет упомянут и в двух дневниковых записях А.С. Пушкина 1831 и 1833 годов.
33. МЕДЕР Э. Частная школа цюрихского пастора Иоганна фон Муральта. Швейцарцы в Петербурге, с. 420—426.
34. Реформаторское училище. Санкт-Петербург: Энциклопедия. URL: <http://www.ensspb.ru/object/2804011305?lc=ru>.
35. ВЕКСЛЕР А.Ф. Реформаторское училище: 1818—1918 гг. Немцы в Петербурге: сборник статей. СПб. 2008, с. 229.
36. АВГУСТИН (НИКИТИН), архимандрит. Немецкая реформаторская община в Санкт-Петербурге. Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. СПб. 2011, с. 316.
37. ВЕКСЛЕР А.Ф. Ук. соч., с. 230; ЕГО ЖЕ. Русский язык и литература в пансионе пастора Муральта, с. 228.
38. ТОЗАТО-РИГО Д. «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных». Швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750—1850). — Родина. 2014, № 1, с. 31—32.
39. Там же, с. 31.
40. Цит. по: Университет в Российской империи XVIII — первой половине XIX века. М. 2012, с. 517.
41. КАЛИМУЛЛИН А.В., ВИНОГРАДОВ А.В. Франц Ксаверий Броннер (1758—1850) — первый директор Педагогического института при Казанском университете. — Образование и саморазвитие. 2012, № 5, с. 175, 178.
42. МИХАЙЛОВ А.А. Научная и педагогическая деятельность Германа Ивановича Гесса. В кн.: Иностранцы в российской науке: Материалы научных чтений, приуроченных к 200-летию со дня рождения Г.И. Гесса. СПб. 2002, с. 35.

43. Там же, с. 32.
44. Цит. по: МУМЕНТАЛЕР Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербурге (1703—1917). В кн.: Швейцарцы в Петербурге, с. 246—247.
45. Цит. по: ФЁДОРОВА И.К. Ук. соч., с. 34, 35.
46. Там же, с. 33, 35.
47. Цит. по: РАПЭН А.-Ж. Ук. соч., с. 42.
48. Там же, с. 41.
49. ВОЩИНСКАЯ Н.Ю. «Воспитание львов»: Шарль Массон — гувернер. — Французский ежегодник. 2011, с. 303.
50. Там же, с. 297.
51. ОЩЕПКОВ А.Р. «Секретные мемуары» Ш. Массона как образец «литературы анекдотов» о России. — Знание. Понимание. Умение. 2011, № 1, с. 166.
52. Цит. по: ВОЩИНСКАЯ Н.Ю. Ук. соч., с. 304.
53. Цит. по: СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — Отечественная история. 2008, № 4, с. 18.
54. ЭНГЕЛЬГАРДТ А.Н. Из деревни: 1872—1887. СПб. 1999, с. 299.

Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики

Д.Ю. Бовыкин

В мировой истории существует немало событий, ход, причины и следствия которых представляются абсолютно очевидными лишь до тех пор, пока у историков не возникает желание всмотреться в них более пристально. Одно из таких событий относится к эпохе Французской революции XVIII в.: парижское восстание 13 вандемьера IV года республики по революционному календарю (5 октября 1795 г.).

Термидор — период меньше полутора лет между казнью М. Робеспьера и установлением Директории — традиционно привлекает мало внимания историков и нередко рассматривается как пролог к долгому правлению Наполеона Бонапарта. После переворота, свергнувшего Робеспьера и его соратников, у власти оставался тот же Национальный Конвент, что уже с осени 1792 г. де факто объединял в своих руках все ветви власти в стране. Тот же Конвент, который вынес смертный приговор Людовику XVI, одобрил так никогда и не вступившую в силу Конституцию 1793 г., голосовал за установление системы Террора. Но теперь этот Конвент начал демонтаж системы Террора, уменьшил власть своих комитетов и планировал закончить революцию. В рамках представлений той эпохи это означало переход от революционного порядка управления к конституционному и введение в действие конституции. К весне 1795 г. от текста, принятого во времена диктатуры монтаньяров, после долгих споров было решено отказаться и разработать принципиально новый основной закон страны, получивший название Конституция III года республики. К концу лета ее текст был одобрен депутатами и, как и двумя годами раньше, вынесен на референдум. Республика победила, Конвент самораспустился, объявив политическую амнистию, пришло время Директории.

В этой обстановке в Париже и произошло восстание 13 вандемьера. «Конвент принял Французскую конституцию 3-го года, — говорится в «Советской исторической энциклопедии», — лишившую мо-

нархистов возможности получить преобладание в законодательных органах. Сосредоточив в Париже значительное количество скрытых монархистов и близких к ним элементов, роялисты 3 октября 1795 г. окружили здание Конвента и создали серьезную опасность для термидорианского правительства. Член Директории П. Баррас, получив поручение подавить восстание, передал руководство военными операциями генералу Наполеону Бонапарту, который, применив пушки, 5 октября ликвидировал роялистский мятеж»¹.

Этот текст (впрочем, можно было без труда выбрать и иной) весьма типичен для описания хода событий, поскольку излагает устоявшуюся, можно даже сказать «каноническую» версию событий, которая воспроизводится во множестве обобщающих работ и учебных пособий.

Прежде всего, восстание интересно не столько (или не только) само по себе, сколько как пролог к будущей карьере Наполеона. Весьма обтекаемое и противоестественное для четкой армейской иерархии выражение «передал руководство военными операциями» отражает тот факт, что историки не могут договориться между собой, какую должность занимал Бонапарт в эти дни и занимал ли вообще.

Кроме того, статья в энциклопедии наглядно демонстрирует степень интереса историков и к Термидору, и к самому восстанию. Плотность ошибок в ней поражает воображение: начиная с того, что восстание произошло вовсе не после принятия Конституции Конвентом, а после оглашения результатов референдума, и, кончая тем, что Баррас никак не мог быть в это время членом Директории, поскольку был им избран лишь 1 ноября.

Впрочем, намного важнее глобальная интерпретация этого события. Версия о роялистском характере восстания была официальной, однако современники не спешили ее поддерживать. Так, например, Ш. де Лакретель, один из первых историографов революции, отводит роялистам в этом движении лишь второстепенную роль². Мадам де Сталь, находившаяся в середине 1795 г. в Париже, в своей работе, опубликованной в 1818 г., не говорит о роялистах ни слова, объясняя восстание совсем иными причинами³. Историки же, особенно либеральные и не занимавшиеся этим сюжетом специально еще с эпохи Реставрации, напротив, уверенно поддерживают идею о том, что восстание — дело рук эмигрантов и других монархистов⁴.

Ближе к концу XIX в., когда во Франции уже прочно установилась республика, словосочетание «роялистское восстание 13 вандемьера» превратилось в чеканную формулу, которая стала воспроизводиться от издания к изданию. А во второй половине XX в. ему даже отказали в праве называться «народным»⁵. Попробуем проанализировать, почему же это восстание стали считать ненародным и роялистским, а также, что доказывает эту точку зрения, а что ей противоречит.

Сам ход событий конца лета — осени 1795 г. не вызывает ни вопросов, ни споров, он хорошо изучен. После окончания обсуждения Конституции Конвент принял два декрета: от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа 1795 г.). В историю они вошли как «декреты о двух третях», поскольку предусматривали обязательное переизбрание в новый Законодательный корпус не менее двух третей членов Конвента. На референдум были вынесены не только Конституция, но и как бы дополнявшие ее декреты. В связи с этим современники не раз

обвиняли депутатов в желании сохранить власть в своих руках, однако официально такое беспрецедентное решение объяснялось иначе: угрозой победы роялистов на выборах.

Результат референдума также оказался беспрецедентным. В голосовании приняло участие около 1 млн чел., более 900 тыс. высказались за одобрение новой конституции. Однако подавляющее большинство из них либо вовсе не голосовало по «декретам о двух третях», либо сделало это с нарушением предписанной процедуры. В итоге было объявлено, что за декреты проголосовало немногим менее 170 тыс. чел., против — 95 тыс., в частности, 19 департаментов декреты отвергли. В Париже одобрила декреты лишь одна секция (так назывались в то время административные районы столицы) из 48. И, тем не менее, Конвент торжественно объявил, что и Конституция, и декреты приняты и назначил выборы в новый Законодательный корпус.

В Париже это вызвало повсеместное возмущение. В первых числах октября, еще до выборов, ряд секций призвал парижан к сопротивлению Конвенту. Наиболее активной была секция Лепелетье, расположенная в богатых центральных районах на правом берегу Сены. Когда к 11 вандемьера (3 октября) уже семь секций объявили себя восставшими, Конвент 12 вандемьера провозгласил, что его заседания, пока не минует кризис, будут непрерывными, и приступил к вооружению санкюлотов. В ночь с 13 на 14 вандемьера в руках восставших оказалась значительная часть города, Конвент был практически осажден и лишь с большим трудом, опираясь на вооруженную силу, смог ликвидировать мятеж.

Таким образом, на рубеже сентября-октября 1795 г. депутаты Конвента оказались в сложной ситуации. На протяжении всей революции именно парижане инициировали смену власти. Восстание 10 августа 1792 г. свергло короля и привело к выборам Конвента. Восстание 31 мая — 2 июня принесло победу монтаньярам и способствовало исключению из Конвента их политических противников. И вот теперь тот же самый Париж восстал против депутатов Конвента, давших стране республиканскую конституцию, но не пожелавших оставить бразды правления, как это сделали до них депутаты Учредительного и Законодательного собраний. Как это объяснить?

Для депутатов было очевидно, что ответственность за восстание нужно возложить на одну из двух политических группировок, с которыми Конвент боролся весь последний год: или на роялистов, или на так называемых «террористов», под которыми тогда понимали «охвостье Робеспьера», сторонников Террора, якобинцев, не смирившихся с потерей власти. По выступлениям, произнесенным с трибуны Конвента, хорошо видно, что с конца августа, когда в Париже началось брожение, депутаты никак не могли определиться, кто же им противостоит, и обвиняли обе группировки сразу. Однако постепенно обвинения в роялизме стали преобладать. 28 августа в ответ на претензии секций один из лидеров термидорианцев Ж.Л. Тальен обрушился на петиционеров с бранью, уверяя, что против Конвента ополчились люди, которые не переживут возвращения «ни кровавого терроризма, ни одиозного роялизма», то есть конституционные монархисты. Обозначить своих врагов точнее депутаты едва ли могли, поэтому постепенно общим местом стало утверждение, что в Париже

действуют «роялисты и агенты заграницы». А к 19 сентября в Конвенте уже начали раздаваться голоса о том, что все происходящее — результат обширного заговора, направляемого из-за рубежа Англией и эмигрировавшими Бурбонами. И цель этого заговора, как говорил тот же Тальен, — «чтобы Париж оказался в Вандее или же Вандея в Париже» ⁶.

Тем не менее, несмотря на непрерывно звучавшие с трибуны Конвента обвинения членов секций в роялизме, депутаты не стремились их повторять в своих воззваниях к жителям Парижа (что может говорить как о том, что эти взгляды еще не стали магистральной точкой зрения, так и о стремлении не раздражать лишним раз население столицы). «Парижане, — говорилось в обращении Конвента от 3 вандемьера (25 сентября), — чувствуете ли вы, что кинжалы интриганов, подстрекателей, анархистов и убийц вовлекают вас в бездну гражданской войны?» — о роялистах здесь ни слова ⁷. Вечером 12 вандемьера (4 октября) в новом призыве Конвента по-прежнему прослеживается очень четкое противопоставление: на одной стороне — «все республиканцы», «друзья свободы, друзья закона, конституции и мира», «воины-граждане и граждане-воины» или, на худой конец, «люди, введенные в заблуждение», а на другой — «порочные честолюбцы», «горстка роялистов-заговорщиков» ⁸. Именно горстка — депутаты постоянно стремились подчеркнуть, что Конвент вступил в конфликт отнюдь не с секциями, а с небольшой кучкой недовольных, пытающихся натравить граждан на правительство ⁹.

На мой взгляд, противопоставление «роялисты» — «республиканцы» в основных чертах сложилось к 11—12 вандемьера, когда депутаты приняли решение опереться на санкюлотов. Его контуры были уже намечены в докладе от имени Комитета общественного спасения, произнесенном 11 вандемьера: суть нынешнего кризиса — в необходимости совершить выбор между монархией и республикой ¹⁰.

После подавления восстания к описанию мятежа были добавлены новые краски. В обращении, принятом Конвентом в ночь с 13 на 14 вандемьера, говорилось о раскрытии «одного из самых обширных заговоров» в истории Революции, который давно уже готовился роялистами. Хотя по-прежнему утверждалось, что «несколько одержимых интриганов обманули легковверные массы» (и поставили, замечу, в свои ряды почти тридцать тысяч человек), восставшие именовались «приспешниками Людовика XVIII» ¹¹, а нити заговора тянулись в Лондон ¹². Официальная точка зрения практически сформировалась уже к 14 вандемьеру в докладе Ф.А. Мерлена (из Дуэ) от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности ¹³. В нем было торжественно объявлено о «блестящей победе, только что одержанной республикой над объединенными роялизмом и анархией». И, наконец, свою окончательную форму позиция Конвента приобрела 30 вандемьера (22 октября) в докладе Барраса ¹⁴, добавившего несколько колоритных деталей. По его словам, «заговорщики» состояли в переписке с «австрийским комитетом в Базеле», а также «с английскими агентами в Вандее» и с принцем Конде. Кроме того, в захваченной штаб-квартире секции Лепелетье якобы были найдены «символы королевской власти», однако сами эти символы представлены Конвенту не были, и никаких уточнений не последовало. И, нако-

нец, Баррас огласил некий «договор тиранов, заключенный в Париже и ратифицированный в Базеле» (разумеется, без упоминаний о том, кто и как его заключал, что, вкупе с содержанием, не может не вызывать сомнений в его подлинности).

Все эти детали абсолютно укладываются в рамки привычных для той эпохи кампаний по дискредитации политических противников. Во многом, следуя той же матрице, за год с лишним до этого Робеспьера обвиняли в попытке восстановить монархию и жениться на дочери Людовика XVI. Но никаких следов существования этих символов и договоров историкам обнаружить не удалось. На чем же тогда они основывались, уверяя читателей, что восстание 13 вандемьера было роялистским, как выстраивали свою систему доказательств?

Едва ли не самая распространенная логическая цепочка здесь следующая (ее, в частности, придерживается один из самых авторитетных французских специалистов по истории Французской революции второй половины XX в., историк-марксист А. Собуль). Когда в Париже стало известно про «декреты о двух третях», «первичные собрания¹⁵, в которых преобладали роялисты, исключили из своих рядов санкюлотов и бывших террористов»¹⁶, а затем взятые роялистами под контроль секции призвали к восстанию. Однако сразу же обращает на себя внимание то, что это «роялистское» восстание не ставило перед собой никаких роялистских целей: в тексте Собуля нет ни слова о требованиях восстановить монархию, о стремлении призвать на французский трон Людовика XVIII (которого роялисты считали в то время законным государем), о каких-либо антиреспубликанских лозунгах мятежников.

Перед историками, считающими восстание 13 вандемьера роялистским, невольно встает и еще одна проблема. Как известно, сторонники монархии в то время, хотя и делали неоднократные попытки к сближению, были чрезвычайно разобщены. И не только идейно, но, что в данном случае куда более важно, организационно. Представить себе, что в одном и том же движении соединились агенты Людовика XVIII, конституционные монархисты и стихийные приверженцы монархии (а ведь были еще люди, мечтавшие увидеть на троне герцога Орлеанского, герцога Шартрского, Генриха Прусского и т.д.), весьма затруднительно. Так, один из ведущих советских историков революции А.З. Манфред справедливо отмечал: «Роялистская партия не представляла собой чего-либо единого. Напротив, не было ничего более пестрого, противоречивого, разноголосого, чем партия сторонников монархии»¹⁷. Однако далее в его книге эта «партия» действует как единое целое: роялисты надеются на конституционный путь восстановления монархии, «дальше мечтаний о кровавом возмездии сплоченность роялистов не шла», «эта мысль в течение сентября воодушевляла всех сторонников монархии». И, наконец, при описании самого кануна восстания появляется, очевидно, еще более сплоченная группа людей, именуемых «заговорщиками», — именно они дают сигнал к началу восстания. Но кто эти «заговорщики»? Как они соотносятся с «роялистами»? Об этом книга умалчивает. Так кто же организовал восстание? Одним историкам кажется, что конституционные монархисты¹⁸, другим — что «откровенные роялисты»¹⁹, третьим — что «чистые роялисты»²⁰.

Еще сложнее доказать, что среди мятежников сторонники монархии находились в большинстве: ведь никаких реальных цифр, которые позволяли бы выяснить их удельный вес среди восставших, не существует, и, скорее, наоборот, сомнительно, чтобы среди тридцати тысяч разоруженных после мятежа парижан они преобладали. «Роялисты смогли умело обмануть и объединить вокруг себя недовольных, консервативных республиканцев, всех, кто отвергал декреты», — пишет Э. Дюкудре²¹. Быть может, но, опять же, какие именно роялисты, если далее говорится, что они делились на конституционалистов и абсолютистов? По мнению Ж. Лефевра, восстанием 13 вандемьера «руководили контрреволюционеры, но его поддерживали конституционные монархисты, и все те, кто надеялся избавиться от депутатов Конвента»²². Кем же были эти «контрреволюционеры», которые руководили восстанием? За что они выступали? Е.В. Тарле высказывается еще осторожней: «Роялисты были далеко не одни, — поясняет он, — они находились даже и не на первом плане ни при подготовке дела, ни при самом выступлении. Это-то и делало в вандемьере положение Конвента особенно опасным»²³.

Словно отчаявшись выявить этих таинственных «роялистов», один из американских специалистов по контрреволюции Д. Сазерлэнд охарактеризовал в своей монографии восстание 13 вандемьера следующим образом: «Это было едва ли не самое странное из всех парижских восстаний. Если оно было роялистским, то это ни разу не было признано ни в петициях, ни в декларациях инсургентов. Если оно просто было направлено против декретов Конвента о двух третях, то его успех помог бы роялистам, однако агенты Претендента²⁴, находившиеся в городе, отрекались от него, как от творения монархистов конституционных. Если протест был направлен против террористов, выходит, что секции весьма умело использовали разговоры о народном суверенитете и праве на восстание в антинародном деле. Если восстание резонно представляется “буржуазным”, получится, что самую большую единую категорию составляли ремесленники и подмастерья. Люди, зарабатывавшие на жизнь своими руками, составляли почти треть арестованных, чей род занятий был известен»²⁵. При этом он, как ни странно, в конце концов, называет 13 вандемьера «частью несоординированного, но реального наступления роялистов»²⁶.

Удивительно на этом фоне, что если другим восстаниям революционной эпохи посвящены десятки исследований, то 13 вандемьера удостоилось лишь одной монографии — небольшой книжечки французского историка А. Зиви, опубликованной в конце XIX века. Проанализировав широчайший круг источников (в том числе и немало архивных), он вписывает восстание 13 вандемьера в следующую логику: декреты о двух третях вызвали повсеместное возмущение, но, прежде всего, ими были недовольны те, кто хотел воспользоваться Конституцией III года для восстановления монархии. Роялистов в стране было немало, хотя «в общественном мнении роялистские настроения проявлялись лишь в виде неоформившихся тенденций и опасений республиканцев»²⁷. Фактически признав тем самым, что эти «роялисты» существовали преимущественно в воображении республиканцев, Зиви, тем не менее, далее пишет: «Однако существова-

ли роялисты скрытые и куда более активные. После 9 термидора ими стали перековавшиеся монтаньяры, термидорианцы, Тальен, Фрерон, которые атаковали с трибун и в прессе террор и террористов. Но вскоре их ряды пополнили и иные: писатели, журналисты объединили с ними свои усилия в рамках общей мощной кампании... В их писаниях и газетах не было и следа роялизма; если их обвиняли в роялизме, они живейшим образом протестовали. Однако делали это лишь из расчета и осторожности: время для роялистской пропаганды еще не наступило, и закон был суров. Подстрекательство к восстановлению королевской власти наказывалось смертной казнью»²⁸. Иными словами, эти «роялисты» настолько хорошо замаскировались, что доказать их существование не представляется возможным. Не случайно, Н.И. Кареев, отталкиваясь от монографии Зиви и самостоятельно проанализировав архивные источники, пришел к однозначному выводу: «Специально роялистического характера восстание 13 вандемьера отнюдь не имело»²⁹.

Этот вывод так и не был услышан. Меж тем, мне удалось найти в историографии лишь две попытки его опровергнуть. Первым это попробовал сделать К.П. Добролюбский, высказав мысль о том, что «для определения характера движения важны не столько субъективные заявления самих участников движения, сколько объективное значение мятежа»³⁰; едва ли этот тезис можно как-то всерьез прокомментировать. Вторым был В.М. Далин, заметивший, что Кареева, видимо, ввело в заблуждение то, что «монархические элементы в отдельных случаях могли даже, успешно маскируясь, поднимать на борьбу против термидорианцев население некоторых демократических секций»³¹, однако как Далин смог разглядеть монархистов под этой маскировкой, так и остается непонятным. Попробуем сделать это самостоятельно.

Круг источников, который можно привлечь для решения этой проблемы, весьма широк. Логичнее всего было бы обратиться к протоколам заседаний парижских секций, но, как известно, значительная их часть погибла во время Парижской Коммуны. Тем не менее, часть документов замешанных в мятеже секций все же сохранилась. «Читая эти протоколы, иногда очень обстоятельные, — отмечает Кареев, — я в них не находил решительно ничего роялистического»³². В то же время, пресса, памфлеты, письма и мемуары очевидцев — все это нам доступно, однако едва ли позволяет прийти к каким-то определенным выводам.

Прежде всего, следует отметить, что, как это нередко бывало в годы революции, точка зрения современников менялась на глазах в зависимости от официальной позиции Конвента. Так, например, один из офицеров, находившихся в Париже в отпуске, до восстания уверенно утверждал, что секции выступают не за новую форму правления, а за республику и новый парламент. Письмо после подавления восстания словно пишет другой человек: «Я знаю, что многие роялисты хотели изменить форму правления, и что они присоединились к взбалмошным людям, совершившим восстание»³³.

Если проанализировать прессу, то до оглашения официальной версии причин мятежа, в ней, несомненно, встречались упоминания о роялистской активности в Париже и в стране, однако их частота, на

мой взгляд, была ничуть не выше, нежели в предыдущие месяцы. Во второй половине октября картина уже иная. Как видится, большинство изданий действовало по схеме, многократно проверенной в ходе Революции: придерживаться обозначенной победителями линии и не затруднять себе жизнь поисками дополнительных доказательств. При этом восстание нередко интерпретировалось как плод объединенных усилий всех роялистов, и немалая роль в мятеже приписывалась именно за границе³⁴. Тем не менее, еще в конце 1950-х гг. Х. Митчелл в своей статье «Вандемьер, переоценка»³⁵ убедительно доказал, что следы иностранного вмешательства в восстании обнаружить не удастся.

Если обратиться к воспоминаниям депутатов Конвента, то там восстание 13 вандемьера также нередко признается роялистским, однако при этом порой к рассказу добавляются такие детали, которые заставляют усомниться в твердости памяти или искренности авторов. Если верить, к примеру, одному из творцов Конституции III года А.К. Тибодо, то «до последнего момента волнения не выходили за пределы секций;... народ предавался обычным трудам и не принимал никакого участия в этих дискуссиях». Но кто же тогда дискутировал на улицах города (в донесениях полиции есть тому немало свидетельств), если не народ? И реакцию секций на вооружение «террористов» действительно сложно понять, если считать, что «правительственные комитеты дали оружие всего нескольким людям»³⁶. Однако, как пишет сам автор уже на следующей странице, таких людей было полторы тысячи, то есть четверть или даже больше от того числа, которое оказалось в распоряжении Конвента в день восстания. Другой депутат, монтаньяр М.-А. Бодо, упоминая в своих заметках о мятеже, выражал уверенность, что «Людовик XVIII должен был лучше, чем кто-либо еще, быть посвящен в тайну секций 13 вандемьера»³⁷, однако это полностью противоречит имеющейся у историков информации. Баррас же «вспоминал», что в парижские первичные собрания «устремилась все эмигранты в надежде свергнуть Республику»³⁸ — словно в работе первичных собраний мог принять участие любой человек со стороны. Впрочем, не сложно процитировать и мемуары депутатов, считавших, как Ж.Ж.Р. Камбасерес, роялизм восставших лишь фантазией ряда членов Конвента, в том числе и входивших в правительственные Комитеты³⁹.

Тот же разброс мнений мы встречаем и у других современников, хотя чем дальше они находились от Конвента, тем больше высказывалось сомнений в том, что мятеж был организован роялистами. «Роялисты вот уже несколько лет пытаются доказать, что это восстание парижан было благородным порывом в пользу Бурбонов, — писал впоследствии такой весьма осведомленный очевидец, как граф де Лавалетт, ставший в 1796 г. адъютантом Бонапарта и беседовавший к тому же со многими непосредственными участниками событий, — я утверждаю, что это не так. Действительно, в секциях было сделано несколько инсинуаций в пользу королевской семьи, но столь слабых, столь отвлеченных, что на них обратили мало внимания»⁴⁰. Небезынтересно свидетельство и генерала О. Даникана, командовавшего в дни мятежа войсками секций: «Заметьте, что крики: “Да здравствует Республика!” тысячекратно повторялись по всему городу перед дулами артиллерийских орудий, которые должны были перебить рес-

публиканцев. Однако это не помешало... нагло заявлять, что отовсюду слышались крики: «Да здравствует король!». Таким образом, эти убогие были уверены, что вся Франция томится в ожидании королевской власти: они беспрестанно обвиняли граждан всех состояний в том, что те — бесчестные роялисты, шуаны и т.д.»⁴¹.

Если же заглянуть в документы самих роялистов, мы увидим в них столь же пеструю картину. Так, например, один из самых информированных конституционных монархистов, к чьему мнению прислушивались многие европейские дворы, Ж. Малле дю Пан, трактовал мятеж как «сопротивление гнету узурпаторов, запятнанных многочисленными преступлениями». Напротив, провал мятежа он как раз и объясняет деятельностью роялистов. В подавляющем большинстве секций, отмечает Малле дю Пан, преобладали люди мудрые, «однако секции Лепелетье и Французского театра примкнули к роялистам — скорее пылким, нежели умелым, и к прибывшим извне эмиссарам, которые раньше времени втянули секции в наступательные действия, для которых у тех еще не было достаточно сил»⁴². Что же до «иностранного следа» в восстании, в чем многие современники, как мы видели, не сомневались, то мне и вовсе не удалось его обнаружить. Так, один из соратников премьер-министра Великобритании, лорд казначейства граф Морнингтон с отвращением писал в конце 1795 г. государственному секретарю по иностранным делам лорду У. Гренвиллю о «силе, которая была использована, чтобы принудить народ принять эту Конституцию, и характерах тех, кто перерезал горло народу декретами от 5 и 13 фрюктидора»⁴³ — о роялистах в его письме даже не упоминается. Нет упоминаний о них и в материалах, поступавших в российскую Коллегию иностранных дел: например, в письме непосредственного участника восстания, руководителя военной организации одной из парижских секций, переправленном в Санкт-Петербург посланником России во Франции И.М. Симолиным, говорилось лишь о выступлении против тирании⁴⁴. В архиве Людовика XVIII также ничто не наводит на мысль о том, что он знал о восстании, следил за ним или направлял в Париж эмиссаров для его организации: лишь в одной анонимной записке кого-то из побывавших в Париже агентов говорилось о том, что «дух секций великолепен, они просвещены и поощрены писателями — друзьями порядка и Монархии»⁴⁵.

Даже участие признанных роялистов в событиях 13 вандемьера и то выглядит далеко не однозначным. В качестве примера здесь можно привести судьбу одного из лучших журналистов той эпохи — Ж.Т.Э. Рише де Серизи. Будучи выборщиком секции Лепелетье, Рише-Серизи (как он стал писать свою фамилию) принял активное участие в восстании, входил в его руководящие органы. И, тем не менее, после подавления мятежа он трижды был оправдан судами различной юрисдикции, несмотря на явное стремление властей, кассировавших один приговор за другим, добиться его осуждения.

Таким образом, свидетельства современников и авторов мемуаров противоречат друг другу, что позволяет, при желании, найти среди них подтверждение для любых, даже диаметрально противоположных точек зрения на события 13 вандемьера. Пожалуй, объединяет их лишь одно — отсутствие сколько-нибудь весомых доказательств роя-

листского характера мятежа. Но если не роялисты, кто же тогда пошел против Конвента в вандемьере IV года республики? Неужели республиканцы взяли за оружие, чтобы свергнуть других республиканцев — депутатов Конвента, только что давших стране новую конституцию? Попробуем в этом разобраться.

Не вызывает сомнений, что, вне зависимости от истинных намерений членов Конвента, настаивавших на принятии «декретов о двух третях», роялистская опасность на протяжении всего 1795 г. отнюдь не была иллюзией. Письма в Конвент со всей страны пестрели сообщениями об интригах роялистов в первичных собраниях. Судя по всему, немало конституционных монархистов оказалось среди выборщиков и, соответственно, среди депутатов (из той трети, которая выбиралась свободно)⁴⁶. Не вызывает сомнений, что немало сторонников возвращения монархии действительно поддерживало принятие Конституции в надежде победить на последовавших затем выборах.

В какой мере эту ситуацию можно экстраполировать на Париж? Ответ на этот вопрос позволяет дать капитальное исследование А. Олара, поместившего в многотомнике «Париж во времена термидорианской реакции и при Директории» с разбивкой по дням отчеты полицейских осведомителей о настроениях горожан. Эти документы весьма откровенны и считаются в исторической литературе заслуживающими доверия.

Донесения полиции фиксируют определенную активность роялистов как в самой столице, так и в ее окрестностях. Там сообщается, что в Версале появились листовки с призывами от имени Людовика XVIII⁴⁷, в кафе временами звучали слова, явно направленные против республики⁴⁸, поговаривали в столице и о разнообразных планах, направленных на реставрацию монархии⁴⁹. Есть и более яркие свидетельства: «Вчера около девяти часов вечера и у ворот Сен-Мартен, и на мосту Менял группы, состоявшие из рабочих, не одобряя поведение секций, говорили, что в них доминируют роялисты»⁵⁰, и именно роялистам рабочие подчас приписывали выступления в секциях против декретов о двух третях⁵¹. Вместе с тем, хотя ряд агентов и зафиксировал промонархические высказывания жителей Парижа, те оставались довольно спорадическими⁵² и терялись в потоке донесений, убеждавших, что народ не ставит под сомнение республиканские ценности. К тому же, если судить по донесениям, в нагнетании обстановки в столице не менее активное участие принимали и «террористы»⁵³. Довольно показательным, что, хотя осведомители наблюдали и за работой первичных собраний, за редким исключением⁵⁴, никто из них не отмечал там проявлений каких бы то ни было промонархических настроений: они докладывали, что секции в общем и целом за Конституцию, и лишь «декреты о двух третях» воспринимаются более или менее негативно.

Анализ полицейских донесений наглядно показывает, что атмосфера в секциях накалялась отнюдь не усилиями роялистов. Той осенью в Париже имел место целый ряд факторов, способствовавших росту социальной и политической напряженности. Прежде всего, это углубляющийся продовольственный и экономический кризис, заставлявший парижан волноваться⁵⁵, поскольку зимой проблемы со снабжением вот уже несколько лет подряд принимали характер ката-

строфы. К тому же, во второй половине сентября пошли слухи о том, что нормы выдачи хлеба вскоре будут сокращены ⁵⁶. На этом фоне в Париже, как и по всей стране, давала о себе знать ностальгия по старым добрым временам, ассоциировавшимся после стольких лет революционных бурь со стабильностью и сытостью ⁵⁷. И ощущение грядущих перемен (выборов, роспуска Конвента) порой сопрягалось с мечтой о возврате в «потерянный рай»: «Распространяется надежда на монархическую форму правления, со всех сторон слышатся разговоры о том, что нельзя, чтобы все оставалось, как есть, что пришло время перемен, что нельзя жить при Республике с ассигнатами ⁵⁸, которых не принимают земледельцы» ⁵⁹. Ностальгия по ушедшим временам соседствовала со все более возраставшей неприязнью народа к депутатам Конвента. Их обвиняли в неспособности вывести страну из кризиса, открыто называли ворами и казнокрадами, им припоминали разгул террора ⁶⁰. Парижане отчаянно надеялись, что с роспуском Конвента ситуация начнет стремительно улучшаться.

И здесь в полной мере проявлялось действие второго фактора: в Париже царило ощущение, что результаты голосования по декретам о двух третях были беззастенчиво сфальсифицированы. В собраниях секций то и дело появлялись люди из других городов с сообщениями о том, что объявленные Конвентом цифры не соответствуют истинному положению дел ⁶¹. Как может быть, спрашивал у Конвента представитель секции Хлебного рынка, что по всей Франции против декретов проголосовало всего 95 тыс. человек, если только в отвергнутом декрете Париже против них было 75 тысяч? ⁶² В столице даже ходили слухи о том, что декреты отвергло три четверти департаментов ⁶³. К сожалению, сейчас очень сложно ответить на вопрос, в какой мере эти слухи были обоснованными, поскольку, несмотря на неоднократные просьбы представителей секций и даже требования некоторых депутатов ⁶⁴, результаты голосования по декретам в первичных собраниях так и не были опубликованы. Однако известно, что результаты референдума по Конституции VIII года были сфальсифицированы, но Бонапарту это не помешало. Дело в ином: Конвент стремительно терял доверие граждан, многие парижане не верили, что он способен навести порядок в стране, не верили в бескорыстность депутатов и даже в сообщения о победах на фронтах ⁶⁵.

Третьим негативным фактором стала угроза возвращения к временам диктатуры монтаньяров, которую все более явственно ощущали парижане ⁶⁶, причем, особенно болезненно — жители зажиточных районов города. Когда было принято решение раздать им оружие и призвать на защиту Конвента, возмущение достигло своего пика.

Сочетание всех этих факторов привело к тому, что и без роялистской пропаганды обстановка в Париже к концу сентября ощутимо накалилась. 19 сентября в докладах полиции впервые появилось предупреждение о грядущем восстании, однако главной его причиной тогда назывались отнюдь не интриги роялистов, а ненависть к торговцам, земледельцам и, наконец, к правительству, которое не может положить конец перебоям в снабжении и росту дороговизны ⁶⁷. Впрочем, и сам ярлык «роялист», который сегодня воспринимается совершенно однозначно, тогда трактовался иначе. Точно так же, как в 1790 г. «аристократом» могли назвать кучера, сожалевшего о старом

порядке, в 1795 г. недовольные политикой Конвента именовали своих оппонентов «террористами», «анархистами» и «кровопийцами». Те же, в свою очередь, привыкнув ассоциировать Конвент с Республикой (никакого иного политического опыта у французов тогда просто не было), щедро раздавали противникам ярлыки «роялистов»⁶⁸, воспроизводя, на новом витке, ту же политическую традицию, в рамках которой в роялизме поочередно обвиняли Эбера, Дантона и, наконец, Робеспьера.

Все это наводит на мысли о совершенно иной логике событий, нежели та, что обычно приводится в исторической литературе при описании причин восстания 13 вандемьера. Не роялисты были причиной брожения в секциях; оно началось, в первую очередь, из-за проблем со снабжением столицы и стремления Конвента всеми правдами и неправдами остаться у власти. Диалог с депутатами — пусть даже и на повышенных тонах — продолжался до последнего. Подливали масло в огонь и выступления ряда депутатов, называвших тех, кто голосовал против «декретов о двух третях», роялистами; изрядно разозлила парижан и угроза перенести заседания Конвента в Шалонна-Марне и привести в боевую готовность войска в соответствии с законом от 1 жерминаля⁶⁹. Тем не менее, после прочтения полицейских донесений у меня сложилось ощущение, что к началу октября парижане уже несколько устали от разговоров, связанных с «декретами о двух третях» и работой первичных собраний: проблемы с продовольствием и присоединение Бельгии к Франции в тот момент занимали их куда больше⁷⁰. И, если бы Конвент в этой ситуации повел себя более терпимо, не исключено, что восстания бы не произошло.

Однако продолжение в Конvente антипарижской риторики и его расправа с волнениями в тех городах парижского региона, которые состояли в переписке с секциями, вновь активизировали конфликт. Собрания секций восприняли происходящее как возвращение к временам диктатуры монтаньяров и Террора. Одновременно стало очевидно, что Конвент не остановится перед применением силы. Часть парижан это испугало: когда 11 вандемьера во Французском театре досрочно собралась часть выборщиков, то они подчинились решению Конвента и разошлись, а депутаты, на тот момент, были согласны на амнистию всем, кто нарушил закон в связи с работой первичных собраний. Однако семь наиболее активных секций решили не мириться с поражением и уже вечером того же дня объявили себя восставшими. В ответ Конвент призвал под ружье верных ему санкюлотов. Время ненасильственных действий кончилось: мятежникам оставалось только попытаться взять Конвент штурмом и силой заставить депутатов сложить свои полномочия.

Есть ли в материалах полиции доказательства того, что за этим, в первую очередь, стояли роялисты? Отнюдь. От 12—14 вандемьера в Национальном архиве сохранились не только полицейские донесения, но и множество докладных записок, составленных агентами Комитета общей безопасности. Если судить по публикации А. Олара, то за секциями и военными действиями наблюдали очень пристально, а парижане не чинили работе агентов никаких препятствий. И, тем не менее, в этих донесениях нет никаких следов историй, связанных с роялистской символикой, которые попали впоследствии в

газеты и в доклад Барраса. Да и в принципе упоминаний о промонархических настроениях в секциях всего три, и лишь одно из них сообщает о готовых к вооруженному сопротивлению роялистах ⁷¹, а два других ограничиваются пересказом слухов.

Таким образом, изучение многочисленных свидетельств современников, позволяющих восстановить события осени 1795 г., приводят нас к выводу о том, что ни у очевидцев мятежа, ни у историков, фактически, нет никаких оснований называть восстание 13 вандемьера роялистским. Ничто не свидетельствует о том, что роялисты были его тайными организаторами или направляли мятеж из-за рубежа. Несомненно, среди лидеров секций люди, сочувствующие монархии, были. Столь же несомненно, что были они и среди рядовых участников восстания, но, судя по эпизодичности их упоминания в документах того времени, с уверенностью можно говорить о присутствии в рядах восставших лишь очень небольшого количества сторонников королевской власти, чьи политические симпатии на тот момент подвластны четкой идентификации. Располагал ли Конвент какими-то более точными сведениями на этот счет? Едва ли, иначе депутаты не ограничились бы лишь многократными упоминаниями о роялистах и рядом довольно сомнительных свидетельств их существования, которые, впрочем, никому не были предъявлены и не сохранились в архивах.

Другое дело, что восстание 13 вандемьера, конечно же, соответствовало интересам не только тех парижан, которые устали от диктатуры Конвента. Роялисты тоже немало могли бы выиграть от отмены «декретов о двух третях». Именно это, по всей видимости, и заставило их поддержать восстание.

Впрочем, как это ни парадоксально, и той, и другой стороне было выгодно объявить мятеж делом рук роялистов: сторонникам Конвента это позволяло оправдать декреты и применение войск против жителей Парижа, а сторонникам монархии давало возможность создать преувеличенное представление о своем влиянии, якобы позволившем вывести на улицы столицы несколько десятков тысяч человек. Легенду, несомненно, породил Конвент, но и его противники не стали ее развенчивать. Думается, это и обеспечило мифу о «роялистском мятеже 13 вандемьера» столь долгую жизнь.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

1. Советская историческая энциклопедия. Т.2. М. 1962, ст. 954.
2. LACRETELLE JEUNE. Précis historique de la Révolution française. P-Strasbourg. 1810, vol. II, p. 465ss.
3. STAEL madame de. Considération sur la Révolution française. P. 1883, p. 319ss.
4. См., например: МИНЬЕ Ф. История Французской революции. СПб. 1906, с. 284.
5. Восстания парижских секций весной 1795 г. стали называть «последними народными восстаниями» Французской революции. См., например: СОБУЛЬ А. Первая республика. М. 1974, с. 180.
6. Réimpression de l'ancien Moniteur (далее — Moniteur). P. 1854, vol. 25, p. 611, 615; vol. 26, p. 3.

7. О них говорится лишь в последней фразе: если Конвент погибнет, то, несмотря на то, что это будет делом рук «подлых роялистов», Франция потребует у парижан отчета, как они это допустили. *Ibid.*, vol. 26, p. 53. Однако и такое, довольно умеренное обращение, вызвало возмущение в ряде секций. AULARD A. *Paris pendant la Réaction thermidorienne et sous le Directoire*. P. 1899, vol. 2, p. 275—276.
8. *Moniteur*, vol. 26, p. 117—118.
9. См., например, выступление депутата Л. Лежандра от 22 фрюктидора (8 сентября). *Ibid.*, vol. 25, p. 700.
10. *Ibid.*, p. 123—126.
11. *Ibid.*, p. 133—134.
12. Letourneur (de la Manche), au nom du Comité de Salut public, le 14 vendémiaire. *Ibid.*, p. 137.
13. *Ibid.*, p. 140—144.
14. *Moniteur*, vol. 26, p. 277—282.
15. По Конституции III года, выборы проходили в несколько этапов: сначала первичные собрания избирали выборщиков, а потом уже собрания выборщиков голосовали за депутатов.
16. SOBOUL A. *La Révolution française*. P. 1982, p. 438. На Собоуля во многом ориентировалась и советская историография. К примеру его рассказ о восстании почти дословно воспроизведен в: РЕВУНЕНКОВ В.Г. *История Французской революции*. СПб. 2003, с. 489—490.
17. МАНФРЕД А.З. *Наполеон Бонапарт*. М. 1980, с. 118.
18. RUDÉ G. *The French Revolution*. L. 1988, p. 120.
19. РЕВУНЕНКОВ В.Г. *Ук. соч.*, с. 489.
20. МАДЛЕН Л. *Французская революция*. Т. 2. Берлин. 1922, с. 199—200.
21. DUCOUDRAY E. *Vendémiaire (Journée du 13)*. *Dictionnaire historique de la Révolution française*. P. 1989, p. 1077.
22. LEFEBVRE G. *La France sous le Directoire*. P. 1984, p. 42.
23. ТАРЛЕ Е.В. *Наполеон*. М. 1992, с. 26.
24. Имеется в виду Людовик XVIII.
25. SUTHERLAND D.M.G. *France 1789—1815. Revolution and Counterrevolution*. L. 1988, p. 275.
26. *Ibid.*, p. 277.
27. ZIVY H. *Le treize vendémiaire an IV*. P. 1898, p. 12.
28. *Ibidem*.
29. КАРЕЕВ Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков. 1914, с. 16.
30. ДОБРОЛЮБСКИЙ К. Вандемьерский мятеж (1795 г.) в: *Труды Одесского государственного университета. История*. Одесса. Т. 1. 1939, с. 186.
31. ДАЛИН В.М. *Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора в кн.: ДАЛИН В.М. Люди и идеи*. М. 1970, с. 46—47.
32. КАРЕЕВ Н.И. *Ук. соч.*, с. 12.
33. Цит. по: ZIVY H. *Op. cit.*, p. 124ss.
34. См., например: *Moniteur*, vol. 26, p. 130.
35. MITCHELL H. *Vendémiaire, a revaluation*. — *The Journal of Modern History*. 1958, September, vol. XXX, N 3.
36. THIBAUDEAU A.-C. *Mémoires sur la Convention et le Directoire*. P. 1824, vol. 1, p. 208—209.
37. BAUDOT M.-A. *Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants*. Genève. 1974, p. 27.
38. BARRAS P. *Mémoires de Barras, membre de Directoire*. P. 1895, vol. 1, p. 241.
39. CAMBACÈRES J.J.R. *Mémoires inédits*. P. 1999, vol. 1, p. 346.
40. LAVALETTE A.M., comte de. *Mémoires et souvenirs du comte Lavalette*. P. 1905, p. 148.
41. DANICAN A. *Notice sur le 13 vendémiaire ou Les parisiens vengés*. S. l. 1796, p. 21.
42. *Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne (1794—1798)*. P. 1884, vol. 1, p. 340.

43. Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue. L. 1899, vol. III, p. 149—150.
44. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ), ф. 93. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 518, л. 92.
45. Note sur les dispositions des conventionnels régicides. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France, 624, 1795, f. 149—149v.
46. SURATTEAU J.-R. Les élections de l'an IV en : Annales historiques de la Révolution française. 1951, № 4; 1952, № 1.
47. AULARD A. Op. cit., p. 251—252.
48. Ibid., p. 206—207.
49. Ibid., p. 252. Про другие (реальные или воображаемые) планы роялистов активно писали в это время газеты. См., например: Le Censeur des journaux. 23.09.95, № 27, p. 2; La Sentinelle. 4.10.95, № 103, p. 414.
50. Ibid., p. 227—228.
51. Ibid., p. 232.
52. Ibid., p. 200, 210.
53. Ibid., p. 221, 273.
54. Так, один из инспекторов докладывал, что в секции Единства было подано 6 голосов за короля (Ibid., p. 234), однако всего в этой секции голосовало более 2400 человек. ZIVY H. Op. cit., p. 24.
55. AULARD A. Op. cit., p. 242.
56. Ibid., p. 257, 260, 263.
57. Ibid., p. 204, 209.
58. Так в годы революции называли бумажные деньги.
59. AULARD A. Op. cit., p. 209—210.
60. Ibid., p. 256, 258.
61. Ibid., p. 241—243, 248, 258, 261.
62. Moniteur, vol. 26, p. 50.
63. AULARD A. Op. cit., p. 269.
64. См., например: Moniteur, vol. 26, p. 32, 57.
65. AULARD A. Op. cit., p. 259.
66. Ibid., p. 245, 294—295.
67. Ibid., p. 253.
68. Во время ссоры в Саду Равенства, доносит один из полицейских агентов, оппоненты «именовали друг друга роялистами, фанатиками, неистовыми, террористами и якобинцами». Ibid., p. 269.
69. Procès-verbal de la Convention Nationale. Imprimé par son ordre, p. IV, vol. 70, p. 68—69.
70. AULARD A. Op. cit., p. 284.
71. Ibid., p. 297.

Узники башни Анема

Т.В. Куш

Политические преступления в Византии всегда сурово наказывались: преступника ждала если не смерть, то ссылка, телесные увечья или же тюремное заключение. Византийский историк XIV в. Никифор Григора, говоря о возможных вариантах устранения деспота Константина, соперника императора Андроника III Палеолога (1328—1341), перечислил по сути все возможные способы, которые использовались властью для расправы над людьми, представлявшими для нее опасность: «Ему (Константину. — Т.К.) предложили на выбор: либо облечься в монашескую одежду, либо же быть подвергнутым другому наказанию, которое он пожелает: смертной казни, безвозвратной ссылкой либо заточению в темницу забвения»¹. За исключением убийства, все варианты предполагали полную изоляцию человека от общества, равную политической смерти. Что бы ни служило местом заточения — башня, подземелье или монастырская келья, это в Средние века было не столько пенитенциарным учреждением, призванным вразумить человека, поставить его на путь исправления или заставить его покаяться (другими словами, воздействовать на его «душу»), сколько средством наказания «тела»². Зачастую условия содержания преступника обрекали его на тяжкие физические и душевные страдания. Безжалостное обращение стражников, издевательства, голод и холод причиняли заключенному невыносимые муки, превращая для него тюремное заключение в медленную казнь. Подробности того, в каких условиях содержался порой узник, описал все тот же Никифор Григора, сообщая о заточении в 1322 г. выше упомянутого деспота Константина: «Он [император] отправил деспота в Дидимотихон для заключения в страшную и лишённую всякого утешения темницу. Ибо вершина, на которой расположен Дидимотихон, представляет собой одну цельную скалу, которую жители, найдя ее весьма

Куш Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета. Екатеринбург.

пригодной для высекания, всю испещрили подземными хранилищами и цистернами, в которых скапливалась дождевая вода. Вычерпав всю воду из одной такой цистерны, спустили туда по лестнице деспота и одного мальчика из его прислуги. Из прочих же никому не дозволяли даже заглянуть туда, но, закрыв отверстие, держали их там, страдающих от тесноты помещения и крайнего неудобства. Я опущу здесь прочие их страдания, такие как мрак и душливый воздух; но какими словами можно изобразить самое важное и заставляющие содрогаться? Поскольку место то было крайне тесно, то по необходимости должны были находиться близко друг к другу горшок с экскрементами и мочой и хлеб для утоления голода. Что же, о читатель, должно было быть на душе у заключенных, когда им приходилось есть в таком зловонии? К тому же содержимое горшка, подымаемого вечером сторожами на веревке, часто выливалось деспоту на голову — то ли потому, что сторожа намеренно издевались над ним, то ли оттого, что горшок без всякого умысла с их стороны переворачивался. Но духовные лица направили императору многочисленные ходатайства [о деспоте], и он был впоследствии переведен в другую темницу, с более мягкими условиями»³. Если даже для родного дяди императора условия заключения были столь тяжелы, то что же говорить о содержании менее именитых государственных преступников.

Среди всех средств расправы с политическими врагами весьма распространенным в Византии было заключение под стражу. Источники пестрят сообщениями о случаях тюремного заточения участников политической борьбы или междоусобных конфликтов. В Константинополе только в Большом императорском дворце и в непосредственной близости от него находилось не менее 5 тюрем⁴. Местом заточения служили также крепостные башни, наиболее приспособленные для содержания военнопленных или политических конкурентов. От большинства из них не осталось и следа, и даже человеческая память не сохранила их имена. Но об одной из темниц — башни Анема — мы располагаем достаточным количеством сведений, чтобы поведать целую историю этого зловещего места.

Башня Анема входила в оборонительную систему Константинополя и являлась частью крепостной стены, которая защищала XIV квартал, расположенный на северо-востоке столицы⁵. Вероятно, она была построена при византийском императоре Алексее I Комнине (1081—1118), хотя вопрос о времени ее возведения остается открытым. Башня относилась к Влахернскому дворцовому комплексу⁶. Именно в правление Алексея I во Влахернах на месте прежних построек, уничтоженных пожаром 1069 г., началось строительство нового дворца, ставшего основной императорской резиденцией при Комнинах и Палеологах⁷. Видимо, одновременно с дворцовой застройкой возводилась и башня Анема. В связи с переносом резиденции из Большого императорского дворца во Влахернский возникла необходимость иметь под рукой помещения, пригодные для содержания под стражей преступников. Близость к новому дворцу определила судьбу Анемы, ставшей главной политической тюрьмой империи в последующие столетия. Внутренние помещения в нижней части башни были приспособлены под темницу, где содержались знатные политические заключенные⁸.

Тюрьма получила свое название во времена Алексея I Комнина по имени одного из ее первых узников — мятежного полководца Михаила Анемы, принадлежавшего к военной аристократии⁹ и не раз участвовавшего в военных кампаниях императора против куманов¹⁰. История происхождения названия, закрепившегося за башней, и указание на ее месторасположение содержатся в «Алексиаде» Анны Комниной: «Это одна из башен той части городской стены, которая находится вблизи Влахернского дворца. Называлась она Анемской, и это имя получила от самой судьбы, ибо первым ее узником был Анема, который провел там много времени»¹¹.

Михаил Анема был потомком последнего арабского эмира Крита ал-Нумана ибн Абд ал-Азиза¹², известного в византийских источниках как Куруп, защищавшего Крит от византийцев и взятого в плен византийским императором Никифором Фокой в 961 году. Потомки эмира приняли христианство и перешли на службу к византийским правителям. Михаил Анема стал командиром личной охраны василевса и командующим армией. Заговор, который учинили против Алексея I в 1105 г. «братья по прозвищу Анемады»¹³, очень подробно описан Анной Комниной. Целью интриги, нити которой находились в руках Анемадов, было убийство монарха и захват престола. Михаила Анему Анна Комнина по праву назвала «корифеем драмы»¹⁴. После того, как раскрыли заговор и изобличили заговорщиков, последовал приговор: Михаила Анему и его сторонников император приказал остричь наголо, сбрить им бороды, провести через площадь Августейон, а затем ослепить. Чтобы покрыть позором изменников, было устроено унижительное шествие осужденных через центр города: на преступников накинули мешки, на головы им водрузили венцы из кишок и рога; их посадили боком на быков и провезли в сопровождении актеров, распевавших скабрзные песенки, сквозь сбежавшую толпу зевак¹⁵.

Эта процессия вызвала у Анны Комниной, наблюдавшей за происходящим из окон дворца, сострадание к Михаилу Анеме. Благодаря вмешательству самой Анны и ее матери, императрицы Ирины Дукены, Алексей I проявил императорское милосердие и в последний момент заменил суровое наказание заключением лидера заговорщиков в башню: «Вестник спасения... передал тем, кто вел Михаила, грамоту, дарующую прощение, взял Михаила с собой, повернул назад, подошел к башне, сооруженной рядом с дворцом и запер в ней Михаила». Известие о смягчении наказания застигло Михаила в самый критический момент шествия, когда осужденный оказался под сенью так называемых «Руки». Это была арка, украшенная скульптурным изображением рук, отлитых из бронзы. Она находилась на улице Тетрапилон, по которой осужденных вели к Амастрианской площади — месту исполнения наказания. Приведем цитату, объясняющую смысл этого момента: «Императоры, соорудив на хорошо видимом отовсюду месте, на высокой каменной арке эти бронзовые Руки, установили такое правило: если кто-нибудь, осужденный законом на смерть, окажется внутри них и в это время его настигнет весть о милосердии самодержца, то он освобождается от наказания. Руки суть образ объятий, в которые император вновь принимает осужденных, протягивая им руку и не выпуская их из рук своего милосердия. Если же осуж-

денные прошли дальше этих Рук, значит и императорская власть как бы оттолкнула их от себя. Таким образом, участь подлежащих наказанию людей зависит от судьбы; и я считаю, что она является Божественным приговором и ее следует призывать на помощь»¹⁶.

Распространилась ли императорская милость и на других участников заговора, Анна не сообщает. Имя же Михаила Анемы — первого узника — закрепилось за башней, которая отныне стала местом заключения именитых преступников — от мятежных членов императорской фамилии до политических врагов, покушавшихся на государственную власть.

Вскоре после этих событий, в 1107 г., туда же бросили другого заговорщика — Григория Таронита¹⁷. По сообщению Анны, «еще не освободили из тюрьмы Михаила, как в Анемскую тюрьму был доставлен Григорий». Он, будучи дукой Трапезунда, проявил неповиновение и поднял мятеж против императора: взял в плен своего предшественника на этом посту Даватина и знатных жителей Трапезунда, отказывался подчиняться императорским распоряжениям, клеветал на представителей столичной знати и родственников василевса. Спустя два года Григорий был схвачен по приказу императора своим же кузеном Иоанном, который одновременно являлся племянником Алексея I Комнина, и доставлен в Константинополь. Его ждало то же наказание, что в свое время и Михаила Анемы: его остригли наголо, сбрили ему бороду и провели через город, а затем заточили в Анемскую башню¹⁸. Подобные процессии с проходом преступника по центральным улицам столицы устраивались не только для того, чтобы усилить наказание, выставив злоумышленника на всеобщее осмеяние, подвергнув надругательству и глумлению со стороны беснующейся толпы. Это нужно было в назидательных целях — так гражданам демонстрировали человека, поправшего закон, и показывали меру наказания, которое ждет любого, посягнувшего на установленный государственный порядок.

Вероятно, для Григория Таронита первоначально был определен какой-то срок заточения, поскольку Анна Комнина указывает, что в дальнейшем «время его заключения в тюрьме было продлено»¹⁹. Условия его содержания были относительно мягкими: о нем неплохо заботились по распоряжению василевса. Анна Комнина пишет: «Но и в тюрьме Григорий вел себя неразумно и ежедневно обращался к своим стражам с безумными пророческими речами, хотя император в своей щедрости удостоивал его большой заботы, надеясь, что он изменит свой нрав и раскается»²⁰. Узника даже разрешалось время от времени навещать посетителям. Так, муж Анны Комниной кесарь Никифор Вриенний, с которым Таронита связывали дружеские отношения, приходил к нему, чтобы утешить, вразумить и помочь советами. В конце концов василевс полностью простил Григория Таронита и облагодетельствовал его новыми должностями и пожалованиями (тот «получил такое количество милостей, даров и титулов, какого не имел никогда ранее»²¹). Наличие у человека за плечами «тюремного прошлого», как оказывается, в византийской политической практике не являлось помехой для дальнейшей карьеры — на все была милость императора.

Следующим именитым узником башни оказался свергнутый Исааком II Ангелом император Андроник I Комнин (1183—1185).

Жизненный путь Андроника I был полон неожиданных поворотов, драматических моментов, великих страстей, взлетов и падений²². Несколько раз он то оказывался на гребне волны, возносившей его на вершины власти, то низвергался с политического Олимпа. В царствование своего кузена Мануила I (1143—1180) Андроник неоднократно подвергался опале, ссылкам и тюремным заключениям из-за интриг, которые он плел против императора. Впервые он оказался в заключении в 1154 г. после раскрытия его заговора с венграми против Мануила I. По сообщению историка Никиты Хониата, Андроника бросили в одну из темниц Большого дворца²³, где длительное время держали в кандалах. Узник сумел сбежать из-под стражи, воспользовавшись тайным ходом, случайно обнаруженным им в своей камере. Однако его поймали и вновь поместили в тюрьму под более строгий надзор, заковав «в двойные железные кандалы»²⁴. Но и на этот раз он не отчаялся и бежал из-под стражи, хитростью раздобыв ключи от своей темницы. Историки Иоанн Киннам и Никита Хониат, дополняя в деталях друг друга, подробно описывают, как Андроник с помощью слуги добыл слепки ключей на воске, по которым его жена с сыном сделали дубликаты и переслали ему их и льняные веревки в амфоре с вином. Выбравшись из заточения, Андроник укрывался несколько дней в высокой траве в дальнем углу Вукелеонского дворца. В назначенный час с наступлением темноты он перелез через стену и на поджидавшей его лодке добрался до дома, а затем, освободившись от оков, бежал из города. В ходе побега его дважды чуть не схватили, но находчивость и присутствие духа помогли Андронику обмануть стражников и избежать пленения²⁵.

С башней Анема связан заключительный этап его жизненного пути, подробно описанный Хониатом. Она стала для Андроника последним пристанищем перед мучительной казнью. Когда низвергнутого императора, пытавшегося сбежать на корабле к «тавроскифам», схватили и доставили в Константинополь, «его заключили в тюрьму, называемую Анема, наложили на его гордую шею две тяжелые цепи, на которых в клетке держат в железных ошейниках львов, и заковали ноги его в колодки»²⁶. В таком унижительном виде его доставили к новоиспеченному императору Исааку Ангелу, пожелавшему взглянуть на низверженного соперника, дабы насладиться его жалким видом и испытать торжество собственного величия. Затем Андроника предали всеобщему поруганию. Разъяренная толпа, которая еще недавно восхваляла его вступление на престол, теперь измывалась над ним: ему рвали бороду и волосы на голове, давали пощечины, выбивали зубы. После того, как Андронику отсекли правую руку, его вновь бросили в темницу, где он вынужден был обходиться «без пищи и без питья, и ни от кого не видел ни малейшего попечения». Спустя несколько дней его ждала заключительная часть позорной экзекуции и мучительная казнь, подробно описанные в источниках. Андроника ослепили, облачили в рубище, усадили на паршивого верблюда и повезли через центральные улицы к месту казни. По пути жители Константинополя, сбегавшиеся полюбоваться жалким зрелищем, которое ныне представлял тот, кого еще недавно славил как василевса, избивали его палками, поливали испражнениями, оскорбляли ругательствами, забрасывали камнями, обливали кипятком, поносили

бранными словами. На ипподроме его подвесили за ноги между двух колонн, а чернь продолжала издеваться над еле живым Андроником, срывая с него одежды и нанося удары мечами. После долгих мучений бывший император умер²⁷. История последних дней его жизни показывает, что башня Анема стала лишь временным приютом обреченного на смерть императора, который лишился престола в результате переворота, утратил любовь народа и не удостоился милосердия своего преемника. Андроник, пожалуй, был единственным из всех известных нам узников Анемской тюрьмы, кто из нее отправился прямым к месту своей казни.

В палеологовское время Анема также служила местом заточения влиятельных особ. Хартофилак Иоанн XI Векк²⁸, будущий патриарх, попал в нее весной 1273 г. за сопротивление унии, предполагавшей объединение православной и католической церквей и признание папского примата. Император Михаил VIII (1261—1282), ратовавший за скорейшее заключение союза с латинянами²⁹, хотел добиться церковного осуждения Иоанна Векка, выступившего против унии церквей, но епископы отказались вершить суд без согласия патриарха³⁰. Тогда император своей волей заточил несговорчивого Иоанна в башню Анема³¹. Заключение продлилось недолго — чуть более полугода. Михаил VIII, искавший поддержки авторитетного среди духовенства хартофилака в условиях нарастающего противодействия православной церкви униатским устремлениям императора, стремился не только примириться с Иоанном Векком, но и привлечь его на свою сторону. По свидетельству историка Никифора Григоры, император придумал хитрый ход, с помощью которого смог изменить позицию хартофилака: «Василевсу пришло на ум, что лет 25 тому назад, в правление Иоанна Дуки, латинянами уже поднимался тот же вопрос и что живший тогда Никифор Влеммид, человек ученый и знаток Священного Писания, начал на досуге собирать свидетельства из святых книг, подкрепляющие латинское учение, и писать на эту тему... Найдя то, что было им написано, василевс посылает Векку. Тот, прочитав внимательно написанное, потребовал творений святых отцов, из которых Влеммид приводил свидетельства»³². Таким образом, находясь под стражей, Иоанн усердно изучил переведенные фрагменты из трудов латинских авторов, тщательно подобранные и предоставленные ему с императорского соизволения. Отобранные цитаты убедили его в том, что латиняне вовсе не являются еретиками, а между западной и восточной церквями нет непреодолимой пропасти, вследствие чего союз церквей в определенных политических обстоятельствах вполне допустим³³. Иоанн Векк изменил свою позицию: «Тот, кто прежде был обоюдоострым мечом против латинян, теперь, заняв противоположную сторону, им же доставляет победу»³⁴. Уния церквей была подписана в Лионе 6 июля 1374 г., а ставший ее приверженцем Иоанн Векк вскоре получил патриарший престол. Башня Анема, как показывает эта история, стала тем действенным средством, с помощью которого Иоанна Векка, противившегося униатским намерениям василевса, не просто на время вывели из «большой игры», но и смогли превратить из непримиримого противника в проводника императорской политики.

На протяжении XIV в. в тюрьму Анема попадали преимущественно императорские особы и их родственники. В начале столетия в ней

оказался военачальник Сиргианн Палеолог Филантропин Комнин ³⁵, метавшийся в «войне двух Андроников» ³⁶ от одной стороны к другой. Со слов Никифора Григоры, это «он посеял раздор между двумя василевсами и сделался главным виновником всех последних смут» ³⁷. Сиргианн, в чьем патрониме соединились хорошо известные в истории Византии имена ³⁸, был женат на двоюродной сестре императора Андроника II Марии Дукене Палеологине. Он был великим дукой, наместником во Фракии и Македонии, известным полководцем и к тому же искусным интриганом и авантюристом. Подозреваемый в попытке узурпировать власть в 1319—1320 гг. и вывести свои владения из-под власти императора, он был взят под стражу и в цепях доставлен к василевсу, после чего некоторое время «содержался в страшной тюрьме» ³⁹. Андроник III, по сообщению Иоанна Кантакузина, посетил Сиргианна в заключении и обнаружил, что тот находится в ужасных условиях и страдает от болей, которые причиняли ему колодки на шее. Остается неясным, в какой из столичных тюрем находился пленник, но, очевидно, условия содержания в ней были настолько плохи, что юный император, тронутый страданиями узника, решил заступиться за него. В 1322 г. Андроник III уговорил своего деда Андроника II перевести Сиргианна в башню Анема, где тому позволили жить вместе с женой и детьми под неусыпным надзором охраны ⁴⁰. Позже Сиргианна освободили после того, как он письменно поклялся «ничего не замышлять против василевса» ⁴¹, и он вернулся в большую политику. Анема вновь оказалась средством политического отрезвления зарвавшегося интригана. Она стала для заключенного не «башней забвения», но лишь местом временной изоляции, местом для покаяния и раскаяния. Император, используя подобный способ вразумления, рассчитывал на то, что «тюремный урок», преподнесенный узнику башни Анема, заставит того одуматься и отказаться от своих вероломных планов. К сожалению, раскаяние, как показали дальнейшие события, не было искренним, а полученный урок был усвоен лишь отчасти.

Сиргианн вновь оказался вовлечен в водоворот политических интриг. В 1329—1330 гг. его усыновила Мария Дукена Палеологина, мать Андроника III. В тот момент она опасалась за свою жизнь, поскольку император, ее сын, был тяжело болен и по завещанию оставлял власть своей жене Анне Савойской и влиятельному сановнику, великому доместику Иоанну Кантакузину. В случае смерти василевса императрица-мать хотела противопоставить враждебному ей Кантакузину более стоворчивого Сиргианна, которого она облагодетельствовала подобным образом. В 1333 г. Сиргианн попал в немилость к Андронику III после обвинений в государственной измене, выдвинутых против него Арсением Цамблаком. Как пишет Никифор Григора, «это обстоятельство посеяло в его душе большой страх и возбудило в нем опасение попасть в темницу; он помнил о своем прежнем мучительном заточении, память о котором была еще свежа в его сердце». Беспokoясь за свою жизнь, Сиргианн бежал из столицы на о. Эвбея, а затем в Фессалию. Найдя покровителя в лице сербского короля Стефана Душана, он во главе сербских войск занял в 1334 г. Касторию, но вскоре, во время похода на Фессалонику, был убит подосланным к нему в стан Сфранци Палеологом ⁴².

В период междоусобиц в 70-е гг. XIV в. башня Анема была в разное время местом заточения всех основных участников внутридинастического конфликта.

Борьба развернулась между императором Иоанном V Палеологом (1341—1391) и его старшим сыном, наследником престола и соимператором Андроником IV. Во время поездки Иоанна V в Италию в 1369—1371 гг. на поиски союзников для борьбы с турками Андроник отказался помочь отцу, оказавшемуся в затруднительном положении. На обратной дороге император вынужденно задержался в Венеции больше чем на год из-за отсутствия средств для возвращения и по причине долгов, которые обязан был выплатить республике⁴³. Иоанн V обратился к сыну, которого оставил править империей на время своего отсутствия, с просьбой собрать необходимую для покрытия долга сумму. Однако Андроник IV проигнорировал просьбу отца о помощи, что и стало поводом к конфликту между ними. Помощь василевсу в решении финансовых проблем с кредиторами оказал его средний сын Мануил. Андроник после возвращения отца был лишен престола, но вступил в сговор с Савджи Челеби, наследником турецкого султана, и попытался в мае 1373 г. захватить власть в столице⁴⁴. Потерпев неудачу, Андроник был частично ослеплен, лишен прав на наследство и заключен со своей семьей в башне Анема⁴⁵, а титул соправителя перешел к его младшему брату Мануилу (будущему Мануилу II), которого 25 сентября 1373 г. провозгласили соимператором. На ослеплении заговорщиков настаивал султан Мурад I; именно так он поступил со своим наследником. Савджи Челеби не перенес наказания и скончался в муках от полученных ран. Но Иоанн V проявил великодушие к собственному сыну. Испанский дипломат и путешественник Руи Гонсалес де Клавихо, побывавший в Константинополе в 1403 г. по пути ко двору Тимура, повествует о наказании, которое постигло строптивного Андроника IV: «Император пожалел своего сына и не выколол ему глаза, а приказал заточить в темницу, очень глубокую и темную, и там лишил его зрения при помощи раскаленных кружек для жертвоприношений⁴⁶. И когда сын уже пробыл некоторое время в заточении, отец разрешил, чтобы его жена находилась при нем в темнице»⁴⁷. Вскоре сердце отца смягчилось, и он приказал перевести мятежного сына из Анемы, считая пребывание там слишком тяжелым наказанием, в монастырь Кавлеос, где тот продолжал содержаться под стражей. Воспользовавшись тем, что надзор за ними был ослаблен, Андроник вместе с семьей в 1376 г. сбежал и направился в генуэзскую Галату, расположенную на северном берегу Золотого Рога⁴⁸.

Он нашел поддержку у генуэзцев, недовольных сотрудничеством Иоанна V с их соперниками — венецианцами. Помощь непокорному сыну императора оказали и турки, осадившие Константинополь. Заняв столицу при поддержке части жителей города, Андроник IV провозгласил себя императором. Теперь уже его отец Иоанн V и братья Мануил и Феодор оказались в первых числах октября 1376 г. в тюрьме Анема⁴⁹. По краткому сообщению Руи Гонсалеса де Клавихо, «некоторое время спустя сын вернулся опять к дурному умыслу, схватил своего отца императора и продержал некоторое время в плену, до тех пор пока не представился случай и его не освободили кавалеры»⁵⁰.

Историк Дука написал о тех событиях более подробно и более образно: «Многие дни вели войну отец против сына и сын против отца, вызывая отвращение ромеев и ненависть Бога. С помощью ужаснейших клятв, рождающих преступление, Андроник вошел в город и провозгласил себя василевсом ромеев. Своего отца и братьев Мануила и Феодора он запер в башне, в которой сам побывал, подобно тому, как Зевс бросил в Тартар своего отца Кроноса и братьев Плутона и Посейдона, а сам царствовал»⁵¹.

Согласно сообщению Мануила II Палеолога, его брат Феодор мог бы избежать тюрьмы⁵², поскольку незадолго до этих событий был провозглашен деспотом Фессалоники, которая перешла к нему в управление от Мануила, провозглашенного соимператором⁵³. Во время осады Андроником столицы Федору представилась возможность отправиться в свои владения, однако он отказался покинуть раненого и нуждавшегося в уходе Мануила, предпочитая разделить участь любимого брата: «Он предпочел быть заключенным вместе с нами в тюрьме, которая, как говорят, сама по себе была подобна смерти, вдобавок к тому, что нам угрожала смерть от меча»⁵⁴.

Находясь под стражей, узники не без основания опасались за свои жизни. Современник тех событий, писатель и политический деятель Димитрий Кидонис, намекая на возможность убийства пленников под покровом ночи, сообщал в одном из писем той поры, что жители столицы, ложась каждый вечер спать, были готовы услышать с первыми лучами солнца дурные известия⁵⁵. Историк Лаоник Халкокондил отметил, что Андроник IV не захотел убивать узников, хотя султан постоянно советовал ему это сделать⁵⁶.

Темница, по образному выражению Мануила II Палеолога, была «больше похожа на могилу»⁵⁷. Позднее он так вспоминал о своем пребывании в тюрьме: «Пока мы находились в заключении без малого три года, многие недуги овладели нами, доставляя беспокойство, не щадя ни тело, ни душу... У нас не было надежды на освобождение, и обстоятельства вынуждали нас ненавидеть даже саму жизнь, которой другие дорожат, потому что для нас она была полна страдания»⁵⁸.

Несмотря на все тяготы жизни в неволе, узникам удавалось находить себе занятия, доставлявшие им радость и позволявшие сохранить присутствие духа. Мануил II в письме к своему другу Алексею Ягупу рассказывал, как его увлекли научные штудии, которыми он занялся в заключении: «В тюрьме я находился вместе с отцом-василевсом и братом. Нам необходимо было, как и любому мужу в таких обстоятельствах, найти себе какие-либо занятия для того, чтобы посвятить им свое свободное время, по крайней мере, несколько развеять облако охватившего нас отчаяния и не капитулировать перед бедами, как реальными, так и ожидаемыми, что, конечно, было бы недостойно человека. Поэтому мне тогда показалось хорошей мыслью предаться непрестанному чтению книг днем и ночью, конечно, после выполнения моей обязанности перед Богом (молитвы. — Т.К.). Но почему я говорю днем? Там вечно царил мрачная ночь. Поэтому любой, кто брался за подобное занятие, вынужден был пользоваться светильником. Наша тюрьма гасила для нас даже полуденные лучи так же успешно, как где-то на земле ночь гасит их для тех, кто находится на свободе. Лишенный наставника, я не смог далеко продви-

нуться в постижении многочисленных и достойных трудов. Но тем не менее благодаря регулярности занятий страсть к наукам глубоко вошла в мою душу. Она настолько полно мною овладела, что сделала меня не просто любителем этих занятий, но ими одержимым»⁵⁹. Из этого фрагмента со всей очевидностью следует, что стражники не так уж и плохо обходились с узниками, если в распоряжении тех имелись книги и необходимые для письма принадлежности. И хотя освещение в камере было плохое и дневные лучи почти не попадали вовнутрь, пленников обеспечивали светильниками в необходимом для чтения и письма количестве.

Оказавшись в тюрьме, узники не теряли надежды и предпринимали неоднократные попытки выбраться на свободу. Занимательную историю о несостоявшемся побеге Иоанна V из Анемы в октябре 1376 г., спустя всего несколько недель после заточения, поведал Джакопо Зено в составленном им жизнеописании своего деда, венецианского авантюриста Карло Зено⁶⁰. Согласно Джакопо, византийский император вскоре после пленения попытался устроить побег. Он сумел через свою любовницу, жену тюремщика, передать Карло Зено письмо с планом своего освобождения⁶¹. Вероятно, за помощь в этом деле венецианцу было обещано какое-то солидное вознаграждение. Карло Зено добрался на лодке до Анемы⁶², вскарабкался по стене к окну камеры, в которой находились узники. Но император не захотел бежать в одиночку, а спастись вместе с сыновьями не представлялось возможным. Зено был вынужден покинуть колеблющегося василевса, поскольку время было уже упущено. Но Иоанн V вскоре предпринял новую попытку договориться с Карло об организации побега, обещая в качестве платы передать венецианцам о. Тенедос. Однако его любовница, через которую шли переговоры, была схвачена и под страхом пытки раскрыла тайные планы⁶³. Оставим на совести Джакопо Зено правдивость некоторых деталей, которыми он сопроводил свое сообщение об участии деда в организации несостоявшегося побега, однако это свидетельство говорит о стремлении василевса разными способами покинуть место своего заточения.

Несмотря на первые неудачные попытки, узникам в конце концов удалось оказаться на свободе. В июне 1379 г. Иоанн с сыновьями бежал из заключения. Источники излагают разные версии побега Палеологов из Анемы. Хроника кратко сообщает, что они «спустя три года удивительным образом вышли из тюрьмы»⁶⁴. Согласно Дуке, побег состоялся благодаря отчаянному парню по имени Ангел, прозванному Дьяволом, за что его также называли Дьяволангелом, который «вытащил их из башни, используя приемы то ли ангела, то ли дьявола, и переправил их в лодке на ту сторону в Скутари»⁶⁵. Халкондил же повествует о том, что пленникам удалось убедить слугу, приносившего в тюрьму продукты, передать им тайком железное орудие⁶⁶, с помощью которого, видимо, они сумели выбраться из башни. Со слов Псевдо-Сфрандзи, василевс бежал из-под стражи, перехитрив охранявших его болгар⁶⁷.

Димитрий Кидонис считал чудом это бегство узников. Темница, подобно античным образам, символизирующим погибель, казалась ему той пропастью, в которой безвозвратно пропадают обычные смертные: «Благодаря Провидению император с сыновьями тайно бежал

из того Лабиринта ⁶⁸ или из Кеады лакедемонян ⁶⁹, — как иначе назвать Баратр ⁷⁰, в который он был брошен? И было совершенно невероятно, что такое могло когда-либо произойти с людьми. Казалось, легче душе воскреснуть, ускользнув из Ада и Тартара, чем им вернуться из того Хаоса» ⁷¹. Мануил II в письме к Алексею Ягупу сообщал, что только с Божьей помощью им удалось вернуть власть в государстве после длительного заточения: «Но когда три года прошли и все наши ограничения были устранены рукой Господа, мы вновь возвратились к нашему прежнему положению» ⁷².

Бежав из тюрьмы, Иоанн V с сыновьями отправился в ставку султана Мурада I, и, заручившись поддержкой турок, 1 июля 1379 г. вступил в Константинополь, вновь вернув себе престол ⁷³. После восстановления своей власти Иоанн V Палеолог велел, по сообщению Руи Гонсалеса де Клавихо, разрушить башню, напомилавшую ему о годах его неволи: «Как только император был освобожден, сын его (Андроник IV. — Т.К.) бежал, а он поспешно разрушил замок, в котором сын держал его в заточении» ⁷⁴. Ко времени визита Клавихо в Константинополь в 1403 г. Анема представляла собой лишь жалкие руины, напомилавшие о ее темном прошлом. Вероятно, у столичных жителей еще долго сохранялась память о тюрьме, расположенной в Анемской башне, раз уж испанскому путешественнику, знакомившемуся с византийской столицей, не преминули поведать об ужасных страницах ее истории и судьбах ее узников.

Где находилась башня, определить с точностью до сих пор не удастся. Предпринимались неоднократные попытки это установить ⁷⁵, но вопрос так и остается открытым. У нас нет сведений, действовала ли эта тюрьма постоянно, ничего неизвестно также о случаях содержания в ней людей не столь высокого ранга, как упомянутые персоны. Скорее всего, ее использовали только в тех редких случаях, когда возникала политическая необходимость на время устранить какую-либо из влиятельных фигур, принадлежавших к правящей элите.

Из историй политических узников Анемы следует, что эта темница отнюдь не была «башней забвения» — ни один из ее заключенных не провел там всю свою жизнь до конца. Скорее она была местом временного содержания, способом временной изоляции политического противника и, в каком-то смысле, его перевоспитания. Да и условия в ней отличались от тюремных в лучшую сторону: узники часто имели возможность находиться там вместе с семьей и слугами, им порой разрешались посещения друзей и было позволено иметь книги для чтения. И дело здесь не столько в статусе ее «гостей» — именитые преступники запросто могли оказаться и в более ужасных условиях, и под более строгим надзором. Вероятно, это была тюрьма, предназначенная для более или менее комфортного (насколько это возможно) содержания под стражей знатных и влиятельных особ, которых было необходимо на время вывести из политической игры. Анема была политической тюрьмой, вовсе не исключавшей для ее узника возможности не только выйти на свободу, но и вернуться в большую политику.

- Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00025.
1. NICEPHORI GREGORAE. *Byzantina historia*. A cura L. Schopeni. Bonnae. 1829, vol. 1, p. 441. 16—19. Русский перевод: НИКИФОР ГРИГОРА. *История ромеев*. Т. 1. СПб. 2013, с. 337.
 2. ФУКО М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М. 1999, с. 44.
 3. NICEPHORI GREGORAE. *Op. cit.*, p. 357.9—358.5; НИКИФОР ГРИГОРА. *Ук. соч.*, с. 275.
 4. JANIN R. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris. 1950, p. 166.
 5. MILLINGEN VAN A. *Byzantine Constantinople. The Walls of the City and Adjoining Historical Sites*. London. 1899, p. 131.
 6. JANIN R. *Op. cit.*, p. 169—170; 266.
 7. MAGDALINO P. *Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development*. In: *Economic History of Byzantium*. Washington. 2002, p. 533—535.
 8. BARKER J.W. *Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. App. III. *The Tower of Anemas*. New-Brunswick-New-Jersey. 1969, p. 545.
 9. Пика могущества Анемады достигают к концу XI века. Род потерял свои позиции после правления Мануила I Комнина. См.: *The Oxford dictionary of Byzantium*. Vol. 1. New York-Oxford. 1991, p. 96.
 10. ANNAE COMNENAE. *Alexias*, X, 2.7. Rec. A. Kambylis, D.R. Reinsch. Berlin. 2001, p. 287. 80. Русский перевод см.: АННА КОМНИНА. *Алексиада*. СПб. 1996, с. 219.
 11. ANNAE COMNENAE. *Op. cit.*, XII, 7.1, p. 376.74—78.
 12. *Encyclopaedia of islam*. Vol. III. Leiden-London. 1986, p. 1084—1085.
 13. Сохранились имена двух из четырех братьев, участвовавших в организации переворота — Михаил и Лев. См.: ANNAE COMNENAE. *Op. cit.*, XII, 5.4, p. 372.20.
 14. *Ibid.*, XII, 5.6, p. 373. 57—58.
 15. *Ibid.*, XII, 6.5, p. 374. 16—19; 6.5—6, p. 374. 19—375.25.
 16. *Ibid.*, XII, 6. 9, p. 376.67—71; 6. 8—9, p. 375.52—376.62.
 17. КАЖДАН А.П. *Армяне в составе господствующего класса Византийский империи*. Ереван. 1975, с. 19—21; GAUTIER P. *Le synode des Blachernes (fin 1094). Etude prosopographique*. *Revue des études byzantines*. 29 (1971), p. 237; АННА КОМНИНА. *Ук. соч.*, с. 556, комм. 1262.
 18. ANNAE COMNENAE. *Op. cit.*, XII, 7.1, p. 376.73—74; 7.4, p. 377.24—26.
 19. *Ibid.*, XII, 7.4, p. 377.33—378.34.
 20. *Ibid.*, XII, 7.4, p. 377.26—30.
 21. *Ibid.*, XII, 7.4, p. 378.34—36.
 22. ДИЛЬ Ш. *Византийские портреты*. М. 1994, с. 208—307.
 23. NICETAE CHONIATAE. *Historia*. Rec. I.A. van Dieten. Berlin. 1975, p. 101.73. Русский перевод см.: НИКИТА ХОНИАТ. *История со времен царствования Иоанна Комнина*. Т. 1 (1118—1185). Рязань. 2003, кн. 3, гл. 1, с. 113. Хониат замечает, что его держали в башне, построенной из обожженного кирпича (NICETAE CHONIATAE. *Op. cit.*, p.106.90).
 24. Андроник расчистил лаз в подземелье и однажды укрылся там, тщательно замаскировав проход. Стражники, обнаружив пропажу узника, сообщили о случившемся начальству. В городе перекрыли все ворота и дороги, повсюду была разослана информация о побеге Андроника. Его жену, которую подозревали в соучастии, бросили в ту же камеру, где ранее содержался Андроник, что позволило ему навещать из своего укрытия супругу. Поскольку охрана не проявляла особой бдительности по отношению к узнице, Андроник беспрепятственно смог покинуть тюрьму и бежал в Вифинию. *Ibid.*, p. 106. 90—107.32, 108.35.
 25. IOANNIS CINNAM. *Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*. Rec. A. Meineke. Bonnae. 1836, p. 233.3—234.19; NICETAE CHONIATAE. *Op. cit.*, p. 129.30—55.

26. NICETAE CHONIATAE. Op. cit., p. 349. 93—95.
27. Ibid., p. 349. 2—5; 349. 7—9; 349.10—351.55.
28. Prosopographisches lexikon der palaiologenzeit. Wien. 1976—1994, F. 1—12, № 2548.
29. GEANAKOPIOS D.J. Michael Palaeologos and the West 1258—1282. Cambridge. 1959, p. 264.
30. FAILLER A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymère. — Revue des études byzantines. 39 (1981), p. 222.
31. La version brève des relations historiques de Georges Pachymères. Edition du texte grec et commentaire A. Failler. Vol.1. Paris. 2001, p. 149. 6—9.
32. NICEPHORI GREGORAE. Op. cit., p. 129. 12—22.
33. NICOL D. Last Centuries of Byzantium, 1261—1453. London. 1993, p. 55.
34. NICEPHORI GREGORAE. Op. cit., p. 130. 4—5.
35. Prosopographisches lexikon der palaiologenzeit, № 27167.
36. Гражданская война (1321—1328) между Андроником II Палеологом (1282—1328) и его внуком Андроником III (1328—1341), в результате которой старший Андроник вынужден был отречься от престола и уйти в монастырь.
37. NICEPHORI GREGORAE. Op. cit., p. 498.20—22.
38. WEISS G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden. 1969, S. 23—25.
39. NICEPHORI GREGORAE. Op. cit., p. 298. 7, 296.15—16.
40. IOANNIS CANTACUZENI. Eximperatoris historiarum libri IV. Cura L. Schopeni. Bonnae. 1828, vol. 1, p. 329. 7—9, 329. 10—13.
41. NICEPHORI GREGORAE. Op. cit., p. 432.24—433.1.
42. Ibid., p. 489.3, 489.10—13, 500.16—501.7.
43. Иоанн V пытался получить от венецианцев деньги в обмен на передачу им о. Тенедос и даже взял задаток, но Андроник отказался передавать остров и не пожелал собирать средства на покрытие отцовских долгов. Иоанн фактически оказался в Венеции пленником своих долгов. См.: LOENERTZ R.-J. Jean V Paléologue à Venise (1370—1371). — Revue des études byzantines 16 (1958), p. 217—230.
44. DÖLGER F. Zum Aufstand des Andronikos IV gegen seinen Vater Joannes V im Mai 1373. — Revue des études byzantines 19 (1961), p. 329—330.
45. MICHAELIS DUCAE. Nepotism. Historia byzantine. Rec. I. Bekker. Bonnae. 1834, p. 44.22—45.1. См.: LOENERTZ R. La première insurrection d'Andronic IV Paéologue, 1373. Échos d'Orient 38 (1939), p. 342—345; РАДИЧЪ · П. Време Ювана V Палеолога (1332—1391). Београд. 1993, с. 305—314, 350—354, 387—403.
46. Андроник не потерял способность видеть и его зрение постепенно восстановилось: LAONICI CHALCOCONDYLAE ATHENIENSIS. Historiarum libri decem. Rec. I. Bekker-Bonnae. 1843, p. 60.21—61.1. По одной версии, Андронику удалось вернуть зрение после побега в Галату при помощи генуэзцев. CHARANIS P. The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370—1402. Byzantion 16 (1942—1943), p. 293, по другой, его жена, навещавшая его в тюрьме и приносившая лекарства, помогла ему избежать потери зрения. КЛАВИХО РУИ ГОНСАЛЕС де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406). М. 1990, с. 44.
47. КЛАВИХО РУИ ГОНСАЛЕС де. Ук. соч., с. 44.
48. SCHREINER P. Die byzantinischen Kleinchroniken (Chronica Byzantina Breviora). Wien. 1975, vol. 1, chr. 9/31. Дука ошибочно полагает, что Андроник с семьей бежали из Анемы. MICHAELIS DUCAE. Op. cit., p. 45. 1—3. См.: BARKER J.W. Op. cit., p. 24—25.
49. SCHREINER P. Op. cit., chr. 7/17, 22/17.
50. КЛАВИХО РУИ ГОНСАЛЕС де. Ук. соч., с. 45.
51. MICHAELIS DUCAE. Op. cit., p. 45. 5—14.
52. MANUEL II PALAEOLOGUS. Funeral Oration on his brother Theodore. Thessalonike. 1985, p. 101.1—10.
53. BARKER J.W. Op. cit., p. 29.
54. MANUEL II PALAEOLOGUS. Op. cit., p. 103. 9—10.
55. DEMETRIUS CYDONES. Correspondance. Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano. 1960, vol. 2, ep. 167. 38—40.

56. LAONICI CHALCOCONDYLAE ATHENIENSIS. Op. cit., p. 63. 2—4.
57. MANUEL II PALAEOLOGUS. Op. cit., p. 107. 20.
58. Ibid., p. 105. 5—10.
59. BARKER J.W. Op. cit., App. XXIII. Manuel's Letter-Discourse to Alexius Iagoup, p. 530. 60—70.
60. Vita Caroli Zeni. Rerum italicarum scriptores, XIX, 6. Ed. L.A.Muratori. Re-ed. G.Zonta. Bologna. 1940, p. 13—14. См: DÖLGER F. Johannes VII., Kaiser der Rhomaer 1390—1408. Byzantinische Zeitschrift 31 (1931), S. 25, Anm. 1; BARKER J. W. Op.cit., p. 458.
61. Vita Caroli Zeni, p. 13. 7—10.
62. Достичь Анемы по воде невозможно, поскольку башня стоит на отдалении от Золотого Порта.
63. Vita Caroli Zeni, p. 13.15—35, 13.36—37, 13.38—40, p. 14.1—6.
64. SCHREINER P. Op. cit., chr. 7/19.
65. MICHAELIS DUCAE. Op. cit., p. 45. 14—19. Скутари — предместье Константинополя, которое находилось на противоположном от столицы берегу Босфора.
66. LAONICI CHALCOCONDYLAE ATHENIENSIS. Op. cit., p. 63.4—8.
67. GEORGIUS PHRANTZES, IOANNES CANANUS, IOANNES ANAGNOSTES. Reg. I. Bekker. Bonnae. 1838, p. 55. 16—17.
68. Лабиринт — дворец царя Миноса, построенный Дедалом, где обитал Минотавр, пожиравший преступников.
69. Кеада — глубокое ущелье в горах к западу от Спарты, куда в античности сбрасывали преступников.
70. Баратр — пропасть, в которую бросали осужденных на смерть в Афинах.
71. DEMETRIUS CYDONES. Op. cit., ep. 222. 86—91.
72. BARKER J.W. Op. cit., App. XXIII. Manuel's Letter-Discourse to Alexius Iagoup, p. 529. 75—76.
73. SCHREINER P. Op. cit., chr. 22/20. См.: OSTROGORSKY G. Geschichte des byzantinischen Staates. Munich. 1963, S. 483. Русский перевод: ОСТРОГОРСКИЙ Г. История византийского государства. М. 2011, с. 651.
74. КЛАВИХО РУИ ГОНСАЛЕС де. Ук. соч., с. 45.
75. JANIN R. Op. cit., p. 169.
76. MILLINGEN VAN A. Op.cit., p. 142—153; BARKER J.W. Op. cit., p. 457, 545.

Англо-русский правительственный комитет в 1914—1917 гг.

А.А. Шевель

В первое десятилетие XX в. крупнейшие мировые державы, разделившиеся на два крупных военно-политических блока, активно готовились к войне. Мирные варианты решения спорных вопросов выглядели малоэффективными в глазах правительств этих стран, каждый из периодически происходивших международных кризисов мог привести к началу войны. При этом враждующие стороны были уверены в ее скоротечном характере. Как страны Антанты, так и страны Тройственного союза не стремились к созданию стратегических запасов вооружения и боеприпасов, рассчитывая быстро сокрушить своих противников.

К началу конфликта, пожалуй, наименее подготовленной к войне была Российская империя. Программы перевооружения армии и флота были дорогостоящим мероприятием, окончание которых, при должном уровне финансирования, планировалось лишь к 1917 году. Военная промышленность в стране была развита слабо, в значительной степени зависела от поставок оборудования и высокотехнологичных деталей из-за границы. В условиях войны Россия оказалась отрезанной от своих союзников по Антанте, а после перехода Турции на сторону Германии основным портом, через который можно было доставлять вооружение и боеприпасы, стал замерзающий зимой Архангельск. По-настоящему критической ситуация для России стала весной-летом 1915 г., когда нехватка вооружения и боеприпасов привела к череде непрерывных поражений армии. Российское правительство активизировало свою деятельность в попытках добиться помощи от союзников. В Англии, Франции и США были созданы комитеты, основной задачей которых стала закупка вооружения, боеприпасов и ценных ресурсов. Одним из крупнейших стал подобный комитет в Великобритании.

Шевель Александр Алексеевич — аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Англо-русский комитет в Лондоне начал свою работу уже в сентябре 1914 года. Инициатором его создания выступил министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей, предложивший создать структуру на подобие уже существовавших англо-французского и англо-бельгийского комитетов. Председателем англо-русского комитета стал великий князь Михаил Михайлович. После заключения маргинального брака он оказался в опале и продолжительное время жил за границей. Стремясь хоть как-то вернуть расположение императора, Михаил Михайлович просил о принятии его на службу. В итоге просьба была удовлетворена, и великий князь получил возможность вести закупки необходимых России товаров в Великобритании.

Комитет имел статус международной организации, в его составе работали как русские, так и английские специалисты. Российская сторона направила туда представителей трех министерств — военного, морского, торговли и промышленности. На деятельности комитета отразилось общее настроение, царившее в русском обществе. Убежденность в скором окончании войны способствовала неторопливости работы комитета при решении поставленных задач. Однако с постепенным осознанием того, что война может затянуться, встал вопрос о реформировании комитета и активизации его деятельности по закупкам в Англии. Представители министерств делали заказы самостоятельно, председатель комитета принимал участие в закупках только в крайних случаях. Бюрократические проволочки и неспешность в работе в итоге вызвали гнев Государственной Думы, в лице ее председателя Родзянко. В своей речи он назвал деятельность комитета «не только недостаточной, но и в некоторых случаях явно противоречащей интересам казны и делу снабжения армии». Из выявленных недостатков наибольшее недовольство вызвала задержка поставки оружейных станков для Ижевского завода на Петроградской таможне из-за «несвоевременной оплаты причитающейся пошлины», но заседание Совета министров, состоявшееся 20 августа 1915 г. сочло на тот момент нежелательным вносить какие-либо изменения в деятельность комитета «по соображениям дипломатического свойства»¹.

Сильное беспокойство российского правительства вызывала передача фирме «Мартенс и К^о» монопольных прав на морские перевозки из Англии и других стран приобретенных товаров. Военное министерство, узнав об этом соглашении, сразу же стало интересоваться допущенными англичанами нарушениями договора с целью расторжения контракта². В англо-русский комитет и русский МИД были отправлены запросы, в которых уточнялось, имел ли Рутковский, подписавший договор с русской стороны, полномочия заключать подобное соглашение. Опасения военного ведомства были понятны, так как срыв поставок из Англии мог серьезным образом отразиться на положении дел в армии. Военное руководство опасалось также завышения стоимости перевозок подрядчиком в случае отсутствия конкуренции со стороны других фирм. Ответ посла России в Лондоне графа Александра Константиновича Бенкендорфа внес ясность в сложившееся положение дел. Соглашение с фирмой «Мартенс и К^о» не предоставляло монопольных прав англичанам, контракт мог быть свободно расторгнут в случае несоблюдения одной из сторон взятых на себя обязательств. Практика передачи государством

прав на перевозку не была каким-то уникальным событием, так приобретением товаров и их доставкой для англичан занималась крупная банковская группа «Дж. П. Морган и К^о». Помимо разветвленной банковской сети в США, Англии и Франции «Дж. П. Морган и К^о» принадлежало большое количество заводов, в том числе и военных. Используя свою финансовую мощь и влияние, представители Морган добивались заключения очень выгодных контрактов. Российское правительство, видимо, решило воспользоваться опытом своего союзника и утвердило соглашение, заключенное с «Мартенс и К^о».

Среди недостатков в работе комитета также отмечалось заключение «ничем не обеспеченных контрактов» на поставку пулеметов, «потерю из секретного шкафа важных документов» и «отсутствие порядка в ведении отчетности»³. Однако, достоверность этих сведений оказалась весьма сомнительной. Указанные недостатки в деятельности комитета выявил господин Бэр, контракт на поставку вооружения с которым был отклонен военным министерством. Не получив заказов, Бэр видимо решил указать на совершенную министерством ошибку, скомпрометировав как своих конкурентов, так и представителей комитета в Лондоне. В дальнейшем эти факты не нашли подтверждения.

Учтя все недостатки в деятельности комитета, Совет министров принял решение внести изменения в его деятельность, проведя реорганизацию. В Особое совещание по обороне государства было направлено положение о деятельности русского правительственного комитета в Лондоне, которое было одобрено с незначительными изменениями. Согласно этим изменениям, помимо заключения договоров от имени русского правительства, оформления заказов и покупок представители комитета обязаны были представлять заключение о солидности иностранных фирм, которым предполагалось передать военные заказы. Состав комитета был расширен за счет представителей Министерства финансов и государственного контроля. В Лондон были направлены военные специалисты. Основные издержки по приобретению вооружения в Великобритании и Америке брало на себя английское Министерство финансов, которое предоставляло России займы. Финансовые отношения между союзниками регулировались специальным соглашением, подписанным 17 сентября 1915 года. Согласно его условиям, российская сторона ограничивалась в приобретении вооружения исключительно английским рынком. Ввиду загруженности английской военной промышленности заказами, российское правительство могло покупать вооружение и боеприпасы в США и Канаде, а также в Японии, но сумма контракта не должна была превышать 6 млн фунтов стерлингов. Заказы во Франции на английские деньги условиями соглашения полностью исключались. Контракты, заключаемые русским правительством на английские кредиты, должны были согласовываться с английским представителем в комитете⁴. Указанное условие изначально представлялось невыполнимым. Объемы заказов постоянно увеличивались, а английская «опека» доставляла дополнительные трудности как российскому, так и английскому правительству. Для покупки вооружения или боеприпасов необходимо было получить одобрение генерал-майора Гермониуса⁵.

Кем же был генерал-майор Эдуард Карлович Гермониус? До распорядка особого совещания по обороне, подписанного помощни-

ком военного министра Александром Сергеевичем Лукомским, его имя иногда встречалось в делах по приемке вооружения или оборудования англо-русским комитетом. Гермониус и ряд других высших офицеров были командированы в Лондон для того, чтобы способствовать активизации деятельности правительственного комитета. Эдуард Карлович долгое время руководил мастерскими на Ижевском и Самарском оружейных заводах, ездил в Японию для приемки изготовленного там для русской армии вооружения ⁶. Уже через месяц после прибытия Гермониус стал уполномоченным представителем в Лондоне по заграничным заказам. Самое удивительное состоит в том, что назначению Гермониуса на пост способствовал английский министр финансов Маккенна ⁷. Его «пожелание» было высказано Барку во время ведения переговоров по предоставлению кредитов — вероятно, это были переговоры о займах, завершившиеся подписанием соглашения 17 сентября. По всей видимости, Гермониус произвел на английского министра сильное впечатление своей деловой хваткой. В дальнейшем именно к мнению Гермониуса англичане будут прислушиваться при возникновении спорных ситуаций. В качестве своего помощника Гермониус попросил назначить прибывшего с ним генерала Георгия Ивановича Тимченко-Рубана, который также занимался военно-техническими проблемами. Решение финансовых вопросов в обновленном комитете относилось к компетенции Рутковского. Для проведения совещаний с Гермониусом английской стороной в комитет был направлен генерал Эллершоу. Гермониусу необходимо было наладить контакт с другими организациями, действовавшими в Лондоне — комитетом Китченера и Международной организацией по снабжению.

Состоявшееся назначение поднимало вопрос о судьбе великого князя Михаила Михайловича, статус которого в новом комитете не был определен. Граф Бенкендорф в телеграмме, направленной в Особое совещание по обороне государства указал на «особое рвение», проявленное великим князем Михаилом Михайловичем на посту председателя комитета. Лукомский попросил довести до Министерства иностранных дел информацию о том, что было решено создать в Лондоне новый комитет, не имевший никакого отношения к старой организации и прежнему руководству. Казалось бы, товарищ военного министра внес ясность в возникший вопрос, но Бенкендорф продолжал упорствовать. Он высказывал сомнения в возможности сохранения комитетом статуса международной организации, около недели не информируя Форин Офис о произошедших изменениях в руководстве, но в итоге сдался, заявив, что не знал о назначении Гермониуса. На этом, однако, история с великим князем Михаилом Михайловичем не закончилась. Великий князь обратился к Николаю II с просьбой сохранить за ним пост председателя русского правительственного комитета в Лондоне. Это прошение было утверждено императором, о чем сообщили Бенкендорфу. Посол в Лондоне в итоге имел на руках два взаимоисключающих решения и был сбит с толку. Вместе с тем, через министра иностранных дел Бенкендорф был проинформирован, что великий князь Михаил Михайлович назначен «исключительно почетным председателем правительственного комитета». Резолюция царя на телеграмме дала понять, что принятое решение окончательно ⁸.

Определившись с составом и руководством, обновленный комитет начал свою работу в декабре 1915 года. Перед ним стояла задача наладить поставки вооружения и военных припасов из Великобритании. Стоит отметить, что заключение контрактов с английскими фирмами отнюдь не гарантировало его исполнения. Причиной тому служило негласное правило, существовавшее в английской промышленности. Поступавшие заказы из английской армии получали статус приоритетных для исполнения, иностранные контракты рассматривались как второстепенные и исполнялись с серьезной задержкой⁹. Учитывая тот факт, что в 1915 г. в Англии проходили подготовку около миллиона резервистов, а английская военная промышленность «начинала только разворачиваться»¹⁰ для их обеспечения, возможность крупных заказов на «туманном Альбионе» была ничтожно мала. Именно поэтому ключевую роль в закупках играли североамериканские рынки, готовые принять крупные военные заказы. Считалось, что американские фирмы способны выполнить любой заказ и сделать это качественно. Дальнейшие события показали, что и американцы и их заказчики даже отдаленно не представляли, с какими трудностями им предстоит столкнуться.

В США в августе 1915 г.¹¹ также был создан специальный комитет, занимавшийся закупками вооружения, боеприпасов, техники и ценных военных материалов. Закупки проводились на английские деньги, в то время как североамериканский комитет был неподконтролен англичанам. Доля российского финансирования в американских заказах была незначительной, попытки получить займы в США оказались безрезультатными, американские финансовые круги не доверяли России. «Отчасти, это недоверие объяснялось отрицательным отношением еврейских банкиров к направлению русской внутренней политики, и в частности, в отношении русского правительства к еврейскому вопросу в России»¹². Кроме того, США стремились сохранить нейтралитет, не предоставляя кредитов ни Антанте, ни Германии. Подписанные русским правительством с англичанами условия кредитования предусматривали предварительное согласование заказов с английским военным министерством. Видимо, этот факт сыграл немаловажную роль в произошедшем между русско-американским комитетом и британским правительством конфликте.

Причиной недовольства англичан стало самостоятельное оформление русской стороной заказов в США. Генерал Алексей Васильевич Сапожников, возглавивший американский комитет, не вызывал у англичан доверия. Нарекания к нему имелись и со стороны военного министерства, в которое поступали жалобы на медлительность и некомпетентность Сапожникова. В одном из обращений относительно размещения военного заказа автор просил провести переговоры в Петрограде, так как предложение обратиться в американский комитет «считается равносильным отказу»¹³. Накалили же обстановку затянувшиеся переговоры с представителями американских фирм, которые предлагали наладить производство столь необходимых России винтовок. Действительно, взаимодействие американского комитета и русского военного министерства вызывало массу вопросов. Чертежи винтовок для американских фирм были доставлены в США в единственном экземпляре, что не позволяло сразу же передать их произ-

водителям ¹⁴. Взаимодействие американских фирм с российскими инспекторами не было налажено на должном уровне, проверки произведенного вооружения и боеприпасов затягивались на несколько месяцев. Каждый шаг комитета требовал утверждения и согласования действий с Петроградом и Лондоном, замедляя его и без того неспешную работу.

Английский премьер-министр Асквит отправил телеграмму в русское военное министерство, в которой раскритиковал деятельность комитета в Америке. Сам текст телеграммы в архиве найти не удалось, но ответ, который был составлен для посла в России Бьюкена, дает возможность понять, в чем заключались претензии англичан. Преимущественно это разъяснение причин, почему не были своевременно урегулированы вопросы по контрактам на производство трехдюймовых снарядов. Представителями русско-американского комитета был заключен сомнительный контракт с Канадской компанией на поставку 5 млн снарядов ¹⁵. Этот контракт был использован для биржевых махинаций, сама компания находилась на грани банкротства и была не в состоянии выполнить заказ на снаряды. Обращает на себя внимание тот факт, что срок между отправкой чертежей в США и их передачей представителям американских фирм составил 21 день ¹⁶. Беспокоила англичан и работа русских приемщиков, которые зачастую не торопились с оценкой качества произведенного американцами вооружения или предъявляли к предоставляемым им образцам крайне высокие требования. Некоторые требования русских приемщиков просто шокировали американцев. Например, во время испытания американских винтовок системы «Винчестер» «представители фирмы признавались, что им не пришло бы в голову проверять работоспособность затвора, предварительно специально забивая его грязью» ¹⁷. Отсутствие одобрения моделей винтовок не позволяло запустить их в массовое производство. Из-за указанных недочетов в работе американского комитета под угрозой оказалось предоставление англичанами кредитов на покупку вооружения, что могло привести к срыву уже подписанных контрактов.

Оказавшись в столь сложном положении, российское правительство стало искать пути выхода из него. После беседы с Ллойд Джорджем, руководившим на тот момент Министерством вооружений, адмирал Русин телеграфировал в военное министерство, что англичане могут прекратить финансирование американских заказов. Необходимо было, чтобы «представитель Русского комитета в Лондоне, на которого совместно с представителями Британского военного министерства возложено окончательное решение всех вопросов по заказу... был бы в полной степени облечен правом решать все недоразумения по приему указанных выше изделий между заводчиками, которым он делает заказ, и приемщиками». До тех пор, пока возникшие разногласия не будут решены, английское правительство приняло решение временно прекратить финансирование американских заказов. Позицию английского Министерства финансов разъяснял Гермониус в своей телеграмме: «Доношу для сведения, что по сообщению Рутковского, ведающего кредитами, промедление в платежах вызывается сомнением в отношении коммерческой умелости генерала Сапожникова со стороны Английского казначейства в виду

высоких цен заказов, а в некоторых случаях и ненадежности фирм»¹⁸. Комитет в США оказался без средств для нормального функционирования. В телеграмме от 12 ноября 1915 г. Сапожников сообщал «о критическом положении наших заказов в Америке за не предоставлением в течение более чем месяца каких-либо сумм американскому комитету»¹⁹. Столь плачевная ситуация объяснялась не только недостатками в работе американского комитета, но и непоследовательной финансовой политикой российского правительства. Министерство финансов выделяло на заключаемые контракты не всю требуемую сумму, а только ее часть. Сапожников для расчета с фирмами вынужден был брать деньги из других заказов, что вносило путаницу в отчеты по закупкам²⁰. Попытки Сапожникова решить возникшие финансовые трудности с помощью займа в США, без ведома российского Совета министров, вызвали сильное недовольство в военном министерстве. Ввиду исключительного доверия англичан к генерал-майору Гермониусу было принято решение отправить его в США для решения возникших противоречий.

28 ноября 1915 г. Гермониус и Эллершоу отправились в Нью-Йорк для ознакомления с деятельностью американского комитета. На время их отсутствия руководителем английского комитета был назначен Рубан. Цель отправки в США Эллершоу стала ясна после запроса Бьюкенена в военное министерство. Английский посол в России просил включить в состав американского комитета английского специалиста, которым, по мнению Грея, должен был стать Эллершоу. Военное министерство, учитывая затруднения с оплатой подписанных контрактов, пошло на уступки без долгих раздумий. Заключение всех контрактов в США оказалось под контролем англичан. При этом часть уже подписанных соглашений была пересмотрена из-за завышения стоимости товаров, либо ненадлежащего исполнения фирмами взятых на себя обязательств. По ряду соглашений английским Министерством финансов была занята весьма жесткая позиция, от них требовали отказаться в виду «безответственности» американских фирм, взявшихся за их исполнение. Контракты с этими фирмами, заключенные Сапожниковым, были объявлены «странными и мало законными»²¹. Доставкой в Россию приобретенного вооружения и боеприпасов стала заниматься уже указанная выше фирма «Дж. П. Морган К^о», причем ее полномочия не ограничивались только транспортировкой, она, по сути, получала роль посредника между русским военным министерством и американскими фирмами. Принятие решений о заключении контрактов в Америке оказалось в полном ведении английского правительства, а американский комитет фактически оказался в подчинении у английского. Сапожников стал «жертвой» американских промышленников и был смещен с поста председателя русско-американского комитета. На эту должность в апреле 1916 г. был назначен генерал-майор Николай Михайлович Храбров, но фактическим его руководителем стал Эллершоу. Деятельность Эллершоу способствовала снятию напряженности между английским правительством и русско-американским комитетом. В Нью-Йорке была создана англо-русская согласительная комиссия, которая могла принимать решения без согласования с Лондоном. Однако вскоре после назначения Эллершоу был отозван Китченером

в Лондон, указанная комиссия потеряла свое значение, принятие решений опять стало затягиваться.

Миссия Эллершоу в США оказала благотворное влияние на осознание англичанами недобросовестности американских фирм, сваливавших всю вину за медленное исполнение заказов на русско-американский комитет. Медлительность в работе комитета вызывалась бюрократическими проволочками по согласованию контрактов в Петрограде и Лондоне. Для решения возникших трудностей нужно было создать структуру, способную решать вопросы на месте, включив в ее состав представителей русского и английского правительств. Реализацией этой идеи стало создание в США англо-русской подкомиссии, в которую входило двое русских и двое англичан. Приниматься решения в подкомиссии должны были единогласно, в ее компетенцию входили вопросы, которые затрагивали финансовые интересы Британского правительства ²². Создание подкомиссии способствовало ускорению работы русско-американского комитета, решения по контрактам стали приниматься на месте, без длительных согласований с Лондоном и Петроградом.

Таким образом, английское правительство, подписав финансовые соглашения с Россией, стремилось активно участвовать в заключении контрактов на американском рынке. Англичане объясняли свою позицию желанием «уменьшить убытки» русской казны ²³, однако, на наш взгляд, это было стремление контролировать заключаемые русским правительством контракты в Америке. Сапожников действительно не относился к числу предприимчивых и активных руководителей, но допущенные им издержки, так или иначе, оплачивались за счет русской казны. Недобросовестностью отличались и американские фирмы, стремившиеся свалить всю вину на русских приемщиков вооружения и их непосредственное руководство. Так фирма «Ремингтон», занимавшаяся производством винтовок, получила крупные заказы от российских и американских правительств. Дата исполнения заказа ею постоянно переносилась ввиду возникавших затруднений. Прождав полтора года, англичане отказались от своего заказа, передав его русской стороне ²⁴. Используя финансовое давление, англичане добились своей цели, решение всех вопросов по контрактам осуществлялось в Лондоне либо с участием английского наблюдателя. Все русские заказы, размещенные в США, стали оплачиваться английским Министерством финансов. Русский добровольческий флот был реквизирован англичанами, став частью их торгового флота на время ведения войны. Американский комитет стал, по сути, филиалом англо-русского комитета в Лондоне.

Деятельность англо-русского комитета в 1916 г. была направлена на решение основных проблем с вооружением и боеприпасами, вставшими перед русской армией. Прежде всего, предстояло определиться с винтовками и тяжелой артиллерией. Помимо больших заказов в США, комитет смог найти производителей и на территории Англии. По сведениям английского правительства, к 7 мая 1916 г. в Россию через Архангельск и Мурманск было поставлено 637 953 винтовок и 76 929 970 патронов к ним ²⁵. Из Англии в Россию доставлялись винтовки «Арисака», которые по своему качеству мало чем уступали знаменитой трехлинейной винтовке Мосина. В английской армии ак-

тивными темпами шло перевооружение, поэтому винтовки «Арисака» были заменены на новые ружья Ли-Энфилд. Именно поэтому оказавшиеся «ненужными» японские винтовки передавались России. Во время «ружейного голода», который испытала русская армия в 1915 г., это были, пожалуй, лучшие винтовки, отправленные в Россию союзниками. Разместить военные заказы на крупнейших военных заводах, как уже отмечалось выше, русскому правительству было не просто. Английское правительство с большей благосклонностью относилось к размещению русских заказов на недавно организованных заводах. Однако эти заводы значительно уступали крупным компаниям, таким как «Виккерс», в подготовке кадров и скорости выполнения заказов. Артиллерия, поставляемая в Россию из Англии, была преимущественно устаревшего образца. Новые орудия шли на вооружение английской армии, поэтому контракты на приобретение новой артиллерии размещались в Канаде.

Помимо английских поставок, англо-русский комитет занимался доставкой в северные порты американских военных материалов. Порт Владивостока не мог справиться с объемами американского и японского вооружения, что объясняется слабым развитием железнодорожной сети. В районе Челябинска образовалось большое скопление эшелонов с оружием²⁶, в котором так нуждались войска. Именно поэтому вооружение переправлялось сначала в Лондон, а затем в Архангельск и Мурманск. Выбранный способ поставки также вызывает множество вопросов, связанных, прежде всего, с климатическими условиями и организацией перевозки доставляемого вооружения и боеприпасов. Серьезным препятствием для регулярных поставок был тот факт, что Архангельский порт зимой был скован льдом и мог начать принимать грузы только в мае. Доставка грузов осуществлялась в течение полугода, после чего порт вновь замерзал до следующего судоходного сезона. В более выгодном положении находился Мурманск, но к нему не была достроена железная дорога. Гужевой транспорт оставался единственной альтернативой, так как автомобильные заказы в США находились на стадии согласования. Портовые сооружения не были готовы к приему и хранению грузов, к весне 1916 г. северные порты были завалены доставленным вооружением и боеприпасами²⁷. Бьюкенен вынужден был лично обратиться к Николаю II с просьбой ускорить строительство железной дороги²⁸. Несмотря на то, что эта беседа произошла еще в 1915 г., железная дорога до Мурманска была построена лишь в конце 1916 года. Такое плачевное положение дел объясняется ключевой ролью черноморских и балтийских портов в довоенное время, именно на их долю приходился основной объем в международной торговле. Немецкий флот оказался блокированным в Балтийском море, одновременно препятствуя входу туда судов Антанты. Со вступлением в войну Турции, черноморские проливы оказались под немецким контролем. Северные порты стали ключевыми для поставок союзников, но их неподготовленность оказалась серьезным просчетом российского правительства.

Организацией перевозки товаров из Англии занималась фирма «Мартенс и К^о», однако основные трудности вызывала доставка вооружения из США. Для организации перевозок российское правитель-

ство создало добровольческий флот, включив в него все доступные суда. Общий объем тоннажа добровольческого флота в середине 1915 г. составлял 116 тыс. т, что не позволяло организовать своевременную транспортировку грузов из США. Русское правительство обратилось к английскому с просьбой предоставить в его распоряжение суда для организации перевозок из США. Ответ англичан сводился к следующему утверждению: «либо мы берем все перевозки под свой контроль, либо не вмешиваемся в это дело вообще»²⁹. Учитывая, что других вариантов для организации поставок из Америки (речь идет не только о США, но и о Канаде) не было, договор между Англией и Россией был подписан 9 мая 1916 г. на английских условиях. Добровольческий флот переходил под контроль английского правительства, правда, с сохранением экипажей, руководящих структур, ведением делопроизводства на русском языке³⁰. Русский торговый флот оставался под контролем англичан до завершения войны.

Объемы английских поставок постепенно увеличивались, что объясняется, прежде всего, стремлением союзников сделать восточный фронт основным театром военных действий в 1917 году. Впервые об этом заявил военный министр лорд Китченер, но его смерть в июле 1916 г. помешала реализации данных планов. После смены правительства в Англии со схожей идеей выступил премьер-министр Ллойд Джордж. Он считал, что усиление помощи России скорее приведет к победе над Германией, чем попытки прорыва союзниками Западного фронта³¹. Большинство заказов, размещенных на заводах Англии и США, должны были быть выполнены в марте-июле 1917 года. К этому времени русская армия рассчитывала получить большое количество новейшего вооружения и боеприпасов. Однако осуществиться этим планам было не суждено — в России началась Февральская революция. Временное правительство не получило серьезной поддержки со стороны англичан, финансирование англо-русского комитета в Лондоне стало постепенно сворачиваться, что привело к его упразднению.

Таким образом, история работы англо-русского правительственного комитета в Лондоне наглядно показывает взаимодействие между двумя союзниками в годы войны. Английская сторона стремилась доминировать в этом союзе, чувствуя свое финансовое преимущество. Это проявилось в подчинении американского комитета английскому, переходе добровольческого флота под контроль англичан, решении всех важных вопросов в Лондоне. Англо-русский комитет занимался не только размещением военных и промышленных заказов, но и вопросами транспортировки товаров в Россию. Ключевую роль в поставках играла английская фирма «Мартенс и К^о», которая доставляла грузы из Англии. Торговый дом «Дж. П. Морган» занимался поставками в Россию товаров из США и Канады, а также вел переговоры с фирмами о заключении сделок. Увеличению объемов поставок из Англии препятствовали трудности с приемкой товаров в России, а также стремление англичан в первую очередь обеспечить всем необходимым свою армию. Координация действий союзников в 1916 г. привела к решению увеличить объем поставок в Россию.

Работа комитета показала, что взаимоотношения между союзниками были весьма плодотворными. С помощью комитета удалось ре-

шить проблему стрелкового оружия и боеприпасов, наладить поставки в Россию военной техники и станков. Помощь союзников способствовала развитию технического оснащения армии. Руководитель комитета Гермониус пользовался доверием англичан, которые ценили его деловые качества. Тем не менее, Россия оставалась для Англии своеобразным «младшим братом». Иногда опека со стороны союзника была слишком навязчивой. Наличие единой цели — победы над Германией — на время объединило два столь разных народа, на протяжении столетия являвшихся заклятыми врагами.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 369, оп. 19, д. 1, л. 3, 10, 22.
2. Там же, л. 25.
3. Там же, л. 14.
4. Там же, л. 63, 64об.
5. Там же, л. 42.
6. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4018>.
7. РГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 2, л. 20.
8. Там же, л. 5, 66.
9. Там же, д. 12, л. 2.
10. ЕМЕЦ В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М. 1977, с. 198.
11. РГВИА, ф. 369, оп. 18, д. 3, л. 1.
12. Там же, д. 157, л. 46.
13. Там же, д. 3, л. 293.
14. Там же, л. 237.
15. Там же, д. 157, л. 24.
16. Там же, д. 3, л. 245.
17. ФЕДОСЕЕВ С.Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М. 2009, с. 50.
18. РГВИА, ф. 369, оп. 18, д. 3, л. 253, 324.
19. Там же, л. 259.
20. Там же, д. 157, л. 63.
21. Там же, д. 3, л. 330, 342.
22. Там же, д. 157, л. 105.
23. Там же, д. 3, л. 324.
24. Там же, д. 16, л. 126—133.
25. Там же, л. 15.
26. БЕРТИ. За кулисами Антанты. Дневники британского посла в Париже 1914—1919. М.—Л. 1927, с. 110.
27. ЕМЕЦ В.А. Ук. соч., с. 203.
28. БЬЮКЕНЕН ДЖ. Мемуары дипломата. М. 1991, с. 163.
29. РГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 4, л. 1об., 4об.
30. Там же, оп. 18, д. 157, л. 105.
31. ЕМЕЦ В.А. Ук. соч., с. 323.

Военно-морское сотрудничество России и Франции после Крымской войны

Е.Н. Рукавишников

В середине XIX в. обострение международных противоречий привело к началу Крымской войны 1853—1856 годов. Ошибки отечественной дипломатии вызвали политическую изоляцию Российской империи и необходимость в одиночестве противостоять коалиции четырех государств. Одним из наиболее активных противников стала Франция. В 1854—1855 гг. на Балтийском море совместно с английскими кораблями действовали французские эскадры адмиралов А.Ф. Парсеваля-Дешена и Ш. Пено, в составе которых насчитывалось от 16 до 20 кораблей различных классов¹. Прибытие в июле 1854 г. на Балтику 6 тыс. солдат французского десантного корпуса генерала Л.А. Барагэ д'Илье явилось решающим фактором при захвате противником Аландских островов². Французские корабли участвовали в крейсерстве по Белому морю и в штурме Петропавловска в Авачинской бухте Тихого океана. Войска, осаждавшие Севастополь в 1854—1855 гг., в большинстве своем состояли из французских подразделений. Именно они и несли значительные потери. 27 августа 1854 г. французские генералы Ж.-Ж. Пелисье, П.Ф.Ж. Боске и П.М. Мак-Магон руководили штурмом Малахова кургана, захват которого явился одной из главных причин падения Севастополя³. Не случайно местом проведения мирных переговоров стала столица Франции, а ее император — одной из самых влиятельных фигур при обсуждении условий прекращения войны.

Поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. явилось для России ярким подтверждением необходимости проведения политических, социально-экономических и военных реформ. Выполнение этой важной государственной задачи было возможно только при благоприятных внешнеполитических условиях.

В 1856 г. отечественный МИД возглавил А.М. Горчаков, который сформулировал основные принципы дипломатии России на

Рукавишников Евгений Николаевич — доктор военных наук, профессор филиала Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия». Калининград.

ближайшее будущее: временный отказ от активного вмешательства в европейские дела; обеспечение возможности сосредоточения усилий государства на устранении ущерба, причиненного войной; свобода выбора союзников и приоритет собственных национальных интересов ⁴.

Важнейшей задачей, определившей внешнеполитический курс России, являлось преодоление политической изоляции, в которой оказалась империя Николая I накануне Крымской войны. В 1856 г., анализируя ситуацию в Европе, Горчаков в отчете подчиненного ему ведомства отмечал, что Великобритания, Австрия и Пруссия не могут рассматриваться в качестве надежных партнеров. Потенциальным союзником России могла выступить только Франция. Изменения в российско-французских отношениях проявились еще до подписания Парижского трактата. 11 февраля 1856 г. глава российской делегации на международной конференции, подводившей итоги войны, граф А.Ф. Орлов был принят Наполеоном III. После завершения официальной части российский дипломат удостоился конфиденциальной беседы с императором Франции. Вскоре Орлов написал Александру II о том, что он встретил блестящий прием не только со стороны Наполеона III, но и всех французов. Их желание сблизиться с Россией, несмотря на существовавшие обстоятельства, превзошло все ожидания ⁵.

Точками соприкосновения российских и французских интересов оказались Северная Италия, Балканы и Ближний Восток. Однако Горчаков потребовал от российского посла в Париже П.Д. Киселёва воздержаться от конкретных обещаний Наполеону III. Помощь России должна была соответствовать позиции Франции в отношении российских интересов, и прежде всего, пересмотра некоторых статей Парижского трактата 1856 г., который подвел итоги Крымской войны ⁶.

Российский МИД готовил дипломатическую комбинацию, которая позволяла использовать планы Наполеона III относительно Северной Италии для развития франко-российских связей и прорыва политической изоляции Российской империи. В мае 1856 г. российский дипломат Э.Г. Штакельберг сообщал в Петербург о том, что Сардинское королевство, претендующее на лидерство в объединении итальянских земель, также как и Франция, возлагает большие надежды на помощь России ⁷.

Колониальная политика Франции на Ближнем Востоке после Крымской войны неуклонно вела к обострению англо-французских противоречий. Стремление Наполеона III закрепить французское влияние в Сирии и Египте требовало надежного союзника, которым могла стать Россия.

В конце 50-х гг. XIX в. вновь обострилась ситуация на Балканах, где Черногория добивалась национальной независимости. Вооруженный конфликт, сопровождавшийся временными победами черногорцев над турецкими войсками, необходимо было урегулировать путем переговоров с участием европейских держав. При этом князь Данило ориентировался на помощь Франции, а председатель черногорского сената Д.П. Негош — на содействие России ⁸.

Таким образом, в конце 50-х гг. XIX в. международная обстановка в очередной раз потребовала от российской дипломатии сфокусировать свои усилия на Средиземноморском регионе. Геостратегическое положение России выдвинуло отечественный военно-морской

флот на роль одного из главных средств обеспечения национальных интересов России в сложный для нашего государства период. Военное присутствие на Средиземном море могло наглядно продемонстрировать друзьям и врагам России ее реальные возможности и соответствие статусу великой державы.

В годы Крымской войны 1853—1856 гг. проявилась техническая отсталость российского флота, состоявшего, в основном, из парусных кораблей. Эскадры Великобритании и Франции на Балтийском и Черном морях имели в своем составе значительное количество новейших паровых кораблей с винтовым двигателем. Это позволило противнику завоевать господство на море. Действия российского ВМФ ограничивались обороной побережья и военно-морских баз. Кажущаяся пассивность отечественного флота и ликвидация военно-морского потенциала России на Черном море по условиям мирного договора 1856 г. широко комментировались западной прессой. Среди европейской общественности настойчиво распространялся миф, представлявший Россию поверженным колоссом на глиняных ногах. Это оказывало существенное влияние на международный авторитет России и ее роль в мировой политике. Необходимо было в кратчайший срок наглядно показать, что Россия способна отстаивать свои национальные интересы не только заявлениями дипломатов, но и практическими действиями. Военно-морское сотрудничество являлось демонстрацией внешнеполитического курса России и Франции, а также проверкой на деле устных обещаний и расплывчатых формулировок, содержащихся в документах МИД.

4 апреля 1856 г. в Париже состоялось последнее заседание участников конгресса, которые с февраля, находясь в столице Франции, подводили нелегкие для России итоги Крымской войны. В мае граф Орлов покинул Париж, а 9 июля 1856 г. управляющий Морским министерством приказал инспекторскому, комиссариатскому, кораблестроительному и артиллерийскому департаментам своего ведомства предоставить доклады с оценкой возможности подготовки к середине августа эскадры кораблей Балтийского флота для похода на Средиземное море⁹.

Несмотря на стремление руководства Морского министерства ускорить выход эскадры из Кронштадта, подготовка кораблей к длительному плаванию затягивалась. Инструкции контр-адмиралу Е.А. Беренсу, начальнику эскадры, неоднократно корректировались и вскоре расширились до 31 пункта. Большое внимание уделялось организации взаимодействия между моряками и российскими дипломатами. Посольствам в Копенгагене, Лондоне, Париже, Турине, Риме и Неаполе были подготовлены депеши МИД о предстоящем походе. Все они, кроме посла в Лондоне, должны были обеспечить при посещении портов соответствующего государства доброжелательное отношение местных властей к морякам, которое соответствовало бы дружественному отношению России к данному государству. Начальник эскадры и командиры кораблей по всем вопросам пополнения запасов должны были обращаться к российским консулам в портах захода. Инструкции требовали подробных донесений в Морское министерство по всем обстоятельствам плавания обычными телеграммами, передаваемыми международным телеграфом. Секретные сведения над-

лежало передавать через российские посольства. Эскадре было приказано, по возможности, избегать берегов Англии. Для захода рекомендовались французские порты Шербур и Брест.

В состав эскадры вошли 72-пушечный линейный корабль «Выборг» под командованием капитана 1 ранга М.И. Дюгамеля, 44-пушечные фрегаты «Полкан» и «Кастор» капитанов 2-го ранга Ф.О. Юшкова и И.П. Панафидина соответственно, 22-пушечный бриг «Филоктет» капитан-лейтенанта О.П. Пузино и 14-пушечный пароходо-фрегат «Олаф» под командованием капитана 1-го ранга А.Г. Веймарна. «Кастор» и «Филоктет» были парусными кораблями, построенными в начале 30-х гг. XIX в., и к началу похода безвозвратно устарели. Это подтвердилось во время плавания, когда их неоднократно брали на буксир при неблагоприятных ветрах или полном штиле. Три остальных корабля эскадры имели паровые машины, что уменьшало зависимость маневрирования от силы и направления ветра. Однако необходимо учитывать низкую надежность корабельных механизмов того времени и отсутствие у личного состава опыта их эксплуатации в условиях длительного похода. Именно эти обстоятельства вынуждали Дюгамеля неоднократно докладывать о неготовности своего корабля к походу, так как для укомплектования экипажа необходим был офицер корпуса инженер-механиков, требовалась поставка запасного гребного винта и установка вентиляторов для судовой машины.

Командование Морским министерством настаивало на ускорении завершения подготовки кораблей. 2 октября 1856 г. эскадра контр-адмирала Беренса покинула рейд Кронштадта, имея на борту 2462 моряка, которые должны были представлять в Западной Европе не только отечественный ВМФ, но и всю Российскую империю.

С какой же целью был спланирован и осуществлен поход эскадры Беренса? Многие исследователи, абстрагируясь от политической ситуации, считают, что плавание выполнялось исключительно с целью получения практического опыта длительных морских походов. Однако для чего понадобилось России затратить на эскадру Беренса 739 654 руб. 25 коп. в условиях жесткого дефицита денежных средств и режима их строгой экономии? Учебное плавание можно было организовать в Северном или Балтийском морях, закончив кампанию зимовкой на собственной базе. Это позволило бы использовать бюджет Морского министерства для строительства новейших паровых кораблей.

Александр II и Наполеон III были заинтересованы в наглядной демонстрации укрепления связей между двумя империями. Россия надеялась расколоть единый фронт своих противников по Крымской войне. Франция стремилась использовать альянс с Россией в интересах своей экспансии в Савойе и Ницце, которая неизбежно вела к войне против Австрии.

30 ноября 1856 г., преодолевая осенние штормы, эскадра контр-адмирала Беренса в составе линейного корабля и двух фрегатов прибыла во французский порт Шербур. Спустя два дня к ним присоединился отставший ранее бриг «Филоктет»¹⁰. 12 ноября в Париже Наполеон III назначил аудиенцию российскому послу Киселёву, который представил французскому императору военно-морского атташе генерал-адъ-

ютанта графа Е.В. Путятина. Наполеон III информировал представителей России о заходе в Шербур кораблей Беренса и повелении властям города удовлетворять все требования российских моряков¹¹.

Вскоре Беренс в донесении управляющему Морским министерством адмиралу Ф.П. Врангелю подтвердил усердие властей Шербура. Морской префект граф Гурдон проявлял особое внимание к нуждам российских моряков, все просьбы которых выполнялись незамедлительно. В связи с продолжавшимися штормами морской префект распорядился обеспечить безопасность стоянки российских кораблей. Беренсу было предложено осмотреть портовые сооружения Шербура, российским офицерам разрешалось беспрепятственно перемещаться по всей территории порта. 19 ноября руководство Морским министерством представило донесение Беренса императору Александру II, который выразил свое удовлетворение взаимопониманием российских и французских моряков.

На фрегате «Полкан» были выявлены серьезные повреждения руля, кормовой части корпуса корабля и дефекты в клапанах паровой машины. Портовые службы перешвартовали корабль в более удобное для ремонта место и незамедлительно приступили к устранению неисправностей. Оценивая результаты работы французских инженеров и рабочих верфи по ремонту российского фрегата «Полкан», Беренс писал в Петербург: «...все сделано так надежно, что нельзя и думать о каком-либо повреждении кормовой части в дальнейшем, быть может продолжительном, плавании. Если случится нашим судам иметь нужду в исправлении, то нельзя рекомендовать ничего лучше Шербурского порта... отличное производство работ, предупредительность всех лиц здешнего начальства дает ему преимущество перед всеми портами Канала...». О ремонте российского корабля во французском порту писали все газеты Шербура как о событии, о котором в недавнем прошлом никто не мог даже предположить.

В конце ноября 1856 г. посол Киселёв сообщал из Парижа Великому князю Константину Николаевичу о примерном обхождении российских моряков с жителями Шербура. Эти отношения успели снискать уважение всего населения города. В письме российского дипломата подчеркивалось взаимное расположение представителей двух великих народов в ходе первой мирной встречи некогда доблестно дерущихся врагов.

Выражение взаимных симпатий продолжалось до конца затянувшегося визита эскадры. 17 ноября морской префект Шербура пригласил контр-адмирала Беренса и командиров кораблей российской эскадры на торжественный обед, а вечером того же дня дал бал для всех офицеров. Позднее аналогичные торжества организовал начальник гарнизона. Еще одним мероприятием стали прием и бал, подготовленный морскими и армейскими офицерами Шербура для офицеров и гардемарин российских кораблей. Все эти события подробно комментировались газетами города в разделе «Местная хроника». Необыкновенное гостеприимство и приветливость французов обязывали Беренса организовать на корабле ответный торжественный обед, на который были приглашены представители гражданской и военной властей Шербура, руководство портом. Кроме того, начальник российской эскадры представил в Морское министерство список долж-

ностных лиц порта, отличившихся при ремонте кораблей, с ходатайством об их награждении.

Первый после окончания Крымской войны деловой заход российских кораблей в порт Франции вызвал интерес и удивление у многих современников этого события. Бывшие противники неоднократно проявляли друг к другу чувства симпатии и искреннего уважения, восхищаясь мужеством и отвагой, проявленными представителями обеих стран в минувших боях. Среди офицеров французского гарнизона было немало участников осады и штурма Севастополя. Много ветеранов войны было и среди российских моряков. Контр-адмирал Беренс участвовал в обороне Кронштадта, командуя линейным кораблем «Константин», а затем бригадой кораблей. Морские подступы к российской столице защищал капитан 1-го ранга Дюгамель в должности командира линейного корабля. Капитан 2-го ранга Панафидин, возглавлявший отряд канонерских лодок, преграждал путь англо-французской эскадре по северному фарватеру, который мог использоваться противником для атаки на Кронштадт. Капитан 2-го ранга Юшков защищал Севастополь, отличился в трех вылазках и получил тяжелое ранение штыком. Капитан-лейтенант Пузино защищал от врага устье Буга и Днепровский лиман. Перечисленные офицеры были награждены боевыми орденами за мужество и героизм, проявленные в годы войны. Первые же встречи российских моряков с французами в Шербуре показали отсутствие вражды между бывшими противниками и готовность развивать дружеские отношения между двумя великими народами.

4 декабря 1856 г. русская эскадра, дождавшись окончания ремонта и улучшения погоды, покинула Шербур для дальнейшего перехода в Средиземное море. Пунктом назначения была определена Генуя, однако фрегат «Полкан» и бриг «Филоктет», шедшие отдельно от флагмана, вновь вынуждены были воспользоваться гостеприимством Франции и в конце декабря зайти в Тулон.

Ранее эту главную военно-морскую базу Франции на Средиземном море посетил капитан 1-го ранга И.А. Шестаков, который в должности адъютанта генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича направлялся в служебную командировку в Северо-Американские Соединенные штаты. Шестаков был любезно принят французским командованием и ведущими специалистами по строительству перспективных броненосных кораблей¹². Командующий Средиземноморской эскадрой Франции лично ознакомил российского офицера с кораблями, организацией службы и боевой подготовки. Итогом посещения Тулона явился обстоятельный доклад, направленный Шестаковым лично генерал-адмиралу. В документе содержался анализ передовых достижений кораблестроения на юге Франции, административной организации адмиралтейства в Тулоне и многое другое, что было актуальным для российского ВМФ, находившегося на этапе коренного реформирования. Великий князь Константин Николаевич высоко оценил информацию, полученную из Тулона, завершив свою резолюцию на докладе Шестакова словами «...в высшей степени интересно и важно».

Фрегат «Полкан» и бриг «Филоктет» убыли в распоряжение российских дипломатических миссий в Афинах и Константинополе со-

ответственно. Корабли, оставшиеся под непосредственным командованием контр-адмирала Беренса, до июня 1857 г. совершили 15 заходов в 11 иностранных портов, принадлежавших Франции, Сардинскому королевству и Королевству Обеих Сицилий. Задачи эскадры не предусматривали проведение каких-либо силовых акций. Демонстрация российского флага в портах Западного Средиземноморья к тому времени вполне удовлетворяла как французскую, так и российскую дипломатию.

В середине июня 1857 г. корабли под командованием контр-адмирала Беренса покинули Средиземное море и вернулись в Кронштадт. Ограниченный бюджет Морского министерства не позволил поддерживать постоянное военное присутствие в этом регионе, поэтому очередная эскадра под командованием контр-адмирала К.И. Истомина прибыла на Средиземное море только к началу декабря 1858 года ¹³.

Вскоре совместная франко-российская деятельность на море вышла за рамки военно-технического сотрудничества. Обе империи направили свои корабли в Адриатическое море с целью прекращения вооруженного конфликта на Балканах и мотивации Оттоманской Порты к созыву мирной конференции в Константинополе для решения мирным путем черногорской проблемы. Попытки послов обеих великих держав А.П. Бутенева и Э. Тувенеля урегулировать вопрос о статусе Черногории не увенчались успехом. Султан, имевший негласную поддержку со стороны Австрии, отклонил все доводы российских и французских дипломатов.

В июле 1857 г. командир фрегата «Полкан» Юшков получил от секретаря российского посольства в Афинах князя Гагарина сообщение о разрыве дипломатических отношений России и Франции с Османской империей ¹⁴. 16 июля 1857 г. на рейде Пирея «Полкан» встретился с французским пароходом «Брандон». Его командир лейтенант Гравель подтвердил информацию и сообщил о том, что Бутенев и Тувенель спустили флаги своих государств над зданиями посольств и перебрались со всем персоналом на корабли. Российские дипломаты разместились на борту брига «Филоктет», стоявшего с мая у Буюкдере в проливе Босфор. Французский контр-адмирал Буйят, находившийся в Смирне, решил на своем корабле перейти в Пирей. Подобные действия привели к отмене похода российского фрегата в Смирну, где он должен был взаимодействовать с французскими моряками. Дипломатам России и Франции не удалось преодолеть упорство Оттоманской Порты, поэтому Бутенев и Тувенель вынуждены были вскоре вернуться в Константинополь.

Весной 1858 г. Черногория поддержала антитурецкое восстание в Герцеговине, что привело к эскалации вооруженного конфликта. В апреле войска Гуссейн-паши численностью около 8 тыс. солдат вторглись в черногорское княжество. Австрия предоставила свои порты на побережье Адриатического моря для наращивания группировки турецкой армии в районе конфликта. Многие политики оценивали эти события как возможный повод к очередной европейской войне ¹⁵.

Французский министр иностранных дел А.Ж. Валевский в беседе с российским послом Киселёвым заявил о возможности сосредоточения в Адриатическом море восьми линейных кораблей тулонской

эскадры для оказания психологического давления на турок. Горчаков, получив информацию о планах французского МИД, сообщил в Париж о согласии России с демонстрацией военного присутствия у балканского побережья, не навязывая участие российских кораблей в предстоящей акции. Вскоре Наполеон III и Валуевский информировали Киселёва о целесообразности совместных действий французских и российских кораблей для демонстрации единства Франции и России в решении черногорской проблемы.

2 мая 1858 г. из Тулона вышли линейные корабли «Алжир» и «Эйлау» под общим командованием контр-адмирала Ж. де Гравьера. Целью их похода был порт Бокко-ди-Каттаро. Спустя два дня в море вышла вся Средиземноморская эскадра Франции, которая приступила к проведению учений для отработки маневрирования кораблей, оснащенных паровыми машинами.

4 мая Горчаков информировал генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича о секретной депеше Киселёва из Парижа, в которой сообщалось о действиях французского флота, а также планах российского МИД по использованию фрегата «Полкан» и брига «Филоктет», которые были единственными российскими кораблями на Средиземном море в тот напряженный период¹⁶. Утром 7 мая Горчаков имел аудиенцию у Александра II, на которой обсуждалась совместная военно-морская деятельность Франции и России в Адриатическом море. Первоначальным планом предусматривалось присоединение к отряду де Гравьера двух российских кораблей, но вскоре этот план был отклонен. «Филоктет» оставили в распоряжении российского посольства в Константинополе. На следующий день глава отечественного МИД информировал генерал-адмирала о получении очередной секретной депешы Киселёва и необходимости прибытия фрегата «Полкан» в Рагузу не позднее 30 мая 1858 года. Великий князь Константин Николаевич немедленно направил Горчакову проект инструкции командиру фрегата, чтобы выяснить, насколько она соответствует замыслам МИД и указаниям императора. 9 мая курьер с дипломатической почтой и инструкциями Морского министерства спешно отбыл из Петербурга в Париж.

Во время этой лихорадочной деятельности высших сановников фрегат «Полкан» находился в Тулоне, так как корабль нуждался в ремонте. Командир фрегата Юшков обратился к морскому префекту вице-адмиралу Жакуне, который незамедлительно отдал распоряжение о снабжении российских моряков всем необходимым. Директор кораблестроительной части поручил инженеру Декопьеру возглавить ремонтные работы. Юшков, зная о предстоящем возвращении фрегата в Кронштадт, вынужден был расходовать скудные корабельные финансы на выполнение только самых необходимых работ.

Французские специалисты тщательно обследовали российский фрегат и пришли к выводу о необходимости длительного ремонта с постановкой в док. Ограничения по времени и финансам не позволили Юшкову принять это предложение. Инженеры и рабочие верфи Тулона за короткий срок устранили течь, заменили сгнившие детали нижнего шпилья, исправили трубопровод водоотливной системы корабля и холодильную машину паровой энергетической установки¹⁷. Командир корабля планировал завершить ремонт к 13 мая 1858 г.,

пополнить запасы угля в Ницце и отправиться в Пирей для ожидания разрешения на возвращение в Кронштадт. Благодаря труду французских корабелов, «Полкан» был готов к длительному переходу.

После получения Юшковым телеграммы Киселёва из Парижа ситуация резко изменилась. Российский посол предписывал фрегату оставаться в Тулоне и ждать дальнейших указаний.

В 15 часов 26 мая 1858 г. командир «Полкана» получил инструкции от Киселёва. Фрегат должен был срочно следовать в Адриатическое море для взаимодействия с отрядом де Гравьера. В указаниях российского МИД особо подчеркивалась важность сотрудничества с французскими моряками и необходимость соблюдения особой осторожности в отношении австрийских кораблей. Горчаков не исключал попыток Франции втянуть Россию в открытую борьбу против Австрии для содействия планам Наполеона III. Вскоре «Полкан» покинул Тулон.

2 июня 1858 г. фрегат прибыл в Рагузу (современный Дубровник), где сразу же столкнулся с негативным отношением австрийского командира порта к российским морякам. Неприятные инциденты со стороны австрийцев допускались и в дальнейшем. В отличие от общения с австрийскими властями, встреча командира российского фрегата с французским контр-адмиралом де Гравьером в бухте Гравозы, расположенной вблизи Рагузы, прошла в дружеской обстановке. Российским морякам было предложено пополнить запасы, в том числе угля, за счет ресурсов французского отряда кораблей. С первых же дней между моряками России и Франции было достигнуто полное взаимопонимание.

Накануне из Гравозы в Тулон убыл линейный корабль «Эйлау», на смену которому ожидался фрегат «Импетьюз». Объединенный франко-российский отряд в новом составе продолжал наблюдение за находившимися в порту двумя военными транспортом под турецким флагом и австрийским вооруженным пароходом. Летом «Полкан» имел продолжительные стоянки в Рагузе и Триесте, однако более длительным оказалось пребывание в Гравозе¹⁸. Время стоянки в портах почти в девять раз превышало продолжительность крейсерства и время выполнения задач в море.

В конце августа фрегат «Импетьюз» направился на Корфу, имея на борту комиссию, назначенную для определения на местности границ независимой Черногории¹⁹. По приглашению контр-адмирала де Гравьера на французском корабле находился российский офицер, которому предоставили возможность познакомиться с портом на Корфу, а также во время плавания осмотреть устройство и работу паровой машины французского фрегата. Спустя неделю «Импетьюз» вернулся на рейд Гравозы.

В сентябре «Полкан» совершил плавание по Адриатическому морю, в ходе которого посетил Триест и осмотрел бухту Пола, где находились арсенал и верфи австрийского флота. По приглашению черногорского князя Данилы группа офицеров во главе с Юшковым побывала в Цетиньи. Посещение столицы Черногории в течение двух дней продемонстрировало крепкую дружбу двух славянских народов и явилось адекватным ответом на встречу князя Данилы с французским контр-адмиралом де Гравьером, состоявшуюся ранее.

8 октября 1858 г. на рейд Гравозы прибыл из Кронштадта корвет «Баян» под командованием капитана Истомина. Спустя два дня Юшков получил телеграмму с разрешением Морского министерства на переход фрегата в Геную. Около 14 час. 10 октября «Полкан» снялся с якоря. Когда российский фрегат поравнялся с кормой линейного корабля «Алжир» на французском флагмане экипаж построился для воинского приветствия российских моряков, а оркестр на борту «Алжира» начал исполнять государственный гимн России. Затем французский и российский корабли обменялись прощальными артиллерийскими салютами, в которых было одинаковое количество залпов²⁰. Российский фрегат «Полкан» более четырех месяцев действовал совместно с французскими кораблями. Между моряками обеих держав сложились дружеские и доверительные отношения. Во многом это было достигнуто благодаря начальнику объединенного отряда контр-адмиралу де Гравьеру, который сумел завоевать всеобщее уважение. Он своевременно устранял поводы к недоразумениям и старался избегать неприятного соперничества между моряками двух наций. По общему мнению французских и российских офицеров, де Гравьер все время оставался «душой» веселой компании. Командиры всех французских кораблей неоднократно проявляли инициативу и предусмотрительность для оказания помощи экипажу российского фрегата. 1 ноября Киселёв направил из Парижа генерал-адмиралу копию письма контр-адмирала де Гравьера министру иностранных дел Франции Валуевскому, в котором выражалась признательность Юшкову за искреннее содействие, оказанное при выполнении задач в Адриатическом море.

Корвет «Баян» почти месяц представлял Россию на Адриатике, а затем по приказу великого князя Константина Николаевича убыл в сардинский порт Виллафранку.

Появление в Адриатическом море даже немногочисленного отряда французских и российских кораблей произвело большое впечатление на европейских политиков и широко комментировалось средствами массовой информации. Бельгийская газета «Independance» расценила этот факт как демонстрацию энергичной и согласованной политики Франции и России по черногорскому вопросу. Венские газеты представляли демонстрацию военного присутствия как доказательство намерений Франции и России приступить к разделу Османской империи. Английская газета «Times» увидела в появлении французских и российских кораблей у побережья Далмации серьезное предупреждение в адрес Австрии, провоцировавшей возобновление конфликта на Балканах. Многие считали, что прекращение блокады Черногории и отправки турецких войск в Герцеговину являлось следствием совместных действий французских и российских кораблей²¹. Демонстрация военно-морского присутствия в районе вооруженного конфликта являлась существенным фактором при возобновлении мирных переговоров в Константинополе. Тувенель уверенно заявил Оттоманской Порте, что приверженность султана силовым методам решения черногорской проблемы приведет к появлению у берегов Далмации не двух, а десяти линейных кораблей Франции, к которым присоединится эскадра Балтийского флота Российской империи. Таким образом, ограниченные силы международного отряда контр-адмирала

де Гравьера только демонстрировали намерение французского и российского правительств к принятию, при необходимости, самых решительных мер для урегулирования конфликта на Балканах. 15 октября международная конференция в Константинополе завершилась подписанием конвенции, которая вполне удовлетворяла требованиям как российской, так и французской дипломатии ²².

3 октября из Кронштадта вышла эскадра контр-адмирала Истомина в составе линейного корабля «Ретвизан» под командованием капитана 1-го ранга В.Ф. Таубе, фрегата «Громобой» и корветов «Баян» (капитан 2-го ранга Истомин) и «Медведь» (капитан-лейтенант П.А. Чебышев). Важность миссии российских моряков в рамках внешней политики России подтверждалась неоднократными посещениями эскадры великим князем Константином Николаевичем. Глава отечественного Морского ведомства бывал в Тулоне и Марселе, где встречался с важными военными и государственными деятелями Франции.

В начале апреля 1859 г. Австрия вышла из переговорного процесса по проблемам Северной Италии и начала военные действия против Сардинского королевства, а затем и Франции. Эскадра Истомина должна была сохранять строгий нейтралитет в условиях начавшейся войны. Горчаков в письме Киселёву выражал беспокойство из-за возможности втягивания российских кораблей в какой-либо инцидент, способный превратить Россию в участника войны за интересы Франции ²³. По приказу генерал-адмирала эскадра контр-адмирала Истомина 9 апреля, то есть заблаговременно, вышла из портов Северной Италии и на второй день войны находилась уже в Пирее. 14 июня корабли Истомина покинули Средиземное море.

Во внешней политике Франции и России начали проявляться разногласия, которые отразились и на военно-морском сотрудничестве. Александр II и Горчаков опасались революции, способной свергнуть итальянских монархов, а также гегемонии Франции на Апеннинском полуострове. Наибольшее беспокойство российской дипломатии вызывала ситуация в Королевстве Обеих Сицилий. Франция и Великобритания активно использовали свои военно-морские силы для влияния на развитие событий. На рейде Неаполя, столицы королевства, находилась французская эскадра, а 19 июля туда же прибыли семь английских кораблей ²⁴.

13 августа из Кронштадта вышли линейный корабль «Гангут» (командир — капитан 1-го ранга Дюгамель), фрегат «Илья Муромец» (капитан-лейтенант Ф.Г. Стааль) и корвет «Вол» (капитан-лейтенант Н.М. Чихачев) под общим командованием контр-адмирала Б.Д. Нордмана. В декабре к ним присоединились на рейде Виллафранки фрегат «Светлана», корвет «Медведь» и парохоодно-фрегат «Олаф».

Усилия российской дипломатии по спасению неаполитанской монархии не приносили успеха. Александр II планировал поставить эскадре Нордмана задачу по установлению морской блокады Сицилии, где сосредоточились революционные отряды Дж. Гарибальди, получавшие поддержку сардинского королевства, но недостаток сил не позволил российскому Морскому министерству выполнить требование императора. Попытки Горчакова получить помощь французского флота закончились неудачей. Кризис в Королевстве Обеих Си-

цилий достиг предела и завершился свержением неаполитанской монархии. Политические разногласия России и Франции сорвали военно-морское сотрудничество обеих держав.

В начале 1860 г. Наполеон III стал проявлять заинтересованность в укреплении позиций Франции на Ближнем Востоке. Этой экспансии противостояла Великобритания, имевшая собственные интересы в Египте и Сирии. Вмешательство европейских держав спровоцировало среди местного населения беспорядки на религиозной почве, которые в апреле-мае 1860 г. переросли в вооруженный конфликт²⁵. Франция настояла на создании международной комиссии и военном присутствии в регионе. В июле у берегов Сирии появилась французская эскадра контр-адмирала Жеена и экспедиционный корпус генерала Ш.М. Бофора.

Российская дипломатия не возражала против действий Франции, так как Горчаков продолжал надеяться с ее помощью изменить некоторые ограничительные статьи Парижского трактата 1856 года. В апреле 1860 г. фрегат «Илья Муромец» находился в крейсерстве у берегов Ближнего Востока. К началу сентября на рейде Бейрута сосредоточилась эскадра контр-адмирала Шестакова. К тому времени в портах Сирии находились корабли Великобритании, Австрии, Голландии, Турции и Сардинского королевства. По мнению Шестакова, он находил больше взаимопонимания у английского контр-адмирала У.Ф. Мартина, чем у своего французского коллеги²⁶.

К 1861 г. ситуация на Ближнем Востоке была урегулирована, и великие державы отозвали свои корабли из портов Сирии. Наполеону III не удалось реализовать свои планы. Отечественная дипломатия не получила поддержки Франции по проблемам, волновавшим Россию. В отчете МИД за 1861 г. Горчаков отметил, что российско-французские отношения ухудшились. Это отразилось на деятельности российского флота, корабли которого продолжали деловые заходы в порты Франции. Однако район активности российских кораблей и эскадр переместился в Восточное Средиземноморье. Взаимодействие российских и французских моряков в рамках единых международных эскадр прервалось на несколько десятилетий. Последовавшее снижение масштабов и диапазона мероприятий военно-морского сотрудничества Франции и России стало логическим следствием зигзагов внешней политики обеих стран.

Примечания

1. Боевая летопись русского флота. М. 1948, с. 239, 242.
2. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Восточная война 1853—1856. Т. 2. СПб. 2002, ч. 2, с. 510.
3. ТОТЛЕБЕН Э.И. Описание обороны Севастополя. Т. 3. СПб. 1872, с. 231.
4. История дипломатии. Т. 1. М. 1959, с. 691.
5. ТАРЛЕ Е.В. Крымская война. Т. 2. М.-Л. 1950, с. 566.
6. ЧЕПЕЛКИН М.А. Российская дипломатия и итальянский вопрос 1856—1861 гг. М. 1995, с. 19.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 190, оп. 525 ч. 1, д. 903, л. 30б.
8. ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ И.Ю. Россия и Черногория со времен Петра I. СПб. 1883, с. 34.

9. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. 283, оп. 3, д. 86, л. 1.
10. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота. Т. 1. СПб. 1871, с. 88.
11. РГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 122, л. 60.
12. ШЕСТАКОВ И.А. Полвека обыкновенной жизни. СПб. 2006, с. 217.
13. РГА ВМФ, ф. 539, оп. 1, д. 1, л. 121.
14. Там же, ф. 283, оп. 3, д. 122, л. 485.
15. ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ И.Ю. Ук. соч., с. 41.
16. РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1616, л. 2.
17. Там же, ф. 283, оп. 3, д. 122, л. 632об.—633.
18. РЫЖОВА Р.И. Из истории русско-черногорских отношений. В кн.: Исторические записки. Т. 63. М. 1958, с. 150.
19. Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М. 1986, с. 187.
20. РГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 86, л. 714.
21. РЫЖОВА Р.И. Ук. соч., с. 153.
22. Международные отношения на Балканах, с. 187.
23. СЕРОВА О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М.1997, с. 117.
24. АВПРИ, ф. 190, оп. 525, ч. 1, д. 940, л. 13.
25. ПАНЧЕНКОВА М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция. 1860—1861 год. М. 1966, с. 85.
26. ШЕСТАКОВ И.А. Ук. соч., с. 335.

Д.Н. Домрачев и «капиталистический» Ижевск в годы НЭПа

Л.Н. Бехтерева

Дмитрий Николаевич Домрачев — частный предприниматель, торговец, оставивший заметный след в истории «капиталистического» Ижевска 1920-х годов. К сожалению, на сегодняшний день многие факты его биографии остаются «белым пятном». Однако даже известные эпизоды позволяют по достоинству оценить масштабы этой незаурядной личности.

Начало новой экономической политики, провозглашенной в марте 1921 г. на X съезде РКП(б), послужило толчком к развитию товарно-денежных отношений, рынка, частного предпринимательства и торговли. К 1926/27 хозяйственному году ¹ число частных торговых предприятий в стране увеличилось до 675,2 тыс. против 462,5 тыс. в начале 1924/25 года. В Удмуртии (с 1920 г. по 1932 г. — Вотская автономная область, ВАО) за 1924/25 г. было выдано 2 549 частных торговых патентов, в 1925/26—3 489. А в Ижевске, преобразованном в город на основании постановления Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 21 февраля 1918 г. и являвшемся с июня 1921 г. административным центром ВАО с населением 52 338 чел. (1923 г.), соответственно 1 425 и 1 712 ².

Все торговцы, по существовавшей в тот период статистической методике, подразделялись на пять типов, соответствовавших пяти разрядам: уличные торговцы (разносчики, развозчики) — базарная торговля; торговцы, имеющие ларьки или киоски, — мелочная рыночная торговля; мелкие или средние розничные торговцы — мелкая розничная торговля из палаток; торговцы, владеющие магазинами, — мелкая полуоптовая и средняя розничная торговля; оптовые торговцы — оптовая и крупная полуоптовая и розничная торговля. До середины 1926 г. крупных торговых предприятий, относившихся к пятому разряду, в Вотской области не было. Единственным торговцем, зачисленным в четвертый разряд, являлся Дмитрий Николаевич Домрачев.

Бехтерева Людмила Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УО РАН.

Торговые заведения Д.Н. Домрачева специализировались на продаже металлических изделий, строительных материалов и сельскохозяйственных орудий. За сравнительно короткий срок им были установлены связи с производителями из Перми, Нижнего Новгорода, Белгорода, Ярославля, Нижнего Тагила, Свердловска, Сталинграда и Москвы. В 1924/25 г. им было закуплено в различных городах страны: 14 т 736 кг гвоздей, 2 т 608 кг сортового железа, 8 т кровельного и оцинкованного железа, 11 т 520 кг чугунного литья, 12 т 096 кг олифы, 80 т керосина, 16 т алебаstra, 16 т цемента, 1 000 топоров, 200 пил, 200 напильников, 120 дверных навесов, 500 шарниров, 20 ящиков оконного стекла, 300 серпов, 1 300 кос, 50 упряжных дуг, 20 000 точильных брусков, а также мел, бумага, малярная краска, железные кровати, сундуки, пеньковая веревка, мыло, колесная мазь. Товары были реализованы в собственных магазинах на сумму 57 147 рублей ³.

Стремление к концентрации и получение возможности маневрировать финансовыми ресурсами приводило отдельных частных торговцев к необходимости объединения в союзы и товарищества (полные и на паях) и осуществлению совместной торговой деятельности. Так появлялись торговые предприятия пятого разряда, занимавшиеся оптовой и крупной полуоптовой и розничной торговлей. Дмитрий Николаевич Домрачев одним из первых в ВАО 26 ноября 1926 г. создал паевое на вере товарищество «Домрачев и К». С апреля 1926 по апрель 1927 г. торговый оборот коммерсанта составил 200 тыс. рублей. Месячный оборот достигал 25 тыс. рублей ⁴. В сентябре 1927 г. товарная наличность предпринимателя оценивалась в 32 тыс. руб., ценные бумаги — в 4400 рублей. В ижевских магазинах Домрачева, расположенных на центральной улице города — Коммунальной — всегда можно было приобрести товары разнообразного ассортимента и высокого качества, часто отсутствовавшие в государственных или кооперативных лавках, например, некоторые строительные материалы и керосин. Покупателями, наряду с горожанами, являлись крестьяне всей ижевской округи, специально приезжавшие за товаром на лошадях и подводах. Многие изделия в магазинах Домрачева продавались в кредит и по сниженным ценам. Практиковались также доставка приобретенного товара и скидки на определенные его виды.

Мыло в торговые заведения Домрачева попадало с собственного производства. Ему принадлежал небольшой завод, основанный еще в 1916 г. и имевший сезонный характер работы. В год 5—7 рабочих выпускали до 24 т мыла и 56 т колесной мази ⁵. Продукция поступала также на Ижевские заводы, сдавалась в частные лавки и отправлялась в Казань, Сарапул, Воткинск.

Многие товары закупались Домрачевым на всесоюзных, всероссийских и местных областных ярмарках. Двадцатые годы XX в. стали периодом возрождения некогда активной в «удмуртских» уездах Вятской губернии ярмарочной деятельности. Первые небольшие послевоенные ярмарки на территории ВАО прошли в 1922 году. В 1924 г. была организована крупнейшая в региональных масштабах Ижевская областная народная (бывшая Екатерининская) ярмарка. В 1926 г. в городах, уездных центрах, крупных селах и поселках состоялась уже 131 ярмарка ⁶. В начале августа 1922 г., после четырехлетнего перерыва, прошла традиционная ежегодная Нижегородская ярмарка. Ее тор-

говый оборот из года в год увеличивался. В 1923 г. участие в Нижегородской ярмарке приняли 608 различных государственных, кооперативных и частных организаций, в 1925 г. — уже 3 149, отечественных и иностранных ⁷. Вотскую область на ярмарке в этом году, наряду с Вотпайторгом, Ижевским промкомбинатом, обкустсельсоюзом и ЦРК, представлял единственный частный торговец — Д.Н. Домрачев.

Предприниматель являлся инициатором создания в Ижевске Общества взаимного кредита (ОВК). Вопрос о его организации обсуждался еще весной 1925 г. на общем собрании торговцев города. К августу 1925 г. образовалась группа учредителей в составе известных в городе и уезде частных предпринимателей, в числе которых выделялся Домрачев ⁸.

После длительной и напряженной организационной работы в Народный комиссариат финансов РСФСР (НКФ) были направлены все необходимые учредительные документы. Устав Ижевского ОВК был утвержден валютным управлением НКФ 5-го и зарегистрирован 17 апреля 1926 г. под номером 174 ⁹. Первое организационное собрание членов Ижевского ОВК прошло 7 мая 1926 года. Его официальное открытие состоялось 17 августа 1926 года. Первоначально оно располагалось в помещении товарной биржи по ул. Коммунальной, а в ноябре того же года получило собственное здание по адресу: Коньшин переулок, д. 6.

Делами Общества, согласно его уставу, руководили общее собрание, правление, совет и приемный комитет. Общее собрание состояло из всех членов Общества, совет — из членов правления и депутатов, которые избирались общим собранием. В правление Общества входили три члена, избиравшиеся общим собранием на три года, в приемный комитет — 10 членов ОВК. Председателем правления на первом организационном собрании единодушно был избран Домрачев, работавший, как и все его члены, на общественных началах.

Вместе с А.Х. Мукминовым, К.И. Мезриным, И.А. Наравцевичем, А.Н. Топчиловым, товариществами Гатиатуллина и «Рабторг» Домрачев входил в число наиболее крупных пайщиков ОВК с максимальным взносом 250 рублей ¹⁰. Под его руководством Ижевское ОВК начало свою активную деятельность. Число членов Общества постоянно увеличивалось. К 1 октября 1926 г. оно возросло с 74 (на момент организации ОВК) до 86 членов, из которых 73 были частными торговцами, 10 — кустарями и ремесленниками, 3 — рабочими и служащими ¹¹. В дальнейшем этот рост продолжился и на 1 декабря 1926 г. в ОВК состояли уже 93 чел., на 1 апреля 1927 г. — 100 (розничных торговцев — 58, кустарей и ремесленников — 10, рабочих и служащих — 31), на 1 июля 1927 г. — 117, на 1 октября 1927 г. — 136, на 1 апреля 1928 г. — 153, на 1 октября 1928 г. — 172 человека ¹².

Несмотря на существовавшие трудности, Ижевское ОВК широко развернуло кредитно-ссудные и товарно-комиссионные операции. Оборотный капитал Общества, равный сумме членских взносов, на 1 октября 1926 г. составлял 5 485 руб. (на 1 июля 1927 г. — 7 700 руб., на 1 октября — 8 785, на 1 мая 1928 г. — 10 160 руб.). Из 86 членов Общества кредитовались 30. Средняя сумма векселя равнялась 225 руб. 41 коп.; из общей суммы текущих счетов и вкладов (2 866 руб. 18 коп.) членам ОВК принадлежала 1 531 руб. 13 коп.; с 17 августа по 1 октяб-

ря 1926 г. было выдано ссуд под учет векселей на сумму 7 720 руб. 25 копеек ¹³.

На 1 июля 1926/27 операционного года было открыто 107 вкладов и счетов на сумму 32 177 руб. 43 коп., 13 615 руб. 57 коп. из которых принадлежали членам ОВК. Из 117 членов Общества кредитовались 70. В августе 1927 г. Ижевское ОВК выплачивало по простым текущим счетам и бессрочным вкладам 12 %, по условным текущим счетам — 15 % и срочным вкладам — 18 % годовых ¹⁴.

По данным ревизии, произведенной инспектором валютного управления НКФ РСФСР К.И. Гаркуновым 11 июля 1928 г., баланс Ижевского ОВК постоянно увеличивался: на 1 мая 1927 г. он равнялся 28,8 тыс. руб., на 1 июля 1927 г. — 68,8 тыс., на 1 октября 1927 г. — 30,4 тыс., на 1 января 1928 г. — 41,3 тыс., на 4 апреля 1928 г. — 44,7 тыс., на 4 июля 1928 г. — 50,0 тыс. рублей ¹⁵. За пять месяцев (август-декабрь 1926 г.) Общество получило чистой прибыли 1 069 руб. 15 копеек. Доход составил 4 189 руб. 87 коп., расходы, включая налоги, — 3 120 руб. 72 копейки ¹⁶. За 1926/27 г. в целом прибыль составила 1 584 руб. 18 коп., 10 % (158 руб. 12 коп.) из которых, по решению общего собрания членов ОВК, было отчислено в запасной фонд, 70 % (1 106 руб. 83 коп.) — в резервный фонд ¹⁷. В 1927/28 операционном году прибыль равнялась 1 126 руб. 73 коп.; в запасный фонд было перечислено 10 % (112 руб. 61 коп.), в резервный — 204 руб. 12 копеек ¹⁸.

Важное место в деятельности ОВК занимала благотворительность. Так, по инициативе Домрачева, заручившегося поддержкой общего собрания членов ОВК, из числа прибыли, полученной по результатам деятельности за 1926/27 г., 74 руб. 76 коп. были переданы Деткомиссии для беспризорников. В августе 1927 г. Обществом было перечислено 247 руб. 22 коп. в пользу Пермского университета, сильно пострадавшего от пожара ¹⁹.

Как человек образованный и компетентный, обладавший коммерческим чутьем и интуицией, Домрачев пытался искать возможные способы адаптации в непростых для бизнеса условиях. Занятые им ключевые позиции в образованном 20 февраля 1924 г. Комитете торговцев г. Ижевска, преобразованном в декабре 1927 г. в Объединенный общегородской комитет торгующих организаций и торговцев, являются непосредственным тому доказательством.

В задачи созданного Комитета входило «поддержание по специальным соглашениям с организациями коммунального хозяйства в благоустроенном и санитарном состоянии как рыночной площади, так и строений, временных и постоянных, находящихся на рынке; установление в пределах действующих распоряжений и обязательных постановлений надлежащих органов власти правил внутреннего распорядка для торгующих в г. Ижевске и ответственных за соблюдение указанных правил; оказание содействия органам административной власти в наблюдении за выполнением торгующими в г. Ижевске всех законодательных и административных распоряжений о торговле, в частности: наблюдение за тем, чтобы не производилась торговля без патентов или торговля, закрытая за неуплату налогов, и не продавались товары, подлежащие акцизному обложению, без установленных бандеролей; наблюдение за содержанием весовых приборов в чистоте и порядке и за употреблением в торговле весовых приборов с уста-

новленным клеймом поверочных палат; вручение повесток, окладных листов и т.п., а также оказание содействия налоговым органам в выяснении оборотов торговцев г. Ижевска; сношение по делам комитета со всеми правительственными учреждениями и должностными лицами; представление всякого рода статистических и иных сведений правительственным учреждениям; учет всех торговцев, объединяемых комитетом и ведение точных списков таковых; выдачу удостоверений, справок и т.д. в пределах задач комитета»²⁰.

Комитет в рамках действовавших указаний имел право приобретать, отчуждать и закладывать всякого рода имущество, вступать в обязательства, заключать всякого рода сделки и договоры, предъявлять иски и отвечать в суде. Все торговые организации и отдельные торговцы помимо регистрации в обвноторге были обязаны зарегистрировать свои патенты в Комитете торговцев. Не зарегистрированные в качестве постоянно торгующих, не имели права производства постоянной торговли в Ижевске. Все зарегистрированные торговцы имели право участия в общих собраниях, как очередных, созываемых Комитетом не реже 4-х раз в год, так и чрезвычайных, которые созывались по инициативе Комитета, ревизионной комиссии или одной двадцатой части всех зарегистрированных торговцев по письменному заявлению их о том в Комитет в течение недели. Общие собрания торговцев рассматривали и утверждали общий план деятельности, доклады и сметы, отчеты и сметы ревизионной комиссии; определяли численность Комитета и ревизионной комиссии, избирали членов этих органов и назначали вознаграждение членам Комитета; избирали и учреждали различные комиссии, избирали их членов, вырабатывали для них инструкции и назначали вознаграждение; устанавливали размеры взносов на покрытие расходов Комитета; рассматривали жалобы на Комитет и ревизионную комиссию; увольняли членов Комитета и ревизионной комиссии. Общее собрание признавалось состоявшимся при наличии в нем не менее половины всех торговцев, имеющих право на участие в общих собраниях. Каждый торговец имел на общем собрании только один голос, не зависимо от числа торговых мест. Торговцы, за которыми числились недоимки по уплате причитающихся взносов в Комитет, права на участие в общем собрании не имели. При числе торговцев менее 50 вместо Комитета допускалось избрание одного рыночного старосты, действовавшего на основании устава. Число членов Комитета определялось общим собранием: не менее 3-х членов и 2-х кандидатов. Постановления Комитета были обязательны для всех торгующих г. Ижевска. Комитет подлежал ликвидации в случае закрытия торговли. Его средства распределялись между постоянно торгующими в Ижевске, зарегистрированными на день ликвидации Комитета²¹.

Комитетом торговли была организована охрана всех торговых палаток, складских помещений, находившихся на Базарной площади Ижевска, независимо от формы собственности. К организациям, уклонявшимся от уплаты взносов на содержание милиционной охраны и Комитета, применялись судебные санкции.

Об активной позиции Домрачева свидетельствует и ситуация, сложившаяся в 1927 г. вокруг Удмуртторга — органа местной государственной торговли. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 авгу-

ста этого года выдвигались новые требования к государственным торговым организациям. В частности, юридическое оформление и признание местного торгового Центра предполагало наличие уставного капитала не менее 100 тыс. рублей. Уставной капитал Удмуртторга в 63 тыс. руб. ставил его существование под угрозу. В январе 1928 г. управляющий Удмуртторга направил в Президиум облисполкома письмо, в котором предложил преобразовать его в смешанное, с привлечением частного капитала, акционерное общество ²². В конце февраля на очередном заседании Президиума облисполкома ВАО был утвержден Устав АО «Удмуртторг». В состав учредителей от государства вошел обортотдел, от частного капитала — Домрачев, А.М. Диков и А.Х. Мукминов. Паевой капитал общества определялся в размере 150 тыс. рублей. Предполагался выпуск 150 акций стоимостью 1 тыс. руб.; 51 % из них должен был принадлежать облисполкому, 49 % — частному капиталу. Домрачеву удалось убедить 59 предпринимателей, выразивших согласие вступить пайщиками в АО. В их числе были: Н.К. Кац, И.Ф. Бер, И.Л. Наравцевич, А. Минагулов, А.Н. Топчилов, И.П. Оглоблин, Д.Ф. Бер, Г.Ф. Хейфец, З.А. Иоффе, С.Л. Перещман, В.Б. Крафт, Д.С. Ошмарин и др. Однако в сентябре 1928 г. на заседании экономического совета РСФСР ходатайство НКТ об учреждении АО «Удмуртторг» было отклонено ²³. Это продемонстрировало определенное отношение государства к частному капиталу.

Начавшееся со второй половины 1920-х гг. усиление налогообложения, ценовая и кредитная политика, идеологический прессинг, принятие ряда юридических актов ограничительного характера и другие мероприятия, сдерживающие и лимитирующие предпринимательскую деятельность, привели к тому, что уже к 1927/28 г. число частных предприятий в стране уменьшилось на 17,5 %, а их оборот сократился на 23,8 %. Удельный вес частной торговли Удмуртии в розничном товарообороте в 1929/30 г. составлял только 4,4 % против 46,2 % в 1923/24 г. и 19,6 % в 1927/28 году ²⁴. Большинство созданных в первой половине 1920-х гг. крупных торговых фирм в 1928—1929 гг. прекратило свое существование. Та же участь постигла и некогда процветавшие и стабильно функционировавшие предприятия Домрачева. В феврале 1928 г. был закрыт мыловаренный завод и все его торговые заведения. При их ликвидации коммерсанту предъявили различные иски на общую сумму около 16 550 рублей. Все описанное имущество было передано налоговому управлению ²⁵.

Примечания

1. В рассматриваемый период хозяйственный (операционный) год начинался с 1 октября.
2. Социальная мобильность в частном секторе народного хозяйства 1920-х гг.: нэпманы под налоговым прессом. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа. 2005, с. 130—131; Хрестоматия по истории Удмуртии. Т. 2. Ижевск. 2007, с. 192; Статистический сборник за 1924—1926 гг. Ижевск. 1927, с. 344—345.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), ф. Р-121, оп. 1, д. 131, л. 62.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7624, оп. 4, д. 902, л. 67—67об.

5. Там же, л. 67; СТРЕЛЬЦОВ Ф.В. Ижевск и его промышленность за 170 лет. Т. 1. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УрО РАН), рукописный фонд (РФ), оп. 2Н, д. 21, л. 193—194.
6. ЦГА УР, ф. Р-121, оп. 1, д. 360, л. 43.
7. Всесоюзные ярмарки и их значение во внутренней торговле с Востоком. М. 1926, с. 18.
8. ЦГА УР, ф. Р-151, оп. 1, д. 8, л. 1—2.
9. Там же, л. 28.
10. Там же, л. 28, 32.
11. Там же, л. 3; д. 5, л. 18.
12. Там же, д. 5, л. 45, 166, 283; д. 8, л. 233, 348, 417.
13. Там же, д. 5, л. 15, 18, 23, 321об., 370; д. 8, л. 318.
14. Там же, л. 338, 283.
15. Там же, д. 8, л. 377об.
16. Там же, д. 5, л. 115об.
17. Там же, д. 8, л. 5, 20об.—21.
18. Там же, д. 9, л. 26об.; д. 13, л. 2.
19. Там же, д. 5, л. 334; д. 8, л. 21.
20. ЦГА УР, ф. Р-121, оп. 1, д. 12, л. 15.
21. Там же, л. 15—15об.
22. Там же, д. 406, л. 13—13об.
23. Там же, л. 45.
24. 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921—1931. Ижевск. 1931, с. 65.
25. РГАЭ, ф. 7624, оп. 4, д. 902, л. 66.

Великий мусульманский правитель Явы султан Агунг

В.А. Погадаев

Еще вчера праздник по случаю получения правителем Матарамом ¹ сусухунаном ² Ньякракусумой титула султана ³ был в разгаре. Возносились благодарственные молитвы Всевышнему Аллаху, устраивались обильные угощения, народу бесплатно раздавался рис и лакомства. Возле дворца — кратона ⁴ — шумела веселая ярмарка, проходили петушинные бои и состязания по боевым единоборствам. Были также проведены турнир среди лучших конников страны и гонки на быках. Во дворце не умолкала музыка. Сам правитель соизволил принять участие в разрезании традиционного рисового пирога тумпенга ⁵.

Но сегодня тихо. Новоявленный султан весь день провел на своей половине дворца, не показываясь придворным. А к вечеру вдруг решил посмотреть представление своего любимого театра ваянг кулит ⁶.

Приглушенно звучит оркестр гонгов и металлофонов гамелан ⁷. Кукловод-даланг ⁸, сидящий за экраном, который освещает лампа, ловко манипулирует ярко раскрашенными плоскими кожаными куклами, поочередно втыкая их острым концом в лежащий перед ним свежий ствол банана. На экране беснуются тени: разворачиваются героические страницы прошлого, герои борются за свое счастье и любовь. Ваянг — это и искусство, и магия. Ведь тени кукол — это духи предков, к которым можно обратиться в трудный момент жизни, посоветоваться или поделиться своей радостью. В них черпали свои силы поколения яванских правителей, они же вдохновляют и его, Ньякракусуму.

Вот он горделиво сидит с высшими сановниками перед экраном. Он, первым из матарамских правителей получивший сначала титул сусухунана, а теперь и султана, причем из рук представителей духовенства из самой Мекки. Он всегда будет первым, станет Агунгом (Великим) и обязательно выполнит завет предков снова объединить

Погадаев Виктор Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель Университета Малайя. Куала-Лумпур.

Яву и вернуть ей то величие, которого она достигала во времена Маджапахита ⁹ в XIV веке.

Вот уже 25 лет он сидит на престоле, значительно приумножив территории Матарамы. Не посрамил он своих праотцов, особенно деда Сенапати ¹⁰, первым из матарамских правителей начавшим собиране земель, выказав и дипломатический, и полководческий талант.

Не успев занять трон в 1613 г., он ошеломил своих противников князей Сурабаи и Мадуры, совершив стремительный бросок на крайний восток Явы и нанеся им сокрушительное поражение в битве на реке Брантас. Победы следовали одна за другой. Он усмирил взбунтовавшегося паджангского князя, разграбив Паджанг и угнав его жителей в рабство, поставил под свою власть Ласем (1616), Пасуруан (1617), Тубан (1619) — главный порт Явы ¹¹ и даже Банджармасин ¹² на Калимантане (1622), жестоко унизив правительницу этого государства, принудив ее поселиться в Матараме вблизи его кратона. После упорной и кровопролитной борьбы подчинились его воле Мадуря и Чиребон (40 тыс. мадурцев были переселены на Яву ¹³), а в 1625 г., несмотря на помощь голландского флота, сдался и процветающий порт Сурабая. Матарамские воины перенаправили воды реки Сурабая в реку Поронг, лишив жителей города воды, и забросали русло трупами животных, отравив оставшиеся ручейки ¹⁴. Тогда-то он и принял первый громкий титул сусухунана.

Конечно, он тогда немного слукавил. Неподвластными ему на Яве оставались еще Баламбанган ¹⁵ на востоке и Бантен ¹⁶ на западе. Но Баламбангану помогали воинственные балийцы, а путь на запад преграждали труднопроходимые горы и, конечно, голландцы, которые в 1619 г. создали хорошо укрепленный форт в древнем поселении Сунда Келапа ¹⁷ (Джакарта), назвав его Батавией.

Он первым из матарамских правителей принял в 1622 г. голландское посольство и даровал голландской Ост-Индской компании право беспошлинной торговли в его владениях, надеясь договориться о совместных действиях против Бантена. Но голландцы, хотя и стремились иметь хорошие отношения с султаном Агунгом, сами тем временем помогали его врагам в Сурабае, укрепляя отношения с бантенским князем. Агунг решил проучить их и захватил голландскую торговую факторию в порту Джепара, позволив англичанам открыть на ее месте свою, и даже неоднократно (в 1620, 1621, 1628, 1629 гг.) пытался взять Батавию.

Но форт оказался крепким орешком. Не помогли ни прямые атаки, ни осада города, ни хитрость, когда под видом торговцев рисом на корабль были помещены переодетые яванские воины. Сказывались преимущество голландского флота и отсутствие у матарамцев артиллерии. Правда, победа казалась близкой в 1629 г., когда он собрал под своими знаменами и отправил туда 20-тысячное войско на 60 кораблях ¹⁸, но возникли сложности со снабжением — суда с продовольствием были потоплены голландцами на подходе к Батавии, и войско, появившись на подступах к форту, было обречено на поражение из-за голода и болезней. Через пять недель значительно поредевшее, оно вынуждено было отступить.

Однако престиж Матарамы и самого Агунга от этого не пострадал: в глазах своих вассалов и многих правителей других княжеств,

особенно на внешних островах, он был героем, настоящим патриотом, бескомпромиссным борцом с европейскими пришельцами¹⁹.

Многие рассчитывали на его помощь, и не только моральную, в борьбе против общего врага. Проявления покорности сыпались со всех сторон. Даже правители Палембанга²⁰ и Джамби²¹ на Суматре стали присылать к нему послов и богатые подарки.

Он же учел уроки батавских кампаний: приобрел пушки у португальцев в Малакке²² и, собрав судостроителей со всей Явы (традиции прошлого, когда индонезийские мореплаватели доплывали до черного континента на западе, еще не были забыты), в короткий срок создал огромный так называемый москитный флот из небольших, но скоростных и маневренных военных кораблей, который в 1630—1634 гг. совершенно дезорганизовал азиатскую торговлю Ост-Индской компании и даже нападал на ее одиночные большие корабли²³.

И хотя ему так и не удалось взять Батавию, но цели своей он добился: голландцы, терпя огромные убытки на море, пошли в 1634 г. на неслыханное для них унижение: признали Батавию вассалом Матарамы и направили его правителю богатые дары. Теперь он мог заявить: «Я начал эту войну лишь для того, чтобы преподать им урок и утрашить на будущее». Голландцы, в свою очередь, могли получать от Матарамы необходимые им рис, скот и древесину по низким ценам.

В этот вечер султан общался не только с духами предков, делясь с ними своими думами посредством мистерического действия — представления ваянга. После окончания спектакля он, удалив своих телохранителей (это были две прекрасные девушки, ловко владевшие приемами боевых единоборств и холодным оружием), в одиночестве отправился в потаенную часть дворца, где находилась пятиэтажная башня «опора вселенной».

Сюда он приходил очень редко, только в случае крайней необходимости, связанной с неблагоприятными предзнаменованиями и стихийными бедствиями, или когда очень нуждался в совете. Здесь, по установившейся в древности традиции, он «соединялся» с богиней Лоро Кидул, королевой Южного океана²⁴, и таким образом как бы восстанавливал космический порядок, нарушенный катаклизмами или тревожными мыслями.

Конечно, это вряд ли было совместимо с поведением правоверного мусульманина, но таков был обычай его предков, являвшийся частью верований «кебатинан», густо замешанных на яванском мистицизме²⁵.

И вот он стоит на самой вершине башни и обращается к Лоро Кидул, чтобы укрепить свою волю и заручиться ее поддержкой прежде, чем продолжить свою завоевательную политику. Он открывает ей свое сердце, делится радостями и невзгодами, рассказывает, как нелегко бремя правителя, на которого возложена миссия нового объединителя Явы.

Здесь он может позволить себе быть откровенным. Он понимает, что не все его вассалы надежны, поэтому он поселил некоторых из них возле своего кратора, а к другим направил своих заместителей. Он знает, как страдает народ под бременем налогов и поборов, как истощают его государство разорительные войны. Он, наверно, сожа-

леет, что иногда приходится быть жестоким — в чем, например, виноваты те пятьсот воинов, которых он в гневе приказал казнить, узнав об отходе войск от Батавии. Но он должен быть жестким, чтобы исполнить свою миссию законного претендента на власть над всей Явой, стать воплощением единства, хранителем порядка и гармонии в государстве ²⁶.

Ведь, несмотря ни на что, Матарам — по-прежнему рисовая житница Явы. Террасные заливные рисовые поля — савахи — не скудеют, с них собирают по несколько урожаев в год ²⁷. Развивается ремесло. Оружейники — эмпу — изготавливают крисы ²⁸, которые славятся далеко за пределами Явы. Его мастерицы ткут шикарные ткани. Особенно это касается батика, который высоко ценится даже в далеком Китае.

Между основными населенными пунктами проложены хорошие дороги. Границы плотно охраняются. Пограничные заставы следят, чтобы никто не покидал страну без разрешения властей, и заодно контролируют экспорт: взимают пошлины и следят, чтобы не вывозили из страны лошадей, коров, буйволов и женщин. И все это благодаря тому, что правит он твердой рукой.

Кроме того, он сам жертвует многим, неуклонно соблюдая кодекс «царственного поведения», основу которого составляют спокойствие, твердость, уравновешенность, обуздание страстей и эгоистических желаний.

Легкий ветерок усилился, тревожно зашумела листва деревьев в дворцовом парке, тело пронзила сладостная истома. Он знал, что богиня услышала его, что она рядом. А это значит, что она не покинет его в трудную минуту, придет на помощь в борьбе с врагами, заставит повиноваться его желаниям духов, фей и джинов. Значит, все задуманное им правильно.

А задумал он новый поход на восток, чтобы покорить мятежный Баламбанган, а заодно проучить помогавших ему балийцев.

Когда Агунг спускался с башни, во дворце все уже спали. Но прежде, чем направиться в опочивальню, он заглянул в зал, где хранились реликвии матарамских правителей, включая кинжалы — крисы. Он взял один из них, слегка выдернул из ножен, поцеловал и улыбнулся: подготовка к походу будет объявлена уже завтра.

Экспедиция в Баламбанган состоялась в следующем (1639) году и увенчалась полным успехом для Агунга. Его войска стремительно захватили столицу, вынудив жителей бежать в горы, а затем, переправившись через узкий пролив, высадились на о. Бали. Но, встретив яростное и упорное сопротивление балийцев, они скоро отступили, успев, однако, опустошить и разграбить остров до крайности.

Это был последний военный поход Агунга. В 1645 г. он умер, так и не завершив своего дела ²⁹. В последние годы жизни его отношения с Батавией вновь обострились: голландцы, захватив в 1641 г. у португальцев Малакку, активизировали свою колониальную политику и на Яве ³⁰. Попытки Агунга найти союзника в лице Османской империи или английской Ост-Индской компании были неудачными ³¹. Недолговечным оказался и антиголландский союз со старым соперником Бантенем.

Незадолго до смерти султан Агунг распорядился о написании династийной хроники «Бабад Танах Джави» («История Явы»), в ко-

торой описывается происхождение матарамской династии и история самого Агунга ³².

В ней утверждается, что в 1644 г. он вновь встретился с Рату Кидул, которая предрекла ему кончину через два года. Поэтому уже в 1645 г. он начал строительство своей усыпальницы на холме в Имогири, в пяти километрах от столицы ³³.

Если верить хронисту, кончина султана стала большой трагедией для государства и даже сама природа не осталась к этому равнодушной: «Дворец огласился рыданиями, подобными грому. Клокотал вулкан Мерапи, и его рев сливался с шумом ливня и завываниями бури» ³⁴.

Умер великий правитель Матарама, пытавшийся собрать яванские земли, бескомпромиссный борец с голландскими колонизаторами. Как национального героя чтят его в современной Индонезии, слагая в его честь гимны и песни.

Примечания

1. В Истории Индонезии было два Матарама — Матарам ранний (известный также под названием Меданг), который существовал в VIII—XI вв. в центральной и восточной частях Явы и который делил сферу влияния с государством Шривиджая, и Матарам поздний — государство XVI — середины XVIII в. на о. Ява, достигший расцвета при султানে Агунге. В дальнейшем в результате столкновений с Ост-Индской компанией, восстания Сурапати и яванских войн за престолонаследие в 1704—1755 гг. был разделен на два государства — Суракарту и Джокьякарту, признавших сюзеренитет голландцев. ARDIAN KRESNA. *Sejarah Panjang Mataram. Menengok Berdirinya Kesultanan Yogyakarta*. Yogyakarta. 2011.
2. Сусухунан (яв. высокочтимый, всевластный покровитель) — титул правителей Матарама (позднего) и Суракарты. Правитель Матарама Агунг принял титул в 1624 г. и продолжал пользоваться им после принятия из Мекки титула султана (1640). Титул носили правители династии Амангуратов и Пакубувано.
3. Агунг послал посольство в Мекку в 1639 году. В следующем году оно вернулось с грамотой, провозглашавшей его султаном под именем Абдуллах Мухаммад Маулана Матарани. Однако в истории он более известен как султан Агунг. RICKLEFS M.C. *Sejarah Indonesia Modern. 1200—2004*. Jakarta. 2008, p. 111.
4. Кратон (яв. от ratu — царь, властелин) — резиденция монарха, князя, традиционный дворцовый комплекс яванских правителей. Считалось, что ансамбль кратона воспроизводит небесные покои бога Батары Индры. В раннем средневековье свои кратоны имели князья-рака и короли-махараджи, например, в эпоху Матарама раннего и Кедири. Согласно религиозно-космологической концепции, олицетворяет центр государства и окружен столичной областью — нагара — районом владений монаршей семьи и местопребывания верховной администрации.
5. Тумпенг — традиционный яванский пирог из белого и желтого риса в виде усеченного конуса. Готовится по особо торжественным дням. Символизирует благополучие как отдельного яванца, так и всей общины в целом. Его образ используется индонезийскими зодчими для придания современным сооружениям национального колорита. Одним из блестящих образцов такой архитектуры является музей подарков президенту «Пурна Бхакти Пертиви», представляющий собой комплекс из пяти конусообразных павильонов.
6. Ваянг кулит — традиционный кукольно-теневой театр Явы, Бали и Мадур. Известен на Яве с начала X века. Куклы плоские, вырезанные из особо препарированной кожи буйвола, примечательны тонкой ажурной резьбой и многоцветной росписью. Популярнейшая форма театра, который сопровождал жизнь яванца и влиял на нее от рождения до смерти. Под влиянием ислама представления на Яве претерпели значительные изменения: куклы приобрели крайне стилизованную

- форму. В комплектах до 600 фигур. Основные элементы сценического оборудования — экран из белого полотна (келир) и заэкранные светильники. Представления смотрят с обеих сторон экрана: одни видят кукол, другие — темные силуэты, проступающие сквозь белую ткань. Подробнее о ваянге см.: СОЛОМОНИК И.Н. Традиционный театр кукол Востока. М. 1983.
7. Гамелан (яв. от *gamel* — ударять, стучать) — традиционный яванский оркестр, состоящий, главным образом, из ударных инструментов. В традиционном яванском обществе гамеланное музицирование — символ гармонической связи человеческих деяний с космическим и социальными порядком. Комплект гонгов представляет собой своеобразную «семью», связь между членами которой определяется «кровным родством», то есть сплавом, из которого они изготовлены, и «родителем» — мастером. Появившись в III в., гамелан первоначально выполнял церемониальные функции при дворах правителей Явы. Полифонический, «неземной» звук оркестра с давних пор поражал европейцев, включая сэра Фрэнсиса Дрейка, посетившего Яву в 1580 году. В начале XX в. гамелан привлек внимание европейских и американских исследователей (К. Дебюсси, Дж. Кейдж, Э. Варез, А. Жоливе). Русский поэт К.Д. Бальмонт (1867—1942), посетивший в 1912 г. во время кругосветного путешествия Целебес (Сулавеси), Яву и Суматру, так выразил свои впечатления от этого оркестра в стихотворении «Гамеланг»: «Гамеланг — как смерть сама — тягучий, гамеланг — колодец снов, без дна». Подробнее о гамелане см.: ВАСИЛЬЧЕНКО Е.В. Музыкальные культуры мира. Культура звука в традиционных восточных цивилизациях. М. 2001.
 8. Даланг — кукловод. Манипулирует куклами, произносит диалоги, поясняет ход событий, руководит музыкантами. Кукловод, режиссер и актер в одном лице. Принадлежал к наиболее образованной и уважаемой части общества, был хранителем традиционной культуры, нередко выполнял функции священнослужителя.
 9. Маджапахит (санскр., древнеяв. — горький плод дерева маджа) — государство в конце XIII — начале XIV в. на островах Малайского архипелага и части Малаккского полуострова. Центр находился на Восточной Яве в низовьях р. Брантас, ныне местечко Травулан. Расцвет приходится на XIV в. — период правления королевы Трибхуваны, махараджи Хаям Вурука и первого министра Гаджа Мады). Экономический базис власти правящего класса составляли поливное рисоводство и эксплуатация сельских общин, получение дани и внешняя торговля. Характерна синкретическая религиозная идеология на основе местной яванской, буддийской и индуистской традиций. Другие названия Маджапахита — Вилватикта, Тикта Малура, Тикта. Шрипхала. Подробнее см.: ШАУБ А.К. «Нагаракертагама» как источник по истории раннего Маджапахита (1293—1365). М. 1992; PIGEAUD THEODORE GAUTHIER TH. Java in the 14th Century: Javanese texts in transcription. М. 1960.
 10. Сенапати (тж. Сутувиджая) — основатель и правитель (1584—1601) государства Матарам (поздний). В ходе успешных войн против коалиции восточнаяванских государств, возглавляемых Сурабаей, захватил ряд территорий, распространив влияние Матарама на значительную часть Центральной и Восточной Явы.
 11. TATE D.J.M. The Making of Modern South-East Asia. Vol. 1. Oxford, p. 71.
 12. Банджармасин — государство (позднее — султанат) на Юго-Востоке Калимантана в XII—XIX веках. Основан в XII в. выходцем из Индии Ампу Джатмикой. С XIV в. находился в зависимости от империи Маджапахит. В начале XVI в. стал вассалом Демака. В XVII в. был под властью Матарама. Позднее голландская Ост-Индская компания организовала несколько экспедиций в Банджапмасин и навязала ему ряд неравноправных договоров, а в 1787 г. возвела на престол своего ставленника. В середине XIX в. развернулось мощное антиголландское восстание (Банджармасинская война). В 1860 г. голландцы объявили о ликвидации власти султана и передаче управления княжеством голландской администрации.
 13. ARDIAN KRESNA. Op. cit., p. 42.
 14. Ibidem. Позднее, однако, Агунг «помирился» с Сурабаей посредством династических браков. В 1633 г. он выдал свою сестру за сурабайского принца Пекика, а своего сына (впоследствии правившего в Матараме под тронным именем Аманг-курат I) женил на дочери Пекика. RICKLEFS M.C. Op. cit., p. 109.

15. Баламбанган — наиболее значительное государство на Яве после распада Маджапахита в XVI веке. До середины XVII в. сохраняло верность индуизму. Наивысший расцвет приходится на последнюю четверть XVI в. при правлении князя Санта Гуна. В 1639 г. княжество было захвачено султаном Матарам Агунгом, а население насильственно обращено в ислам. По договору 1743 г. передано во владение голландской Ост-Индской компании.
16. Бантен — государство в XVI—XIX вв. на Западной Яве. До начала XVI в. его территория принадлежала государству Панджаджаран. В 1525 г. Сунан Гугунджати — один из девяти вали (первых распространителей ислама) — изгнал правителя-индуиста и основал мусульманскую династию. Выгодное географическое положение способствовало развитию торговли перцем, пряностями и другими товарами с Индией, Ираном, Европой. При султанах Агенге (1651—1680) стал значительным центром мусульманской культуры. Вел длительную борьбу с голландской Ост-Индской компанией, но в 1752 г. вынужден был признать ее сюзеренитет. Крупные антиголландские восстания вспыхивали в Бантене в середине XVIII и начале XIX века. После оккупации Явы (1811) англичанами султанат в 1832 г. был ликвидирован.
17. Сунда Келапа — средневековый портовый город на месте современной Джакарты. В 1619 г. голландский колониальный деятель Ян Питерсзон Кун (1587—1629) захватил его у султана Батена и построил на его месте форт Батавия.
18. ARDIAN KRESNA. *Op. cit.*, p. 43.
19. В династийной хронике, написанной позднее, отмечается, что он, обладая магической силой, мог бы, если бы захотел, захватить Батавию и без пушек. По версии хроники, он послал для захвата Батавии двух командующих: преданного ему Пурбаю и Мандуреджу, который был «предателем в сердце». Пурбая получил задание действовать так, чтобы нападение не превратилось в полномасштабную войну, а Мандуредже был дан приказ «прогнать голландцев с Явы», используя силу. Пурбая достиг Батавии с помощью магии (летел по воздуху) и с помощью магии же разрушил стены форта. Мандуреджа не знал об этом и продолжал наступление. Он потерпел поражение и сам погиб в бою, поскольку действовал против реального желания своего правителя-господина, и голландцы, убив его, тем самым невольно стали палачами потенциального предателя, по существу оказав услугу Агунгу. VLEKKE BERNARD H.M. *Nusantara. A History of Indonesia*. 1965, p. 147.
20. Палембанг — государство-султанат в XIV—XIX вв. в Индонезии, расположенный в основном на Ю.-В. о. Суматра. В XV—XVII вв. включал значительные территории малайцев и их этнических групп на Суматре — от нижней части р. Муси до р. Батанг, а также острова Банка и Белитун. Как отдельное княжество стал известен после распада государства Шривиджая и экспансии на Суматру государства Маджапахит (вторая половина XIV в.). В 1622 г. голландцы основали здесь факторию, но полное подчинение султаната произошло лишь в 1821 году.
21. Джамби — султанат в центральной части о. Суматра с одноименной столицей. Основан в 1440 г. вассал султаната Палембанг. Население большей частью состояло из малайцев. В 1899 г. фактически аннексирован Голландией.
22. Малакка (Малаккский султанат) — государство XV — начала XVI в. на территории современной Малайзии и Индонезии. Столица — город-порт Малакка. Возвышение связано с развитием международной морской торговли в зоне Малаккского пролива, удачными завоевательными войнами и принятием ислама. Основу экономического процветания составляли доходы от торговли (гл. обр. пряностями, благовониями и предметами роскоши) и пошлины. Был крупнейшим в Юго-Восточной Азии центром распространения ислама, мусульманской учености и классической малайской культуры. В 1511 г. захвачен военно-морской экспедицией А. д'Альбукерки и включен в состав португальских колониальных владений.
23. БАНДИЛЕНКО Г.Г., ГНЕВУШЕВА Е.И., ДЕОПИК Д.В., ЦЫГАНОВ. В.А. *История Индонезии*. Ч.1. М. 1992, с. 187.
24. Лоро Кидул — богиня (королева) Южного (Индийского) океана в яванской мифологии. Часто выступает в союзе с духом горы Мерапи, что отражает древние представления о единстве мироздания (комплекс «море-гора»). Роль горного духа

- или божества могли выполнять и яванские правители, которым она покровительствовала. Рыбаки до сих пор устраивают празднества в ее честь, на которых боги не приносят жертвоприношения. Ее именем названа наиболее коварная бухта на юго-западном побережье Явы — Бухта Королевы, где сильные подводные течения и зыбучие пески являются виновниками многочисленных жертв. Яванцы верят, что это морская богиня увлекает их за собой в пучину.
25. Кебатинан (от ар. батин — внутренний, скрытый) — яванский мистицизм, учение, распространенное среди яванцев Индонезии. Основная цель учения — метафизический поиск гармонии в самом себе, с природой, Вселенной, Богом. В центре — концепция «воды жизни» и представление о космической энергии «секти». Важное значение придается идее предначертанности судьбы. Заметное место занимает культ горы и поклонение богине Южного (Индийского) океана Лоро Кидул, пятичленная классификация элементов мироздания (пять дней недели, пять стран света и др.), различного рода гадания. Кебатинан оказывает существенное влияние на жизнь яванцев до настоящего времени. На Яве существуют сотни школ и религиозных групп кебатинан, действующих под эгидой созданного в 1970 г. «объединенного секретариата». Малайзийский историк Абдул Рахман Абдуллах отмечает: «Агунг, будучи правоверным мусульманином (он ругулярно отправлял пятничные молитвы, советовался с улемами, в том числе с главным мусульманским судьей Фахруддином), тем не менее, не порывал с яванской традицией и даже написал книгу “Серат Састра Гендинг” (трактат о совершенной жизни), отличающуюся религиозным синкретизмом: в ней индо-буддийский пантеизм окрашен мистическим учением ислама». ABDUL RAHMAN ABDULLAH. Sejarah dan Tamadun Asia Tenggara Sebelum dan Sesudah Pengaruh Islam. Kuala Lumpur. 2000, p. 269.
26. Голландский ученый Бернард Х.М. Влекке отмечает параллели в политике султана Агунга с политикой Ивана Грозного. VLEKKE BERNARD H.M. The Story of the Dutch East Indies. Cambridge-Massachusetts-Harvard. 1945, p. 93.
27. «Матарам в основе своей был аграрным государством, и рис был главным его оружием. Прекращение поставок риса в прибрежные порты и в Батавию осложнило бы их существование», — отмечает Влекке. См.: VLEKKE BERNARD H.M. Op. cit., p. 130. «Сила Матарам в контроле над рекой Соло и дорогой на Семаранг, а также в производстве риса, сахара и тиковой древесины», — добавляет Тейлор. См.: TAYLOR JEAN GELMAN. Indonesia: Peoples and Histories. New Haven-London. 2003, p. 156.
28. Крис — приобретшее свои классические формы на Яве холодное оружие ряда народов Западной Нусантары. Кинжал с расширяющимся у рукоятки обоюдоострым лезвием длиной от 30 см, часто волнообразной формы. Длинный крис — как правило прямое колющее и рубящее оружие длиной около 50 см.; короткий крис (малый или второй) — прямой или пламевидный кинжал, который носят (а иногда и применяют в бою) одновременно с длинным. Рукоятка и ножны из кости, дерева, драгоценных металлов, рога. Сам крис и его форма ассоциируются с огнем и лингой (мужское начало), а ножны, верхняя часть которых имеет форму лодки, — с водой (женское начало). Изготавливается мастерами-оружейниками эмпу путем многократнойковки полос железа различных сортов. В классическом случае используется метеоритное железо «с неба» и руда «из недр земли» (символ космического единства). Их соединение в ходе длительной обработки и последующее протравливание кислотами создают совершенный крис с характерным «узором» (памором). Выступает носителем сакральной энергии (секти), которая обеспечивает его обладателю успех в любом начинании и оберегает от бедствий. Крисы с длительной биографией называются «пусака». Является символом социального статуса, власти, авторитета, передается в семье из поколения в поколение, хранится как реликвия. Непременный атрибут национального мужского парадного костюма, в том числе свадебного. При ношении должен быть засунут за пояс со стороны спины так, чтобы его ножны были обращены влево (женская сторона), а рукоятка вправо (мужская сторона).
29. По странной случайности, в том же году умер и генерал-губернатор Нидерландской Индии Ван Димен (1593—1645) — давний оппонент Агунга.

30. Как отмечает Б. Шрике, «Захват голландцами Малакки означал начало конца Матарам». См.: SCHRIKE B. Indonesian. Sociological Studies. Vol. 1. Amsterdam. 1955, p. 266. Захват Малакки усиливал голландский контроль над морскими путями в регионе и лишал Матарам пушек, которые он получал от португальцев в Малакке.
31. VLEKKE BERNARD H.M. Op. cit., p. 149.
32. Эта династийная хроника, в основном сложившаяся в 1640-е гг. при султанах Агунге, была расширена и переработана в первые десятилетия XVIII в. поэтами Ади Лангу II и Чариком Баджрой, изменялась и дополнялась вплоть до XIX века. Одна из поэтических редакций «Бабат танах Джави», завершенная в самом начале XIX в., приписывается известному яванскому писателю Ясадипуре Старшему (1729—1803). История Явы, начинающаяся с сотворения человека, доведена до XVIII в. и подается как мировая история. Поэтическая форма, стиль хроники, насыщенный выразительными описаниями, психологические характеристики исторических персонажей делают ее не только важным историческим источником, но и выдающимся памятником яванской литературы. Babad Tanah Jawi. Mulai dari Nabi Adam Sampai Tahun 1647. Yogyakarta. 2008.
33. RICKLEFS M.C. Sejarah Indonesia Moderen. 1200—2004. Jakarta. 2008, p. 112.
34. Babad Tanah Jawi, p. 153.

Образовательные реформы в Московском университете в начале 1860-х гг.

Е.Ю. Жарова

История университетского образования Российской империи — это история образовательных реформ и, как следствие, реформирования учебного процесса. Наиболее радикально система университетского образования была изменена в царствование Александра III в связи с принятием университетского устава 1884 г., который во многом сломал привычную систему обучения. Важные нововведения касались отмены переводных экзаменов с курса на курс и замены их зачетами полугодий: «Прежние годовые экзамены были упразднены, взамен каковых установлены полугодовые испытания, дающие право на зачет семестра; восемь таких зачетов давали право на государственный экзамен в особой комиссии, заменившей собою прежний выпускной экзамен в факультете»¹. Однако и этот порядок был вскоре изменен. В 1889 г. были введены обязательные полукурсовые испытания, которые сдавались в конце второго и четвертого полугодий², что практически вернуло прежнюю систему экзаменов в университетах, действовавшую до принятия устава 1884 года.

Прежняя система испытаний включала ежегодные экзамены при переходе с одного курса на другой и итоговый выпускной экзамен, которые проводились в мае. Как гласили, например, правила испытания для перевода и выпуска студентов Императорского Казанского университета от 1849 г., «переводные испытания имеют целью поверку занятий студентов, по истечении каждого года. По ним судят, может ли студент, по успехам своим, быть допущен к переходу в высший курс»³ и производятся они в конце учебного года.

Однако такая система сложилась далеко не сразу. В первой четверти XIX в. не существовало ежегодных экзаменов⁴, обязательных для всех. Широко известны воспоминания студентов начала века о том, что публичные экзамены по окончании учебного года были практически бесполезными: «В 1815 году, по окончании лекций, я долго оставался весною в городе, почитая обязанностью ждать публичного университетского экзамена; настоящих серьезных испытаний тогда не было, и потому почти все мои товарищи разъехались. Торжественный экзамен перед самым актом происходил в собрании всего университета

под председательством попечителя. Публичный наш экзамен единственный, на котором я по неопытности почел нужным присутствовать, был совершенно бесполезен. Из весьма небольшой кучки студентов спрашивали немногих и не по всем кафедрам»⁵.

Впрочем, даже в 1820-е гг., по воспоминаниям Н.И. Пирогова — студента медицинского факультета Московского университета — «экзаменов курсовых и полукурсовых не было. Были переключки по спискам на лекциях и репетиции, — у иных профессоров и довольно часто; но все это делалось так себе, для очищения совести. Никто не заботился о результатах»⁶.

Не имел большого значения в этот период и выпускной экзамен, вплоть до появления в 1819 г. Положения о производстве в ученые степени, связавшей учебные степени действительного студента и кандидата с чинами по Табели о рангах. Заметно разнились и параграфы университетских уставов, которые касались испытаний. Так, в уставе 1804 г. речь шла только о получении научных степеней и сопряженных с этим испытаниях. Что же касается испытаний в течение курса обучения, об этом не упоминалось вообще, но указывалось, что студент, выслушавший в университете курсы наук, может получить об этом свидетельство.

Совсем иначе параграф об испытаниях был прописан в университетском уставе 1835 г.: «Всем студентам в течение полного курса наук и по окончании оного производятся испытания, по правилам, какие изданы будут от Министерства Народного Просвещения»⁷. Впоследствии эти правила были изданы для каждого университета. И там было детально прописано, каким образом производятся ежегодные и итоговые испытания, в том числе были, наконец, унифицированы баллы, по которым оценивались знания, то есть, официально была закреплена пятибалльная система оценок. Можно отметить, что упорядочение системы контроля было связано с воцарением императора Николая I. И именно тогда сложилась привычная впоследствии система обязательных ежегодных экзаменов.

Подобная система действовала на протяжении почти всего XIX в. вплоть до введения в действие устава 1884 г., отменившего экзамены. Впрочем, студенты воспринимали это, по вполне понятным причинам, в качестве положительного шага: «При всех несуразностях и уродствах устава 1884 г., в нем была, однако, своя хорошая сторона. Это — отсутствие экзаменов в течение университетского курса. Экзамены в мое время были заменены “зачетами семестров”, которые, если бы они были поставлены рационально, принесли бы, конечно, больше пользы, чем приносят экзамены, особенно по прослушанным курсам»⁸.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что в начале 1860-х гг. уже предпринималась попытка отказаться от ежегодных переводных экзаменов, дабы «увеличить важность и значение экзаменов окончательных на звание действительного студента, степень кандидата и лекаря»⁹. В результате этой инициативы предлагалось оставить переводные экзамены только для студентов 1-го курса, остальным же отменить их, начиная с 1859—1860 учебного года. По окончании первого курса должны были сдаваться только экзамены по вспомогательным предметам.

На заседании Совета Московского университета от 26 марта 1860 г. подчеркивалось, что «теперешняя система экзаменов не вполне состоятельна, что при ней невозможно достигнуть равномерности отметок по разным предметам экзамена, а следовательно избежать недовольства экзаменующимися экзаменаторами»¹⁰. В связи с этим в качестве временной меры Совет постановил отменить переходные экзамены с курс на курс и вместо них установить два экзамена — переводной со

второго на третий курс и выпускной. Это же постановление вводило письменные испытания по всем предметам экзамена, по результатам которых должно было приниматься решение «о пропуске или непропуске экзаменуемого, а равно допущения или недопущения его к дополнительным письменным испытаниям»¹¹.

Еще одно нововведение касалось частоты проведения экзаменов — три раза за академический год. Эта норма, получила распространение в университетах Российской империи в начале XX века. Все эти меры были направлены на то, чтобы придать больше самостоятельности занятиям студентов.

Против нового порядка выступили два профессора-филолога — Арсений Иванович Меншиков и Павел Михайлович Леонтьев. Первый считал, что подобные изменения следует ввести только для вольнослушателей, второй высказывал мнение о том, что выпускные экзамены должны продолжаться в течение академического года, для чего «должны быть назначаемы факультетские заседания по два дня сряду в начале месяцев сентября, октября, ноября, декабря, февраля и марта»¹².

После обсуждения 29 октября 1860 г. Совет постановил перестроить преподавание таким образом, чтобы вспомогательные предметы преподавались на первых двух курсах, а специальные — на последних, и сообразно этому установить два экзамена: полукурсовой по прошествии не менее двух лет и окончательный — не ранее, чем через два года после первого. На юридическом факультете переводной экзамен должен был проводиться после первого курса, а на историко-филологическом — отменен вообще, так как предметы факультета не разделялись на главные и вспомогательные. Прежний порядок ежегодных экзаменов сохранился для казеннокоштных студентов и стипендиатов.

Следует сказать, что изменения эти коснулись не только Московского университета, но и Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского. Также не стоит забывать, что реформы проходили на фоне студенческих выступлений во всех университетах, которые привели к закрытию некоторых из них.

Как известно, изменения в системе университетского образования начались сразу же после воцарения Александра II, отменившего многие ограничения предыдущего царствования. Тем не менее, сам государь считал, что необходимо «усилить строгость приемных в университеты и переводных экзаменов»¹³, сделав именно такую пометку на отчете министра А.С. Норова за 1857 год. Однако, наряду с теми, кто ратовал за усиление строгости экзаменов, в окружении государя находились и те, кто предлагал вообще уничтожить любые экзамены, предоставив студентам полную свободу в обучении, оставив лишь экзамен на получение научной степени. Одним из них был статс-секретарь барон М.А. Корф. В итоге, этот вопрос, наряду с другими, был отражен в подписанных 31 мая 1861 г. Александром новых правилах «О некоторых преобразованиях в университетах»¹⁴, которые передавали «предмет о восстановлении переходных экзаменов на первых двух курсах» на обсуждение Главного правления училищ.

Обсуждение этого вопроса продолжалось и на местах. На основании накопленного опыта по применению нового порядка экзаменов физико-математический факультет Московского университета 28 марта 1861 г. доносил в Совет, что эта форма переходных и выпускных экзаменов «не соответствует цели и представляет важные неудобства»¹⁵. Суть этих неудобств состояла, прежде всего, в невозможности организовать сдачу экзаменов, так как, во-первых, студенты из-за их большого числа пропускали идущие в то же время лекции, и,

во-вторых, из-за разнородности предметов студенты просто не готовились к некоторым из них.

Поэтому факультет предлагал производить все испытания в конце 4-го курса с возможностью сдавать экзамены не только в мае, как обычно, но и в течение всего последующего академического года, считая, что «при таком распределении экзаменов, они, с одной стороны, не отвлекали бы студентов от слушания лекций, с другой стороны, они приобрели бы тот серьезный характер, который постоянно нарушается обязательно срочностью, дающей студентам (часто справедливый) повод жаловаться на недостаток времени»¹⁶.

Историко-филологический факультет выступил за отмену полукурсовых испытаний «для того, чтобы придать более значения и полноте окончательных испытаний на степень кандидата, к которой никто однако не может быть допущен, не пробывши в университете четырех лет»¹⁷.

Профессор юридического факультета Б.Н. Чичерин, высказывая особое мнение, подчеркивал, что университет «имел в виду уменьшить школьный характер университетского образования и предоставить студентам больший простор в занятиях»¹⁸, однако «опыт не оправдал перемены», так как студенты стали заниматься хуже, а экзамены превратились в совершенный хаос. В связи с этим он предлагал вернуться к ежегодным экзаменам. Негативно он отнесся и к предложениям физико-математического факультета о введении для студентов возможностей выбирать время экзаменровки (в мае или в течение первого полугодия), считая их «педагогически вредными», так как при подобном подходе студенты никогда не научатся работать.

Медицинский факультет вообще посчитал проект «неудобоприменимым»¹⁹.

В итоге 23 сентября 1863 г. Совет сформулировал следующие предложения²⁰:

1. Ходатайствовать о разрешении университету восстановить годовичные экзамены по указаниям опыта.

2. До того времени переводные экзамены со второго курса на третий производить в мае (но в случае излишнего накопления предметов могут быть распространены на апрель).

3. Выпускные экзамены производить в апреле и мае, оставив возможность отложить часть экзаменов до сентября при успешной сдаче остальных.

4. В медицинском факультете правила остаются прежними по существующему положению.

5. Предоставить факультетам составить и внести в Совет свои соображения о подробных правилах для производства экзаменов.

Последним пунктом не преминули воспользоваться профессора физико-математического факультета, на основании донесения которых комиссия сообщила в Совет Московского университета, что главным недостатком способа проведения экзаменов является их обязательность, заключенная в слишком тесные временные рамки. Таким образом, подчеркивались следующие «невыгоды экзаменов»²¹:

1. Слишком большое скопление экзаменандов в данное время

2. Беспреданно повторяющиеся разбирательства со слушателями, желающими подвергнуться экзамену по истечении предназначенного срока.

3. Появление экзаменандов на испытание не тогда, когда они себя чувствуют достаточно хорошо подготовленными и расположенными, а вследствие побуждения чисто внешнего, то есть срока, установленного экзаменаторами.

Таким образом, физико-математический факультет считал, что главное зло, которое необходимо искоренить — это жесткие временные рамки, уста-

новленные на факультете, которые приводили к тому, что студенты (так называемые экзаминанды), шли на экзамен не потому, что были хорошо подготовлены, а потому, что экзамен нужно было сдавать именно в это время. В отношении данному постулату профессоров физико-математического факультета, можно согласиться с мнением Чичерина о том, что это как раз и мешало студентам мобилизоваться, так как они были уверены, что сдадут экзамены позже и потому готовились не слишком усердно.

Тем не менее, физико-математический факультет представил постановление, включавшее правила проведения экзаменов, которое предусматривало проведение их в специальных комиссиях, которые должны собираться раз в месяц в мае, сентябре, октябре, ноябре и декабре, и выбор студентами времени экзамена по истечении двух лет, а затем по окончании всего курса обучения ²²:

1. Для приобретения степени кандидата или звания действительного студента, все студенты экзаменуются два раза. Один из экзаменов называется полукурсовым, другой — окончательным.

2. Студент, жалеющий подвергнуться тому или другому из названных экзаменов, подает просьбу декану факультета. Он имеет право подать просьбу о полукурсовом экзамене на факультетах историко-филологическом и физико-математическом не раньше, как по истечении двух академических лет со дня поступления в студенты (в юридическом факультете после первого года).

3. Окончательные экзамены на факультетах историко-филологическом, физико-математическом и юридическом производятся: а) от 1-го числа мая до 10 июня; б) в течение сентября, октября, ноября и первой половины декабря. Экзамен, начатый в мае, может быть продолжен в сентябре и следующие месяцы до 15 декабря.

4. Полукурсовой экзамен в физико-математическом факультете производится: а) от 1 мая до 10 июня; б) в начале сентября, октября, ноября и декабря (в историко-филологическом и юридическом — только в сентябре). Экзамен, начатый в мае, должен быть окончен не позже 10 июня. Экзамен, начатый в сентябре или каком-либо из следующих месяцев, должен продолжаться не более трех заседаний

5. Экзамены производятся на заседаниях экзаменационной комиссии факультета. Эти заседания назначаются, по мере надобности, деканом. Они должны пробоваться в дни, свободные от лекций.

6. Декан, рассмотрев просьбы экзаменуемых подвергнуться экзамену, извещает их через объявление, вывешенное в одной из аудиторий, о времени заседания и о предметах, по которым в течение заседания будут экзаменоваться. При этом он называет и имена лиц, которые должны подвергнуться испытанию в течение определенного заседания.

7. Казеннокоштные студенты и стипендиаты, равно как и те из учащихся, которые желают пользоваться стипендиями, по окончании лекций первого и третьего академического года (а на юридическом факультете — второго и третьего), в мае и июне подвергаются испытанию по предметам, пройденным в течение того или другого академического года. Этот экзамен не освобождает студентов от вторичного испытания по названным предметам при экзаменах полукурсовом и окончательном.

8. Студенты, поступив в университет без достаточного знания языков греческого (в историко-филологическом факультете) и латинского, должны непременно подвергнуться экзаменам по названным языкам по окончании лекций первого академического года.

9. Вольнослушатели тоже подают просьбы об экзаменах декану и экзаменуются прямо на степень кандидата в продолжение одного экзаменационного периода.

Впрочем, предложенный физико-математическим факультетом Московского университета проект проведения экзаменов так и остался проектом. На заседании 28 января 1863 г. Совет решил отложить все суждения об экзаменах до утверждения нового университетского устава. Не встретило поддержки и предложение о возможном созыве экзаменационных комиссий в течение первого полугодия, так как Совет постановил, что «в сентябре все экзамены должны быть окончены в первой половине месяца а при том не более как в три заседания», причем, разрешение на сдачу экзаменов в сентябре могли получить только те, кто пропустил их в мае по уважительной причине с предоставлением о том свидетельства, а также те, кто сдали успешно в мае не менее двух третьих экзаменов. Можно предположить, что итог этого эксперимента в Московском университете был почти таким же, как в Казанском, где этот опыт «принес не пользу, а вред университету»²³.

Несмотря на то, что вопрос об экзаменах был отложен до принятия нового университетского устава, в самом уставе он был отражен в виде следующей формулировки: «Каждому университету предоставляется устанавливать над знаниями студентов тот способ контроля, который Советом университета, с утверждения Попечителя, по педагогическим соображениям и местным условиям, признан будет наиболее удобным и действительным»²⁴. Правила Московского университета от 1864 г. подтвердили точку зрения Совета об отмене опыта трех прошлых лет о том, что «студенты всех курсов подвергаются ежегодно испытанию, которое служит средством для контроля над их занятиями», а также о том, что «ежегодные испытания студентов всех курсов производятся в определенный срок, именно в мае месяце»²⁵.

Можно предположить, что проведение подобных реформ в Московском и других университетах было связано, в первую очередь, с либеральными веяниями того времени в ожидании эпохи Великих Реформ. Естественно, это коснулось и университетов, так как стремление к свободе, этот пресловутый «университетский вопрос» затрагивал, как профессоров, так и студентов.

Университет стал не столько местом получения знаний, сколько средоточием ожиданий либеральных преобразований той эпохи, так как «вся университетская молодежь того времени... почти целиком примкнула к тем слоям общества, которые жили исключительно великими идеями и реформами царствования Александра II, и хотя, надо сказать правду, студенты учились мало, в смысле аккуратного посещения лекций и прилежного заучивания профессорских записок, но чрезвычайно восприимчиво и сильно мыслили»²⁶.

Примечания

1. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Университетские уставы. — Исторический вестник. 1900, № 2, с. 734.
2. Правила о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях на физико-математическом факультете. СПб. 1889; Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 418, оп. 54, д. 56, т. 2, л. 242—244.
3. Сборник распоряжений по МНП. Т. II. СПб. 1867, стб. 1072.
4. Это не касалось казенных студентов.
5. Московский университет в воспоминаниях современников. М. 1956, с. 19.
6. Там же, с. 26.

7. ПСЗ. Т. X. СПб. 1856, с. 850.
8. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л. 1963, с. 187.
9. ЦИАМ, ф. 418, оп. 28, д. 78, л. 21.
10. Там же, л. 2.
11. Там же, л. 5об.
12. Там же, л. 38об.
13. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. СПб. 1902, с. 361.
14. Сборник постановлений по МНП. Т. III. СПб. 1867, стб. 732—735.
15. ЦИАМ, ф. 418, оп. 30, д. 88, л. 1.
16. Там же, л. 1об.
17. Там же, оп. 31, д. 864, л. 9.
18. Там же, л. 13.
19. Там же, л. 11.
20. Там же, л. 20.
21. Там же, л. 24об.—25.
22. Там же, л. 21—22.
23. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ), ф. 977, оп. Физико-математический факультет, д. 382, л. 22.
24. ПСЗ. Т. XXXVIII. СПб. 1866, с. 632.
25. Сборник распоряжений по МНП, т. III, стб. 836.
26. АШЕВСКИЙ С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855—1863). — Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. 1907, № 7—8, с. 24.

Модернизация в Азербайджане и на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в.

С.И. Алиева

В начале XX в. на фоне социально-политических изменений, происходивших в Российской империи, расширился процесс развития региональной общественно-политической мысли.

В Азербайджане и на Северном Кавказе он был связан с развитием печати, появлением газет на тюркском языке, формированием плеяды национальных деятелей культуры и политики. Все это, в свою очередь, оказывало влияние на рост национального самосознания, давало возможность развивать национальную культуру и отстаивать свои национальные ценности. В связи с обострением национального вопроса в стране активизировалось социально-политическое движение мусульманских народов Российской империи. Политическая атмосфера накалялась из-за неудовлетворенности социально-экономическими преобразованиями. Люди выступали за коренные изменения политической системы и решение актуальных проблем общества. В общественно-политической жизни наметилось противостояние консервативных, либеральных и революционных тенденций.

В Азербайджане просветительские идеи и культурное реформаторство было связано с именами Дж. Мамедкулизаде, О.Ф. Неманзаде, М.А. Сабира, Узеира и Джейхуна Гаджибейли, а также многих других литераторов и публицистов, которые своим сатирическим пером высмеивали пороки общества. Общим направлением их деятельности стало стремление пробудить интерес народа к знаниям и покончить с невежеством. Наука и просвещение, по их убеждению, были способны изменить будущее народа и побудить его построить новое общество, основанное на свободе. Идеи национальных просветителей зиждились на таких понятиях, как «исторический прогресс», «равенство», «свобода», «социальная справедливость», «образование», «борьба с закостенелостью и пережитками».

Образованные представители разных слоев населения, не ограниченные сословными предрассудками и впитавшие передовые просветительские идеи, составили особую категорию интеллигенции.

Алиева Севиндж Исрафил гызы — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Азербайджана.

Общественно-политическая мысль на мусульманском Кавказе сформировалась благодаря введению светского образования и на основе протеста против социально-политических порядков, царивших в стране, несправедливого устройства общества и произвола власти. В то же время, во второй половине XIX — начале XX в. в Азербайджане и на Северном Кавказе прослеживается острое стремление к единению всех тюрков, развитию тюркского языка, образовательной сферы и культуры.

Реформирование учебно-воспитательного процесса мусульманских учебных заведений было связано с необходимостью изучения достижений мировой науки и мысли, так как сугубо традиционное (религиозное) образование было недостаточно для прогрессивного развития мусульманского общества. Передовые общественные деятели выступали за модернизацию также образа жизни мусульман. Олицетворением политической борьбы тюрко-татарской буржуазии и ее сторонников против консерватизма стал джадидизм. Общественно-политическая мысль российских мусульман была связана также с таким течением, как пантюркизм.

Пантюркистское движение охватило крымских, поволжских и в целом всех татар России, азербайджанцев, тюркские народы Средней Азии и Северного Кавказа. Основной целью пантюркизма было стремление объединить все тюркские народы, вначале благодаря созданию общего литературного языка и культуры, а затем — политических организаций для борьбы за национальное возрождение. Российские власти связывали деятельность пантюркистов с влиянием Турции.

Проводниками пантюркизма стали выпускники османских учебных заведений. Так, в Османском университете в Стамбуле получили образование многие видные адыгские и в целом северокавказские просветители — Н. Цагов, И. Хидзетль, Х. Тлицерук и другие ¹. В Стамбуле российские пантюркисты встречали поддержку и покровительство. Однако тюркизм был продуктом российской действительности ².

К интеллигенции новой формации относился, в частности, азербайджанский просветитель Ахмед Агаев. Его разносторонняя деятельность пришлась на период культурного и политического возрождения. Он относился к плеяде выдающихся азербайджанских деятелей, стремившихся изменить положение своего народа. Все чаще в своих статьях Агаев упоминал об общности тюркоязычных народов и связывал надежду на помощь и консолидирующую роль единственной в то время независимой мусульманской тюркоязычной страны — Османской империи.

К XX в., когда стал прослеживаться отход этнического тюркизма от мусульманского, появились различные тюркские движения на региональном уровне. В то время те, кто упоминал о тюркости, обвинялись царскими властями в связях с младотурками. Напомним, что с 1905 г. в Салониках действовал центр младотурецкого движения, возглавляемый Ниязи-беом и Энвер-беом (Энвер-паша). В 1905 г. просветительское и образовательное движение активно развивалось в Турции, затем в Египте и параллельно в Российской империи. Значимым событием стало составление петиции с просьбой расширить права мусульман. Группа доверенных лиц — А.А. Топчибашев, Агаев, А. Гусейнзаде — должна была довести до сведения правительства требования азербайджанских тюрков. Этот шаг означал решительный настрой населения, веру в то, что проблема может быть решена «сверху» и, несмотря на репрессивную политику царизма, волю к переменам. В петиции говорилось о необходимости прекращения дискриминации мусульман и предоставлении тюркам равных прав с другими народами России: национальных, гражданских, права на культурное развитие. В дальнейшем было направлено еще несколько петиций, в которых

были отражены насущные проблемы мусульман Кавказа: недопущение в различные учебные заведения (медицинские, электротехнические, и др.), ограничение возможностей получения образования на родном языке, ущемление прав мусульманских народов со стороны правительства и, напротив, превосходство христианских народов, необходимость введения земских учреждений на началах полного самоуправления, участие мусульман в земском и городском самоуправлении без ограничений.

Мусульманские народы Кавказа ограничивались в праве свободно проживать и приобретать недвижимость, заниматься торговлей, некоторые слои населения были лишены сословных прав дворян и купцов. Крестьяне нуждались в выкупе крестьянских наделов, малоземельные и безземельные — в наделении землей. Налоги изымались без учета местных реалий и были непосильными. На Кавказе не было суда присяжных, выборного института мировых судей, причем на родном, понятном населению языке. В докладной записке депутация представила ряд мер, необходимых для улучшения положения мусульман на Кавказе. К сентябрю 1905 г. мусульмане Южного Кавказа направили царю 486 петиций с просьбой отменить ограничения в отношении мусульман и мусульманского духовенства.

В связи с растущим революционным и национально-освободительным движением представители Бакинской Думы на заседании 8 марта 1905 г. решили направить своих представителей на Особое совещание под председательством Булыгина, чтобы рассказать о ситуации на Южном Кавказе. По инициативе Агаева, Бакинская Дума постановила направить телеграммы городским главам Дербента, Темир-Хан-Шуры и других городов с предложением присоединиться к этому решению ³.

В середине августа 1905 г. в Нижнем Новгороде начал свою работу I съезд мусульман России, на котором было принято решение о создании партии «Иттифаги-муслимин» («Всероссийский мусульманский союз»), звучали призывы к единению мусульман Российской империи и т.д. Представители тюркской общности наняли волжский пассажирский пароход и 15 августа на его борту провели свой первый съезд («мугтабар меджлис»). На нем звучала идея объединения тюрков-мусульман и образования мусульманской партии. Была сформулирована проблема «единой нации», под которой понималось единство тюркских народов. Формулировка понятия «нация» в такой плоскости означала отказ от отождествления нации и религиозной принадлежности, что свидетельствовало о желании придать объединению светский характер.

Надо отметить, что и в самой Османской империи произошли кардинальные перемены: султан Абдул-Хамид был отстранен от власти в апреле 1909 г., а вместе с ним отошли на второй план идеи исламизма и наиболее актуальными стали идеи тюркизма, поддержанные младотурками. Идея тюркизма стала их международным приоритетом. Все это нашло отклик в среде российских тюрков-мусульман, в том числе в Азербайджане и на Северном Кавказе.

Реформаторство в сфере образования также было продуктом российской действительности. В 1883 г. по идее известного крымско-татарского общественного деятеля и публициста Исмаилбека Гаспринского в Крыму открылась первая реформированная школа. В ней преподавали по новому методу арабский алфавит и целый ряд светских предметов: историю, алгебру и др. Новый метод школьного образования назывался «усул джадид». Введение изменений в систему образования и образ жизни вызвало недовольство консервативного духовенства ⁴.

Такого рода учебные заведения стали открываться во всех частях Российской империи, в том числе в Азербайджане и на Северном Кавказе. Последова-

тели джадидизма стремились к обновлению общественной жизни, требовали проведения преобразований во всех сферах жизнедеятельности и культуры. Главной их целью было создание культурно-просветительских учреждений, развитие национальных языков, печатание книг, журналов и газет на национальных языках. Огромную роль в жизни и просвещении мусульманского населения Российской империи сыграла газета «Экинчи» («Пахарь») — первая в России газета, издававшаяся на азербайджанском языке Гасан беком Зардаби (Меликовым) в 1785 году ⁵.

В начале XX в. в Кубанской области появились новометодные школы, созданные молодыми духовными лицами, получившими образование в Османском университете, в Каире, Казани и Уфе. Количество светских предметов в таких школах было увеличено ⁶.

На Кавказе российская администрация отмечала формирование группы лиц, имевших среднее и высшее образование, «стремящихся изобразить собою местную мусульманскую интеллигенцию и оказывать непосредственное влияние на самое управление областью» ⁷. Во главе дагестанской группы стоял основатель просветительского общества чиновник особых поручений IV класса при Наместнике Кавказском Асельдор Казаналипов. Проводниками национального светского образования в Дагестане стали Мухаммад Кади Дибиров, Абу-супьян Акаев, Али Акаев и другие. Власти опасались, что местные мусульмане, получив образование, смогут вытеснить русскую администрацию ⁸.

Формировалась прослойка светски образованных людей. Это были дети горцев, отданные в пансионы, где они обучались 10 лет, впитывая в себя европейскую, российскую культуру, получали помимо общих знаний представления о мире и науке, также сведения о своей земле и народе.

На формирование северокавказской интеллигенции огромное влияние оказало открытие специального горского отделения для учащихся-горцев в Ставропольской мужской гимназии ⁹, реального училища и женской гимназии в Темир-Хан-Шуре, городского училища и женской гимназии в Дербенте. Немаловажную роль сыграло открытое в Темир-Хан-Шуре в 1905 г. «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» (председатель — П.Эмиров) ¹⁰.

Во второй половине XIX в. были открыты Нальчикское благотворительное общество, Общество образования горцев Северного Кавказа, Черкесское благотворительное общество. В начале XX в. осуществляли свою деятельность Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа и Кружок кабардино-горской молодежи ¹¹.

В учебных заведениях создавались студенческие землячества. Молодежь впитывала идеи и взгляды просветителей, изучала историю европейских стран, узнавала много нового и доселе неизвестного. Часть этой молодежи стала разделять националистические взгляды, часть — социалистические. Некоторые горцы обучались в военно-учебных заведениях. По оценке современника, именно этим выпускникам-офицерам были присущи монархические взгляды. В дальнейшем все это повлияло на образование двух течений в горской военно-интеллигентской среде.

В 1910 г. арабист и туркофил Магомед Кади Дибиров приступил к обучению детей в Дагестане тюркскому языку. Дибиров и дагестанский печатник Магомед Мирза Мавраев активно способствовали распространению тюркских газет и журналов ¹².

В Азербайджане жили и работали деятели культуры различных национальностей: ингуши — просветитель Адиль-Гирей Долгиев, этнограф, краевед и фольклорист Чах Ахриев, народный учитель Таштемир Эльдарханов, чеченец — композитор, педагог Муслим Магомаев и другие. Надо отметить, что дети

заслуженных горцев и некоторые дагестанские мусульмане по выбору военного губернатора, а с 1905 г. — Наместника — могли получать образование в училищах Темир-Хан-Шуры, Ставрополя и Баку. Разные просветительско-благотворительные общества и отдельные зажиточные татары открывали в Дагестанской области школы с преподаванием на татарском языке и национальные типографии, распространяли среди населения газеты на татарском языке о Кавказе. В Темир-Хан-Шуре функционировала подобная школа с общежитием для мальчиков, приехавших со всего Дагестана. Власти даже опасались, что начнется «отатаривание» всего Нагорного Дагестана. Азербайджанский меценат Г.З. Тагиев основал в Темир-Хан-Шуре аналогичную школу. В ней обучение осуществляли мусульманские преподаватели, получившие образование в Стамбуле¹³.

В Бакинском четырехгодичном русско-мусульманском Александрийском женском училище, открытом в 1898 г. Тагиевым, получили образование аварки П. Маликова, А. Карнаилова, табасаранка Ф. Табасаранская, лезгинка Ш. Алкадарская, кумычка Казиханова, И. Гайдарова из Дербента и другие. Все они по возвращении в Дагестан стали преподавателями местных школ. Воспитанник Тагиева Н. Шахсуворов на его средства в июне 1917 г. открыл в Темир-Хан-Шуре педагогические курсы по подготовке учителей для азербайджанских школ. Курсы посещали около 200 чел. со всех округов Дагестана. Благодаря Тагиеву, в ноябре того же года в городе был открыт первый педагогический институт. Надо отметить и тот факт, что училища Дагестанской области подчинялись Бакинской дирекции народных училищ, которая, в свою очередь, подчинялась Кавказскому учебному округу¹⁴.

Азербайджанцы учились не только в Баку, но и в Тифлисе и на Северном Кавказе. Так, при Горийской и Закавказской учительских семинариях действовали азербайджанские отделения, в Дагестане функционировали русско-азербайджанские школы Бакинского-Дагестанской дирекции народных училищ (именуемые в то время татарскими). Преподавание велось по учебникам «Ветен дили» («Родная речь» А. Черняевского), «Ушаг бахчасы» («Детский сад» Р. Эфендиева), «Тарих мугеддеси» («Священная история» Кочарлинского, Эфендиева, Смирнова)¹⁵.

По сведениям А. Бенингсена, начиная с 1875 по февраль 1917 г. в Российской империи издавалось 172 наименования мусульманских газет и журналов. Из них большинство — на азербайджанском языке (60) и на языке казанских татар (63), одно — на осетинском и т.д. Более 66% вышедших из печати 435 изданий было опубликовано также на азербайджанском и татарском языках. В Российской империи мусульманский мир был связан «некоторым относительным языковым единством» — тюркским языком¹⁶.

В марте 1917 г. Ставропольское мусульманское общество выпустило воззвание к мусульманам Ставропольской губернии и всего Северного Кавказа. В нем помимо призыва поддержать Временное правительство отмечалось, что, чтобы следовать за образованными людьми Временного правительства и выставить на выборы Учредительного собрания достойных и грамотных людей, надо следовать хадису: «Учитесь от колыбели до могилы, отправляйтесь за знанием, если бы даже оно было в Китае, ибо знание человека есть неистощимое богатство»¹⁷.

20 апреля 1917 г. в Казани начал свою работу Всероссийский съезд учителей-мусульман. А 24—27 апреля там же состоялся Всероссийский съезд мусульманских женщин, в работе которого участвовало 300 делегатов из регионов Кавказа, Поволжья, Крыма, Казахстана, Туркестана и Сибири.

5—12 мая 1917 г. в Баку состоялся 1-й съезд учащихся-мусульман Кавказа. 21 мая они учредили ЦК и фонд учащихся-мусульман Кавказа. ЦК ВМС (Икомус), заседавший в Петрограде, установил с ними связь.

В июне 1917 г. в Чечне возникло Общество распространения просвещения среди чеченцев под началом Эльдарханова¹⁸.

Национальные просветители отвергали суждения о неспособности мусульманских народов к научно-техническому прогрессу. Так, Гасан из Алкадари, Аликбер Гейдаров из Петровска, Максуми и Али Мамед-оглы из Дербента и другие азербайджанские и дагестанские учителя предлагали открыть побольше общеобразовательных, промышленно-технических, сельских учебных заведений¹⁹. Получило широкое распространение движение мусульманских учащихся и учителей России. В начале августа 1917 г. в Казани состоялся Второй всероссийский съезд учащихся-мусульман, на котором был избран Всероссийский центральный мусульманский студенческий комитет. 3—5 августа в Казани также прошел Второй съезд учителей-мусульман. В рамках намеченных действий в Баку с целью сбора пожертвований для строительства школы и мечети прибыла представительница татарского культурно-просветительского и благотворительного общества Д.А. Хамзина (Ростов-на-Дону). КБМОО постановило помочь ростовским мусульманам²⁰. Первыми учителями светских школ были бывшие выпускники медресе.

Постепенно наблюдался переход от религиозной идентичности к этнической, отделению этнического сознания от религиозного. Это прослеживается в трудах А. Бакиханова, М.Ф. Ахундова, М. Казимбека и др. писателей, публицистов, поэтов и общественных деятелей.

Национальная мысль в Азербайджане и на Северном Кавказе трансформировалась от тюркизма до этнического национализма. В Азербайджане понимание единства и солидарности тюрков привело к созданию самостоятельной тюркской (азербайджанской) нации — азербайджанских тюрков, а в перспективе и светского демократического азербайджанского государства.

В северокавказском общественном движении возникли два направления: национально-демократическое и религиозно-освободительное. Северокавказское общество было расколото: на сторонников горского демократического движения и как следствие Горской республики; приверженцев шариатского государства (имамат, эмиратство) и тех, кто выбирал советский строй.

Надо отметить, что на Северном Кавказе ислам в целом играл консолидирующую роль, был залогом культурного единства. Но и среди духовенства наблюдалось разделение на радикальных и прогрессивно настроенных деятелей. Вторая часть выступала за национальное возрождение, культурное развитие, организацию процесса обучения на родном языке, введение в программу духовных учебных заведений светских предметов (географии, арифметики и т.д.). Представителями прогрессивного духовенства были Д. Хатков, М. Набоков, А. Набоков, И. Бекух, Н. Цагов, Х. Гугов, С. Натхо, С. Бахов и другие. Они стояли у истоков превращения медресе в национальные школы у адыгов.

В Кабарде мусульманский просветительский центр возник в Баксане, где в медресе стали преподавать на родном языке. Огромную роль в открытии национальных мусульманских школ играла также кавказская диаспора из Турции. На Северном Кавказе в начале XX в. шел процесс модернизации мусульманского образования и мусульманского сознания, осуществляемый духовной интеллигенцией, позже полностью вытесненный установленной советской властью системой полного светского образования.

Национальная интеллигенция и духовенство стояли у истоков формирования национального самосознания, реализации культурно-просветительских реформ и повышения уровня образованности мусульманского народа.

Примечания

1. ЕМТЫЛЬ З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. — начала 30-х гг. XX в. Краснодар. 2010, с. 84—85.
2. АРШАРУНИ А., ГАБИДУЛЛИН Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М. 1930, с. 12—13.
3. БЕНИНГЕН А. Печать и национальное движение русских мусульман до 1920 года. Баку. 1971.
4. ДОНОГО Х.М. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала. 2011, с. 80.
5. ИСХАКОВ С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М. 2004, с. 10—11.
6. НЕФЛЯШЕВА Н.А. Мусульмане Северо-Западного Кавказа: ислам и власть (20-е гг. XX в.). www.libfl.ru/win/law/islamik/book2004.
7. Государственный архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (ГАПДУПАР), ф. 276, оп. 8, д. 269, л. 197—198.
8. Там же, л. 198—204.
9. Основана в 1837 году. Учащиеся-горцы стали учиться там с 1850 года. Среди выпускников — известные просветители, общественные деятели и деятели культуры: Адиль-Гирей Кешев, Иналуко Тхостов, Кази Атажукин, Ислам Хубиев, Коста Хестагуров, Ильяс Байрамуков, Чах Ахриев, С.Б. Абаев, Садула Ахриев, Саид Халилов, Магомед Кадиев, К.Т. Улагай, Батырбек Шарданов, Чишмай Пшунелов. Подробно см.: ДЖАБАТЫРЕВА Б.К. Роль Ставропольской гимназии в распространении образования среди горцев. В кн.: Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX — первая треть XX вв.). Материалы Четвертых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. Майкоп. 2011, с. 46—52.
10. В это общество входили Д. Даидбеков, А. Казаналипов, Е. Козубский, М. Алиханов-Аварский, его жена Зари-Бика, Т. Кадиев, М. Халилов, Д. Апашев, Х.М. Арацхан и другие. См.: ДОНОГО Х.М. Ук. соч., с. 21—22, 91; ЕМТЫЛЬ З.Я. Ук. соч., с. 86—87. Из адыгов получили образование Б. Шарданов, К. Улагай, братья Айтек и Айдамир Намитоковы, И. Кармов, Г. Чежоков, И. Алтудок и другие.
11. НАПСО М.Д. Истоки дружественных связей русского и северокавказского народов. В кн.: Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1983, с. 28.
12. КОРКМАСОВ А., ДОНОГО Х.М. Полковник Магомед Джафаров: Сборник материалов. Махачкала. 2005, с. 176.
13. ГАПДУПАР, ф. 276, оп. 8, д. 269, л. 65—66, 195—198.
14. ИСХАКОВ С.М. Ук. соч., с. 168; Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб. 1893, ч. 1, с. 13.
15. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР), ф. 309, оп. 2, д. 749, л. 67.
16. БЕНИНГСЕН А. Ук. соч., с. 7, 49—50, 58.
17. Каспий. 1917, № 69.
18. Утро России. 10.V.1917; ИСХАКОВ С.М. Ук. соч., с. 163—165, 183, 206.
19. ГАШИМОВ Р.Р. Арабо-мусульманские культурные традиции и дагестанская интеллигенция во второй половине XIX — начале XX в. Материалы региональной научно-практической конференции в рамках недели студенческой науки. Социальные проблемы государства. Хасавюрт. 2010, с. 32—34.
20. ИСХАКОВ С.М. Ук. соч., с. 244; Каспий. 1917, № 197.

Священная Римская империя в раннее Новое время (1495—1806 гг.).

Ю.Е. Ивонин

Двухсотлетний юбилей конца Священной Римской империи или, как ее чаще теперь называют, Старой империи, широко отмечавшийся в Германии в 2006 г., способствовал организации ряда выставок и публикации многочисленных обобщающих и специальных трудов, напомнивших о ее истории, как в целом, так и особенно в раннее Новое время. Для Германии и ее соседей объективная и научно обоснованная история Старой империи важна как показатель отказа от имперских амбиций и конца немецкой идеологии, в которой Старая империя фигурировала в качестве главного препятствия на пути создания национального немецкого государства, согласно критериям государственности эпохи модерна. Характеризуя работы последних лет, авторы обзорных статей В. Хехбергер и Х. Карл отмечают плюрализм мнений и концепций, существующих в современной историографии, которые оценивают Старую империю, то как основу миропорядка в Центральной Европе, то как ленную систему, то как носительницу «третьего пути» Германии, то с точки зрения двойной государственности, то есть дуализма Империи и территориальных государств. Во всяком случае, часто звучит мнение о Старой империи как предшественнице федеративной системы современной Германии. Постоянный рейхстаг в Регенсбурге рассматривается как «парламент Старой империи». После «печальных опытов» национал-социализма и второй мировой войны Старая империя стала более привлекательной, так как не была ни сильным централизованным, ни национальным государством. Представления о Священной Римской империи в раннее Новое время в последние три десятилетия прошлого столетия и в начале XXI в. подверглись радикальному пересмотру в немецкой историографии, во многом благодаря усилиям таких крупных историков, как К.О. фон Аретин, Ф. Шуберт, Ф. Пресс, Х. Шиллинг, Х. Духхардт, А. Шиндлинг, В. Циглер, Г. Шмидт, Б. Штольберг-Рилингер, А. Готтхард¹.

Последствия поражения Германии во второй мировой войне привели к переосмыслению и переоценке господствовавших в немецкой историографии второй половины XIX — первой половины XX в. постулатов малогерманской (боруссианистской или прусскоцентристской) историографии, негативно оценивавших Священную Римскую империю как препятствие на пути создания германского национального государства в форме нации-государства и апологетизировавших роль Пруссии как спасителя немецкого народа и объединителя Германии. «Национальный» блеск Священной Римской империи «германской нации» изрядно потускнел, и было выяснено,

Ивонин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

что национальное находилось в рудиментарном состоянии. В XVIII в. в документах имперского придворного суда (Reichshofrat) упоминались понятия «Священная империя», «Римская империя», «Священная Римская империя», но не «Германская империя», отмечает фон Аретин. По сути дела, не все проблемы Старой империи были решены в конце раннего Нового времени. Сохранившийся в XIX в. индивидуальный характер отдельных территорий это хорошо доказывает. Л. фон Ранке рассматривал созданный по инициативе прусского короля Фридриха II Княжеский Союз 1785 г. как предтечу малогерманской национально-государственной концепции под водительством Пруссии. Эта мысль была развита И.Г. Дройзеном, Г. фон Трейчке и другими апологетами малогерманской историографии.

Сама по себе длительность существования Священной Римской империи на протяжении восьми столетий доказывает ее способность приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, несмотря на стабильность политической системы и отсутствие революций. Сторонники имперского и германского федерализма рассматривали Империю как посредника в отношениях между территориями и защищали имперскую конституцию, особенно от посягательств на нее со стороны Австрии и Пруссии. Дискуссии, происходившие в последние десятилетия, достаточно ясно показали доминанту в определении Старой империи. Она не была государством, не была нацией, не была абсолютной монархией. Американский историк Д. Шихан настаивает на том, с чем не соглашается ряд германских историков, — что она не была «международной организацией», а была явлением ушедшего мира без политического значения. В XVIII в. наиболее четко сформировалось представление об идеале Старой империи как иерархической федерации различных типов малых государств².

Это соображение тем более важно, что австрийская великогерманская школа рассматривала Австрию как носительницу средневековых имперских традиций. Разумеется, об объективности этой школы говорить не приходится, хотя ее представители указывали на то, что нельзя рассматривать имперскую политику средневековья и начала Нового времени исходя из представлений XIX в. о нациях и национальных интересах. Давая оценку состоянию немецкоязычной (германской и австрийской) историографии XIX — первой половины XX в. по интересующей нас проблеме, современный немецкий историк В. Шульце и американец Т. Брэди отмечают, что конфликт между протестантской Пруссией и католической Австрией, а также подъем Пруссии в значительной степени повлияли на оценки Реформации, Контрреформации и Тридцатилетней войны, суть которых сводилась к утверждениям о том, что без протестантского и антиимператорского происхождения прусского государства не было бы «нашей новой Германской империи». Мало того, во времена Третьего Рейха имело место отождествление Старой империи и германского национального государства. Как бы в противовес этим устаревшим идеям Брэди пишет, что Реформация не изменила характер немецкого партикуляризма и направления, в котором он развивался, не усилила германские национальные чувства за счет локального (территориального) патриотизма, а союз протестантских князей Германии эпохи Реформации (Шмалькальденский союз) никогда не выходил за рамки имперской конституции. Г.А. Винклер, в свою очередь, отмечает, что Германия стала позднее Франции и Англии национальным государством, а еще позднее — демократическим, вследствие ряда особенностей германской истории, главными из которых были Реформация и австро-прусская дуализм. Задавая вопрос, чем была Германия в 1800 г., Х.-У. Велер пишет, что Германия не была ни государством, ни даже географическим единством, тем более политической нацией — наподобие тех, что образовались к тому времени в США и Франции. Так называемые «естественные границы» в фатальной мифе национализма и его псевдонаучной геополитики относительно Германии в то время отсутствовали, а языковое пространство «распространялось по всем небесным направлениям в неопределенность». Тем более, что немецкие интеллектуалы, например, Гёте и Шиллер, еще в 1796 г. скептически относились к возможности создания в Германии национального государства, а Шиллер писал, что Германская империя и германская нация — это две разные вещи. Тридцать лет назад Й. Виллмс в книге с характерным названием «Национализм без нации. Германская история от 1789 до 1914 г.», характеризуя национализм как великий исторический

миф эпохи модерна, который оставил глубокую печать на германской истории XIX в., отметил в первую очередь универсализм Старой империи и ее роль как гаранта стабильности европейского порядка после Вестфальского мира 1648 года ³.

Что же в реальности представляла собой Священная Римская империя в раннее Новое время в свете современных исследований? В 2006 г. на сайте Google было отмечено около 60 тыс. наименований работ по этой тематике, и за последние годы это число значительно увеличилось. С 1495 г. Старую империю нельзя рассматривать только с точки зрения дуализма между императором и имперскими чинами (сословиями) или как проблему «император и Империя», отмечают авторы предисловия и редакторы «Книги для чтения по Старой империи» С. Вендерот и З. Вестфаль. Но, может быть, пользуясь определениями ее современников в раннее Новое время (выдающийся немецкий юрист, историк и публицист Самуэль фон Пуфендорф и картограф Себастьян Мюнстер) называть ее или «бесформенным монстром» или «парадизом» соответственно? С какого времени можно говорить о движении Германии по западному пути развития государства или продолжать настаивать на ее «особом пути»? И можно ли называть Священную Римскую империю государством и, если не государством, то как? Насколько соответствовала истине сложная и неуклюжая формулировка «Священная Римская империя германской нации», если в Империю в разное время входили Нидерланды, Богемия (Чехия), Швейцарский союз, франкофонские территории по границам с Францией, итальянские лены и т.д.? ⁴

Следует заметить, что для большинства современных немецких и австрийских историков, особенно католически ориентированных, Старая империя представляет собой образец федералистской государственности с политическим, культурным и религиозным разнообразием в отличие от национально ориентированного германского государства и германского национализма, принесшего, подчеркивает К.П. Хартманн, так много несчастья миру. Он же предлагает характеризовать Священную Римскую империю с 1648 г. Средней Европой регионов (Mitteleuropa der Regionen), для которой были свойственны конфессиональное, этническое и языковое разнообразие и связанные с этим культурный расцвет и культурные различия территорий. Но вследствие усиления региональных властей и Реформации, укрепившей их позиции, универсализм и единство веры были ослаблены, хотя это не означало упадка Империи, сумевшей существовать при конфессиональном многообразии, сохранившемся до нашего времени в Германии ⁵.

Как замечает К. Малеттке, констатация того, что Империя не имела четко обозначенных границ, это анахронизм, исходящий из модели территориального суверенитета государства Нового времени, не учитывающий специфических структур политической организации Империи, тем более что ее властные структуры не были однородными. Многочисленные религиозные и правовые конфликты часто могли парализовать юрисдикцию Империи и рейхстага, в чем немалую роль играли противоречия между монархическим принципом и свободами имперских чинов, которые неоднократно могли консолидироваться, усиливая свои позиции за счет императора. Это обстоятельство лишний раз показывает очень сложные отношения между императорами и имперскими чинами, что исключало движение имперских властей к абсолютной монархии на уровне Империи, но оставляло свободу для формирования абсолютизма на территориальном уровне ⁶.

Территориально-государственная структура Империи была такова, что по соседству оказывались республиканские (вольные и имперские города) и монархические формы правления. Территории объединялись в 10 имперских округов, решавших политические проблемы на территориальном уровне, но, вероятно, самое важное заключалось в том, что имперская конституция гарантировала безопасность средним и малым имперским чинам от посягательств со стороны крупных чинов, а постоянный рейхстаг и имперские суды являлись инстанциями, способными мирно улаживать спорные вопросы. Два конфликта Империи, то есть конфликт между князьями и императором и между князьями и городами, закончились достаточно эффективной победой князей, подчинивших города на своих территориях, ослабивших власть императоров, но сохранивших Империю как федеративную систему ⁷.

Государственность раннего Нового времени развивалась в Империи на уровне территориальных государств, не только Австрии и Пруссии, но и Баварии и т.д. под общей крышей Империи. Другой чертой Империи являлась ее поликонфессиональность, позволявшая протестантскому меньшинству (имеется в виду количество имперских чинов в рейхстагах) сохранять свою религиозную идентичность, гарантированную имперской конституцией. Здесь нужно упомянуть о том, что часто приводимые сторонниками малогерманской историографии цитаты из произведений Ульриха фон Гуттена, Ипполитуса а Лапиде (Богислав фон Хемниц) и многих протестантских публицистов с критикой в адрес Империи можно сопоставить с не менее, если не более многочисленными цитатами из произведений имперских публицистов, например, Лазаря фон Швенди или Готфрида Вильгельма Лейбница, лютеранина по происхождению. Тем более, что с конца XVI в. в работах немецких профессоров права начинают теоретически обосновываться принципы федеративного устройства Империи, особенно в XVIII в. в трудах Иоганна Якоба Мозера⁸.

Необходимо подчеркнуть также, что опора на гуманистов в оценке «немецкости» истории Священной Римской империи в раннее Новое время оказывается довольно шаткой, поскольку, как отмечает современный немецкий историк Р. Бабель, она во многом отмечена знаком антагонизма между Францией и Габсбургами в XVI — первой половине XVII в., то есть между относительно сложившейся «национальной» монархией и верховным главой «европейского масштаба» династического союза государей, к которому принадлежала также и Империя. Противники императора Карла V оценивали концепцию универсальной монархии скорее с пропагандистских позиций, делая ее синонимом стремления к неограниченному господству. Поэтому для Франции ведущей линией разрушения основы державы Габсбургов была борьба против универсальной монархии вплоть до Вестфальского мира 1648 г. и Пиренейского мира 1659 года. Типичная для Франции сильно развитая идентичность монарха и нации для Империи не подходила. Но зато можно было говорить о «Германии» в культурном контексте XVI в., опираясь при этом на пример Франции, при том, что Империя имела значительную негерманскую часть, а ее чинов, по крайней мере, наиболее сильные из них, могли стать участниками антигабсбургской и антиимператорской политики Франции. Действия Франции в первой половине XVII в., особенно во время министерства Ришелье, велись под знаменем борьбы против универсальной монархии Дома Габсбургов. Что касается Германии, то здесь, в отличие от Франции, не было полного равенства между политической организацией и нацией, но понятие «Священной Римской империи германской нации» указывало на тесную связь между Империей и германской нацией и гордость за Империю, ее сакральную легитимацию, а также призыв к солидарности имперских чинов с императором.

Концентрировавшаяся на австрийских родовых владениях, части бургундских земель и Испании держава Габсбургов была противоположностью французскому королевству. На рубеже XV—XVI вв. в трудах немецких гуманистов на примере Франции создавалась конструкция коллективной памяти нации на основе ее происхождения с исходным пунктом в виде «Германии» Тацита и идеей восходящей к древним германцам общей этнической, языковой и культурно-цивилизационной принадлежности. В трудах многих немецких гуманистов эта идея имела целью отделение от римского и вообще романского, с явным намеком на французское. А в произведениях гуманистов типа Ульриха фон Гуттена и Якоба Вимпфелинга идея тесного родства германцев Тацита и современных им жителей Германии носит откровенно антиримский характер. Чуть позже антиримские призывы зазвучали в лютеровской Реформации, в чем можно также увидеть национальные моменты.

Но самое главное в этих спорах заключалось, подчеркивает Бабель, не просто в поисках германской этнической идентичности, а в том, могут ли франки идентифицироваться с французами, поскольку император Карл Великий имел германское происхождение, и вообще галлы «не могли быть римскими королями», так как принадлежали к отличной от германцев нации, следовательно, французские короли не имели никаких прав на земли по течению Рейна. В итоге, пишет Бабель, «спор с историей вел немецких гуманистов не только к историческому

портрету «германской нации» с двойной подкладкой, но там, где дело касалось общего корня германского и французского прошлого, к усиленному отграничению обоих обществ». В дополнение к подобному мифотворчеству немцы и французы начали создавать негативные образы друг друга. К этому добавился еще один, совсем не новый аргумент о том, что французский король подавляет свободы своих подданных, добавивший еще больше остроты в феномен «наследственной вражды» между немцами и французами, нашедшей еще более сильное выражение в эпоху Людовика XIV. Еще ранее, в XIV и XV вв., юристами была создана теория о передаче римским папой Львом III через Карла Великого титула римского императора от греков к немцам. Французские юристы доказывали «французскость» Карла Великого, тогда как немецкие, напротив, — идею передачи Римской империи (*Translatio Imperii*) немцам. Эти споры продолжались в первой половине XVI в., когда даже французского короля Франциска I называли потомком немцев на том основании, что франки вышли из Германии. Карл Габсбург, не будучи еще избранным императором, вынужден был доказывать свое происхождение от немцев. Таким образом, мифотворчество в концепции Священной Римской империи германской нации оказалось тесно связанным с политическим соперничеством⁹.

Можно также добавить суждение В. Демеля о том, что национализм, появившийся в результате Французской революции, преодолевал «Landespatritismus» (земельный патриотизм) и космополитизм эпохи Просвещения. С другой стороны, срединное положение Старой империи и Германии в Европе оставляло две ее границы незащищенными, потенциально делая их и захватчицами, и жертвой. Кроме того, исторический опыт, пишет американский историк С. Озмент, заставлял немцев больше бояться анархии, чем тирании¹⁰.

В учениях имперских публицистов о Священной Римской империи германской нации «римское» занимало достаточно большое место, причем не столько в претензиях на континуитет от Римской империи или империи Карла Великого, сколько в представлениях об основах государственного римско-германского права. Именно в правовой сфере государственное римско-германское право становилось ответом на вопрос о характере Старой империи. Вопрос о так называемом «*Translatio Imperii*» многократно дискутировался в публицистике. Защитники католической церкви и имперского универсализма настаивали на том, что Священная Римская империя представляет собой наилучший образец политического и юридического устройства для всего мира¹¹.

Обычно идею создания универсальной католической империи приписывают канцлеру императора Карла V (с 1518 г.) итальянцу, выходцу из Пьемонта Меркурино ди Гаттинаре, поклоннику идей Данте и Эразма Роттердамского. Идеология «универсальной монархии» и ее конкретная реализация была по большей части делом Гаттинаре при прямой и постоянной поддержке Карла V. Эта идея определенно строилась на представлениях Гаттинаре о Римской империи и христианском экуменизме, которые в сочетании друг с другом образовывали конструкцию универсализма и единства через римское право и образ мышления сторонников Империи в Италии. Центром ее, в видении Гаттинаре, должна была быть Италия — «сад Империи». Защитником христианства, согласно идеям Гаттинаре, должен был стать император Священной Римской империи. Но как бы то ни было, Священная Римская империя была примером высокоорганизованного, широко интегрированного государственного сообщества, основанного на принципах международного права с четкой правовой природой как нетипичного союза государств, сохранявшего специфику средневекового ленного государства. В XVIII в. чаще стало появляться понятие «Германская империя» без приставки «священная», что означало очевидный процесс секуляризации Священной Римской империи, несмотря на претензии императоров на исполнение роли защитников христианства и церкви. Но вряд ли можно назвать, как это делает А. Бушманн, Старую империю действительным государством, хотя бы потому, что в ней отсутствовала эффективная исполнительная власть¹².

После 1648 г. Империя не была ни союзным государством с федералистской конституцией, поскольку имперские чины были больше, чем автономными провинциями, ни союзом государств, поскольку даже крупные имперские чины не достигли полного суверенитета, подчер-

кивает Х. Духхардт. Другой немецкий историк Ф. Босбах назвал универсальную монархию ведущим политическим понятием раннего Нового времени и проследил историю его происхождения и эволюции от средневековья до конца эпохи Просвещения. Действительно, понятие универсальной монархии было существенным фактором в отношениях между коалициями европейских государств, играя ключевую роль в габсбургско-французских противоречиях и происходя из природы династического государства. Собственно, на династической основе формировалась в целом система габсбургских владений в Европе, корни которой возникли в средние века. Римское папство и Империя были воплощением универсалистских политических сил. Поэтому с избранием Карла V императором идея универсальной монархии приобрела конкретные очертания.

Интересный подход в духе своей миросистемной теории предлагает известный американский социолог И. Валлерстайн, который считает, что политика Карла V была попыткой «поглотить всю европейскую мирозкономику в систему своей империи», то есть создать мир-империю. Но его противники увидели в этой идее средство установления господства императора над другими государями и тиранию и обвиняли Габсбургов в универсализме. Они считали стремление Дома Габсбургов к универсальной монархии главной причиной Тридцатилетней войны. После войны подобные обвинения служили средством интерпретации политики Людовика XIV и ее несправедливого характера, а затем, в начале второй половины XVIII в., в духе уже сложившейся традиции — как результат соперничества за преобладание между европейскими государствами¹³.

Но была ли Старая империя универсальной монархией в полном смысле этого слова? Отвечая на этот вопрос, надо, прежде всего, акцентировать внимание на типе ее государственности. Вообще Старая империя имела как бы трехуровневую государственность: Империя, которая не была государством в полном смысле этого слова, территориальные княжества и вольные имперские города, а также комплекс родовых владений Габсбургов, ставший основой Австрийской империи. На мой взгляд, прав Шиллинг, считающий Старую империю скорее частично модернизированной имперской системой, имперским союзом территориальных государств, то есть федерацией или конфедерацией с избираемым императором. Поэтому говорить об имперском государстве и о германской культурной нации как ее основе в духе Ф. Мейнеке или Шмидта было бы не совсем корректно¹⁴.

Упоминание работ Шмидта совсем не случайно, поскольку публикация им ряда статей и в 1999 г. книги «История Старой империи. Государство и нация 1495—1806 гг.» вызвала не прекратившуюся до сих пор дискуссию, в ходе которой многие немецкие историки достаточно серьезно критиковали основные положения его концепции. Шмидт, развивая некоторые положения Мейнеке, отмечает, что Империя была идеей, иерархической структурой и государственно-политической программой, в которой сочетались и противоречили друг другу римская традиция и немецкая реальность. Он выделяет следующие представления о Священной Римской империи раннего Нового времени: 1) западноевропейская универсальная христианская империя как стоящий над государствами правовой орган; 2) имперский ленный союз в границах средневековой Германской империи, управляемый из императорского двора; 3) сконцентрированная на немецких чинах и землях Империя; 4) ядро Империи, сосредоточенное в землях Швабии, Франконии и рейнских территориях. Империя с немецким ядром, как пишет Шмидт, переживала в позднее средневековье процесс концентрации в территориях к северу от Альп: «Империя германской нации была в конце средневековья империей императора, курфюрстов и большинства верхненемецких чинов». Именно это образование Шмидт называет комплементарной государственностью, конкретизирующей государственность Германии и отличающей ее от других наций. На вопрос о том, была ли Реформация причиной раскола Империи, он отвечает следующим образом: у Лютера не было национальной немецкой программы, это была программа разрыва с Римом, требовавшая определенных религиозных правил для Германии. Но ее превратили в таковую радикалы и гуманисты вроде Ульриха фон Гуттена, рассматривавшего германцев Тацита как предшественников немцев¹⁵.

Книга Шмидта вызвала несколько болезненную реакцию многих немецких историков, прежде всего Шиллинга и Й. Буркхардта. Шиллинг решительно выступил против тезиса о комплементарном имперском государстве и национальном самосознании немцев раннего Нового времени. Очевидно, как подчеркивает Шиллинг, Шмидт и его помощники вдохновились идеями объединения Германии 1990 г. и преувеличили степень национального самосознания в Германии раннего Нового времени, тогда как правильнее было бы говорить о времени до середины XVIII в. как преобладания имперского, а не национального патриотизма. В итоге вырисовывается достаточно опасная тенденция к восстановлению некоторых постулатов малогерманской национально-государственной историографии XIX — первой половины XX в., смысл которых заключается в усматривании государства в предгосударственных формах Старой империи. Эта тенденция, замечает Шиллинг, может вызвать опасения со стороны европейских соседей Германии. Последнее замечание небезосновательно, так как в мае 2000 г. тогдашний министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Шевенман в своем выступлении по поводу рассуждений министра иностранных дел ФРГ Йозефа Фишера о европейской федерации заметил, что немцы все еще мечтают о Священной Римской империи, что они еще не излечились от отклонения, которым в их истории был нацизм¹⁶.

Свои аргументы Шмидт повторил в выступлении на проходившей 25—27 сентября 2001 г. в Институте европейской истории в Майнце конференции. В следующем году вышел в свет объемистый сборник статей по материалам конференции, научный редактор которого М. Шнеттгер подчеркнул, что вследствие объединения Германии в 1990 г. наметилась некоторая смена приоритетов в изучении Старой империи. Поиски парламентаризма, правового государства и федерализма у ряда историков сменились акцентами на «немецкое» в Империи и рекламирование Старой империи как предшественницы объединенного германского государства, что особенно характерно для книги Шмидта. Большинство участников конференции не поддержало позицию Шмидта, считая, что Старая империя не была государством в полном смысле этого слова, тем более, национальным. В выступлениях Дюамеля, Шнеттгера, Буркхардта, Шиллинга, Вреде, Штольберг-Рилингер и др. подчеркивалось, что в итальянских ленах Империи существовало восприятие этих земель как части Империи, а не Германии, что французские и голландские современники Старой империи рассматривали ее как систему, отличную от западноевропейских государств.

Критика концепции Шмидта продолжается до сегодняшнего дня. Сам Шмидт в своих последних работах смягчил концепцию «комплементарного имперского государства», которое было «убито» после Семилетней войны 1756—1763 гг. немецким дуализмом (австро-прусским) и Наполеоном. Но все же, пишет он, усилился национальный дух и патриотизм, который сохранял немецкую нацию и ее федеративное единство. Однако Шмидт противоречит самому себе, когда в заключительных абзацах книги о Германии XVIII в. подчеркивает, что с концом Империи закончилась и Старая Пруссия, а Австрия начала выделяться из Германии. Суть дела заключается в том, что выделение Австрии началось раньше¹⁷.

Разумеется, и Германия, и германский национализм имели глубокие исторические и культурные корни, но до эпохи модернизации, согласно ставшему уже достаточно распространенному мнению, германского национализма не существовало. Следовательно, прав О. Данн, утверждая, что именно после 1806 г., когда объявили о своем суверенитете Бавария, Баден, Вюртемберг и ряд других средних германских княжеств и была распущена Священная Римская империя, идея централизации стала доминирующей силой Германии. Как подчеркивают Д. Лангевитше и Данн, рождение германского национального государства в результате политики и войн эпохи Бисмарка и возникшего на этой почве мифа о единстве германской нации и германского государства отодвинули в конце XIX в. воспоминания о федеративных корнях немецкой нации. Даже в первой половине XIX в. немцы имели как бы двойную национальность — они были пруссаками, саксонцами, баварцами, гессенцами и только затем «немцами». Заметим, что все эти региональные самовосприятия сохраняются в германской политической культуре по сей день. Крупный историк права М. Штолльвайс отмечает, что имперский патриотизм конца

XVIII в. существенно отличался от энтузиазма гуманистов начала XVI в. и патриотизма времен Тридцатилетней войны и войн эпохи Людовика XIV, воплощаясь в империю не политическую, а в «империю в идее» (Фридрих Шиллер). Немудрено, что Шиллер в конце XVIII в. восклицал: «Германия? Но где она находится? Я не знаю, где найти эту страну...»¹⁸.

Сторонники кельнской школы во главе с Т. Шидером и его учениками особо подчеркивали, что носителями идеи «национального государства» в раннее Новое время были королевская власть, дворянство и находившиеся на государственной службе представители бюргерства и буржуазии. В то же время они отмечали, что не любивший немецкую литературу Фридрих II Прусский вряд ли мог стать воплощением национального духа и тем более идеи национального государства, а идея строительства культурной нации в творчестве Иоганна Готфрида Гердера и Фридриха Готлиба Клопштока впоследствии стала не только мифом, но и была сильно эстетизирована¹⁹. Данн и М. Грох акцентируют внимание, прежде всего, на том, что Священная Римская империя не была государством Нового времени. Как сама Старая империя не могла быть модернизирована в духе национального государства, так и Пруссия и Австрия не могли стать в конце ее существования основой для формирования национального государства по западной модели в силу преобладания имперского и территориального патриотизма, возможности и влияние которого долгое время не были исчерпаны. Мало того, национальная идентичность в Старой империи вплоть до начала XIX в. существовала преимущественно в кругах интеллигенции, тогда как для основной массы населения были характерны конфессиональная и территориальная самоидентификации²⁰.

Любопытный факт: в XV в. в Риме воспринимали как немцев всех жителей Священной Римской империи, включая Нидерланды, Богемию, Швейцарский союз и так далее²¹. В современной литературе существует понятие «гипотеза Тацита», под которой подразумевается идущее от немецких гуманистов (Якоб Вимпфелинг, Ульрих фон Гуттен и др.) ложное мнение о том, что правильно понять часть германской истории, можно только возвращаясь к «Германии» Корнелия Тацита²². Примером того, как могли создаваться германские национальные исторические мифы, является творчество баварского гуманиста Иоганна Авентина²³.

Действительно, в границах Священной Римской империи говорили на разных вариантах романских языков (французском, итальянском, ретороманском), нескольких вариантах нижне-немецкого, славянских и т.д., что, как бы то ни было, создавало основу для универсалистских тенденций династии Габсбургов²⁴. Сама идея универсальной христианской империи, которую в разные времена интерпретировали в совершенно различном духе, была построена на мечтах о восстановлении Римской империи, «садом» которой должна была стать Италия. Реформация и религиозные войны первой половины XVI в. подорвали эту идею, но причина крылась не в германском национальном движении, а в углублении тенденций территориализма. Вормский рейхстаг 1521 г., по мнению Шиллинга, на столетия вперед создал основу формирования политики, конституции и общества Нового времени, так как выросшие в течение средневековья основы укрепления структур земельных церквей в процессе создания автономных территориально-княжеских церквей были существенно усилены. Следующим шагом в формировании поликонфессионализма и федерализма в Германии стал Аугсбургский рейхстаг 1555 года. Тем самым, полагает Шиллинг, тот симбиоз религии и культуры, церкви и государства, который господствовал в латинско-христианской Европе, был разрушен, открыв путь к поликонфессионализму раннего Нового времени и плюрализму эпохи модерна. Так бюргерско-реформаторское движение, олицетворением которого был Лютер, стало решающим шагом на пути формирования государственности раннего Нового времени.

Шиллинг приходит к выводу, что вследствие Реформации произошло обновление христианства, а конец универсализма католической церкви в Европе наступил практически одновременно с концом универсализма Священной Римской империи, когда Карл V отрекся от испанской и императорской корон. Но в самой Империи установился поликонфессионализм, отнюдь не мешавший существованию основанной теперь, а особенно после Вестфальского мира 1648 г., на принципе равенства католической и протестантских конфессий имперской конституции и Импе-

рии как аристократической ассоциации имперских чинов. Этот же поликонфессионализм утвердился как в европейской, так и в имперской системе государств. В принципе, конфессиональный век, по замечанию Брэди, продолжался не только до 1870, но и до 1950 года ²⁵.

Религиозные конфликты после 1648 г. улаживались мирными средствами, хотя порой Старая империя находилась на грани новой религиозной войны. Священная Римская империя конца XVII—XVIII в., казалось бы, являлась воплощением германского мирного порядка и европейской стабильности, несмотря на ряд войн. Но это была только видимость. Австрийский историк Г. Хауг-Мориц, изучая отношения протестантских княжеств имперских властей, отметила, что, начиная с конституирования в постоянном рейхстаге в Регенсбурге партии протестантских княжеств и городов под названием *Corpus Evangelicorum* с 1716 г. и далее, конфликты между протестантскими и католическими чинами неоднократно могли перерасти в войны. Временами по этой причине деятельность рейхстага на несколько лет могла парализоваться. Католических чинов было больше, но большинство из них представляли собой маленькие княжества, тогда как протестантский лагерь возглавляли сильные княжества во главе с Бранденбург-Пруссией. Именно подъем Бранденбурга-Пруссии, особенно после Семилетней войны, война за баварское наследство 1778—1779 г., Княжеский союз 1785 г., а также все большая концентрация усилий Габсбургов по укреплению Австрии способствовали начавшемуся распаду Империи, который был ускорен политикой Наполеона. Австро-прусская дуализм стал платформой, на которой Австрия и Пруссия начали формироваться как великие европейские державы. Представитель австрийского императора Франца II в «немецком комитете» на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Петер Антон фон Франк был прав, когда говорил, что с началом Реформации сформировались причины будущего распада Священной Римской империи в виде оппозиции императорам со стороны протестантов, хотя, с другой стороны, он пренебрег фундаментальными изменениями в мультиконфессиональной структуре Империи и соответственно их политическим подтекстом, за которым скрывалось формирование германской «федеративной нации» ²⁶.

Французская революция и наполеоновские войны привели к концу Священной Римской империи. Секуляризация 1803 г, подорвавшая опору Габсбургов в виде католических князей-епископов, создание Рейнского союза 1806 г. и провозглашение суверенитета ряда германских государств, вышедших из Империи, привели, в конечном счете, к отречению императора Франца II от короны Священной Римской империи и ее роспуску. Но говорить о том, что это произошло при полном равнодушии ее жителей, как это делалось в боруцианистской историографии, было бы неправомерно. Подъем Пруссии и возникновение австро-прусского дуализма создали соответственно образ нового имперского врага в лице Пруссии. С другой стороны, Вена и Париж вместе с римским папством в прусской протестантской пропаганде изображались как враги Империи и Германии. Во время Семилетней войны 1756—1763 гг. врагом германской нации усилиями прусской пропаганды становилась и Россия. А характеристика Франции как врага Империи и Германии перешла в XIX в., где к сонму врагов была позже присоединена и Великобритания ²⁷.

Суть дела заключалась еще и в том, что ни страны, ни тем более государства под названием «Германия» не существовало, а в географическом смысле она имела слишком неопределенные границы. Под понятием «нация» имелось в виду политическое сообщество немецких князей. Но вряд ли в силу самой государственно-политической структуры Империи и сильных тенденций территориализма, а не только Реформации, религиозного раскола и слабости имперского рыцарства и имперских городов, как считалось до недавнего времени, движение в направлении создания централизованного государства не получилось. Не совсем обоснованным представляется и утверждение о том, что Реформация расколола немцев и воспрепятствовала утверждению идеи национального единства. Скорее, сама Реформация произошла благодаря территориально-государственной структуре Империи, закрепив идею территориальных отдельных государств и способствуя государственному строительству раннего Нового времени. Три доминирующих черты Священной Римской империи заключались, по замечанию

Брэди, в традиционном, ненациональном характере управления, преобладании малых государств и активном участии в политической жизни трех основных конфессий. По его мнению, «особый путь» («Sonderweg») Германии заключался в том, что только с 1800 г. началось ее движение по образцу западного национального правового государства Нового времени, хотя эта идея оспаривается рядом современных немецких историков, считающих «особый путь» Германии историческим мифом. В итоге, как стоит еще раз повторить, идея культурной общности сформировалась в среде дворянско-буржуазной образованной элиты, начиная с гуманистов конца XV — начала XVI века²⁸. Наиболее значительный интерес к национальному, хотя и в условиях сохранения влияния имперского патриотизма, отмечается со второй половины XVIII века²⁹.

Священная Римская империя так никогда и не стала государством — ни в момент своего возникновения, ни в последующие века³⁰. Более реальным явлением были малые государства (Kleinstaaten) раннего Нового времени как в Германии, так и в имперской Италии, получившие в результате роспуска Старой империи в 1806 г. полный суверенитет, который, вследствие их ограниченных ресурсов и малой территории, был пониженным суверенитетом³¹. Поэтому сохраняет свою актуальность известная фраза Т. Ниппердея — «в начале был Наполеон» — как обозначение водораздела между негосударственной Священной Римской империей германской нации и движением к формированию национального немецкого государства. После ратификации генерального постановления о секуляризации 1803 г. встал вопрос о преобразовании имперской церкви в церкви отдельных земель. Одна из главных опор Габсбургов рухнула, открыв дорогу к светскому суверенитету духовным княжествам.

Уже в тексте Пресбургского мира 26 декабря 1805 г., подписанного вскоре после поражения австро-русской армии при Аустерлице 2 декабря, ни словом не упоминалась Священная Римская империя, а говорилось только о «германской конфедерации». Состоявшееся в Париже 12 июля 1806 г. заключение Рейнского союза открывало его участникам выход из Священной Римской империи. Францем II при отречении от короны императора Священной Римской империи руководили как чувство долга перед Империей, так и страх перед Наполеоном и стремление к миру, а также намерение получить от Франции «наибольшие преимущества для моей монархии».

6 августа 1806 г. Франц II объявил о своем отречении и роспуске рейхстага в Регенсбурге, имперского суда в Вецларе и имперского придворного совета в Вене. «Княжеская» или «территориальная» революция на германской почве привела к новому территориальному порядку под протекторатом двух великих континентальных держав — Франции и России. Но тут надо сделать замечание. Если в XVIII в. два источника власти, экономический и военный, отличали структуры западного общества, то в XIX в., как пишет М. Манн, ими были классы и нации. После наполеоновских войн мир изменился³².

Всплеск интереса к характеру Священной Римской империи усилился в 2006 г. в связи с двухсотлетним юбилеем ее роспуска. Он вызвал волну публикаций в Германии и Австрии. Их главным содержанием и пафосом было стремление окончательно избавиться от наследия малогерманских концепций и взглядов второй половины XIX — первой половины XX в., согласно которым Империя играла негативную роль в истории Германии. Имперское право и имперская конституция претерпели глубокую трансформацию в начале XIX в., замечает К. Хертер в статье для специального юбилейного номера «Новой истории права». Безусловно, продолжает автор, конституция Старой империи едва ли годится для сегодняшней политической аргументации. Но дело в том, что новые исследования показали европейское значение правовой и конституционной системы Старой империи через ее дезинтеграцию в 1806 году. Долгое время в исторической науке конец Империи рассматривался как глубокий разрыв в германской истории, так как Австрия и Пруссия не присоединились к Рейнскому союзу, а имперская конституция потеряла силу. В этом смысле влияние Французской революции, особенно «революционная экспансия», имперская война с Францией и гегемонистская политика Наполеона были внешними факторами разрушения Старой империи. Внутренними факторами являлись австро-прусская дуализм и стремление многочисленных светских чинов к приобретению суверенитета³³.

Тот ренессанс изучения Старой империи, который имел место в последние четыре десятилетия, привел не только к значительным переоценкам ее роли и места в германской и европейской истории, но и в известной мере к изменениям в историческом сознании немецкоязычных народов. Непосредственно темы конца Священной Римской империи касаются статьи В. Бургдорфа «Finis Imperii — Старая империя в конце. Результат долговременных изменений?» и Готтхарда «Император и Империя». Обратим внимание на статью Готтхарда. В ней подчеркивается, что понятие «немецкая нация» сплетено не из мифического германского первобытного времени, а формировалось постепенно и очень медленно, как чувство общей принадлежности. Сама же Старая империя, в рамках которой до 1806 г. существовала германская история, была не больше, чем союзной крышей, члены которой жили своей собственной жизнью, а понятие «германская свобода», относящееся к Империи, подразумевало защиту и возможность координации политики для региональных властей, курфюрстов, князей, графов и магистратов имперских городов. Поэтому имперская политика всегда встречалась с большими трудностями, порождая внутренние имперские кризисы еще до того, как под давлением наполеоновских армий Империя распалась. Но этот бесславный конец, замечает Готтхард, не следует смешивать со всей почти тысячелетней историей Старой империи³⁴. Хартманн в статье в сборнике «Священная Римская империя и ее конец в 1806 г.», пишет, что Священная Римская империя представляла собой образец конфедерации на основе имперского мира и имперского порядка, а с 1648 г. была функционирующей Средней Европой регионов, в которой господствовало политическое, культурное и религиозное разнообразие. Заключительный вывод историка гласит, что распавшаяся в 1806 г. Старая империя представляет в силу своего культурного, политического и религиозного многообразия интересный и побуждающий к мысли объект для изучения в современной Европе³⁵.

Важна и другая проблема, поднятая в уже упоминавшейся полемике Шмидта и Шиллинга. Это — проблема соотношения государства и нации в Священной Римской империи, которую Шмидт в соответствии со своей концепцией «комплементарного» имперского государства видит в существовании федеративного государства на основе немецких и австрийских областей. Его оппоненты во главе с Шиллингом, представляющие большинство современных германских историков, настаивают на том, что Старая империя была предгосударственной и многонациональной политической системой. Пытаясь доказать свою точку зрения, Шмидт подчеркивает, что с такими территориями, как Бургундия, Верхняя Италия и Богемия (Чехия), принадлежавшими другим государствам или существовавшими самостоятельно, как Нидерланды или Швейцарский Союз, ленная система вела к политически бездейственной Империи. Мало того, историк считает, что концепция предгосударственной системы является мифом. Но «комплементарное» имперское государство не зафиксировано в каких-либо правовых и государственных документах, тогда как ленно-правовые отношения между императорами и имперскими чинами четко прослеживаются во всех официальных документах.

Это противоречие Шмидт пытается обойти с помощью старой концепции «германской культурной нации», созданной столетие назад Ф. Мейнеке. Он подвергает сомнению правильность разделения понятий «Империя» и «нация» в современной германской историографии, утверждая, что германская нация сформировалась на основе языка и этногенеза, и ей соответствовало «комплементарное» государство, по сути германское. Эту идею национального государства, по мнению йенского историка, как раз и использовал «дитя революции» Наполеон, хорошо понимавший важность национальной идеи, хотя, как можно было убедиться, Наполеоном скорее использовалась идея территориального суверенитета³⁶. В принципе, в статье Шиллинга с полным основанием утверждается, что Германия раннего нового времени не была готова к государственному строительству на национальном уровне. Идея Шиллинга заключается в том, что международная система государств раннего Нового времени как, собственно, и государственное строительство, относится к особенностям латинско-европейского, то есть западного цивилизационного типа. Продолжая свою мысль, он пишет, что внутреннее государственное строительство, внешняя политика и становление европейских великих держав раннего Нового

времени происходили не только параллельно во времени, но и были тесно связаны между собой, отличаясь в корне от международных отношений эпохи сформировавшихся классических национальных государств XIX века. К критике концепции Шмидта присоединился также В. Рейнхард, решительно настаивавший на том, что Старая империя не была государством не только с точки зрения классических политических категорий, но и с точки зрения современных исследований, показавших, что предшественники германского государства находились на уровне территорий³⁷.

Другой миф малогерманской историографии, как полагает Шиндлинг, заключается в утверждении, что конец Священной Римской империи был неизбежным. Ученый задает кажущийся неисторичным, но в принципе небезосновательный вопрос: а если бы Наполеон потерпел поражение при Аустерлице, последовали бы тогда Пресбургский мир и конец Старой империи? И еще один вопрос: имела ли Империя после генерального заключения имперской делегации 1803 г. о секуляризации церковных княжеств шанс на выживание? Вопросы эти звучат вполне логично, поскольку парадигма малогерманской историографии с 1871 г. была канонизирована в университетах, школьных учебниках и в официальной культурной памяти³⁸.

В отечественной историографии последних лет образ Старой империи в раннее Новое время не имеет одинаковой оценки, что связано как с расхождениями в методологических подходах, так и в степени осведомленности о состоянии современной зарубежной историографии, в результате чего наши историки иногда пользуются далеко не лучшими ее образцами. Не понятно, в частности, чем мотивировалось издание книги малоизвестного французского историка Ф. Раппа, который настаивает на том, что германцы во все время Священной Римской империи ощущали себя единой нацией, а князья «хотели быть частью большого государства», тогда как «триумфальный успех Лютера и выборы Карла V ярко доказывали, что немецкая нация полностью сформировалась, она осознавала свои достоинства и не терпела, когда их недооценивали. Унижения только возбудили ее гордость, а империя стала ее божественным предназначением. Империя создала единый народ из множества народностей»³⁹.

В первом томе трехтомной «Истории Германии» под редакцией Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова отмечается, что Священная Римская империя «оставалась особой формой государства в Европе», которое не было ни федеративным, ни в полной мере конфедеративным, а представляло собой государственно-правовую систему, которая «политически связывала всех ее участников»⁴⁰. А.И. Патрушев в своей книге «Германская история: через тернии тысячелетий» акцентировал конфедеративное устройство Священной Римской империи и формирование абсолютизма на уровне территориальных государств⁴¹. Уже упоминавшийся ранее Прокопьев позиционирует себя как сторонник концепции «комплементарного имперского государства» Шмидта, а в ряде своих последних работ дает оценки Священной Римской империи с точки зрения преимущественно социокультурного подхода, что создает не всегда достаточно адекватное представление о Старой империи. Например, в одной из своих статей он пишет, что «Империя в 1612 г. — содружество и сообщество курфюрстов, т.е. представителей относительно узкого круга влиятельных семейств, без которых немислима сама монархия». Там же можно встретить еще одно определение: «Священная Римская империя — эластичная и очень прочная семейно-олигархическая структура...». И, наконец, «Священная Римская империя в позднее средневековье представляла собой многоступенчатую пирамиду сословий... Современники подразумевали под Империей собственно рейхстаг, собиравший знать и выступавший персональным воплощением Империи». Вряд ли можно признать понимание отношений императоров и чинов «как два базовых полюса общественной организации», так как речь идет о государственно-политической структуре Старой империи. Читатель может быть введен в заблуждение следующим заключением автора: «Германия встретила XVIII в. с окрепшими, испытанными пробую на прочность структурами имперской организации, восстановленными после 1648 года. Немецкие земли были избавлены от тяжкого груза острых религиозных разногласий и получили возможность еще почти сто лет сосуществовать в рамках единого здания Священной Римской империи под державной десницей Габсбургов»⁴². С одной стороны, при-

веденные выше формулировки интересны, но, с другой стороны, они содержат не совсем адекватные представления о Старой империи. Против них говорят постоянные конфликты в рейхстагах между протестантскими и католическими чинами, два из которых едва не привели к войне, австро-прусский дуализм и Семилетняя война 1756—1763 гг., которую в последнее время стали называть «второй Тридцатилетней войной» и в которой по не совсем точным данным Пруссия потеряла 500 тыс. человек. Кроме того, в течение XVIII в. происходило укрепление Австрии как государства и выделение ее из Империи. Вестфальский мир 1648 г. открыл дорогу интернационализации внутриимперских конфликтов и ослабил позиции императоров в Империи, параллельно поспособствовав длительному переключению внимания Вены на юго-восток и формированию Дунайской монархии. Дипломатическая революция или «ниспровержение альянсов» 1756 г., то есть прекращение после более двух с половиной веков конфликта между Габсбургами и Францией, привела к окончательному утверждению Пентархии в европейской политике, в которой двумя крупными игроками из пяти были Австрия и Пруссия⁴³. *Translatio Imperii* завершилось созданием Австрийской империи, унаследовавшей не только символы Священной Римской империи, но и ряд ее проблем.

Старая империя была композитарной, то есть смешанной имперской системой. Как показывают современные исследования в области государственно-правовых систем и государственного строительства Нового времени, ее лучше всего можно понять в терминах транснационального *jus commune* (общее или гражданское право) и наднациональных империй. И в этом смысле Старая империя представляет собой образцовый случай для изучения, поскольку она состояла из территорий с различными языками, религиями и культурами, связанных между собой феодально-ленными отношениями и имперской сословностью, то есть совокупностью и положением имперских чинов под универсальной властью Империи. Но положение их было неодинаковым, поскольку, например, Швейцарская конфедерация или Нидерланды были исключительно поверхностно связаны с имперской федерацией. Правовые системы в территориях были по большей части неравнозначными, поэтому имперская правовая система была в сущности многотерриториальной, что совпадало с общей тенденцией к формированию государственности на территориальном уровне. Источником права был не только император, но и каждый территориальный чин. Поэтому Старая империя не могла стать гомогенным национальным государством⁴⁴. Участие в постоянном рейхстаге в Регенсбурге во все большей степени становилось не привилегией аристократии, а относилось к территории или княжеству, а императоры могли гарантировать только несколько новых мест в коллегии князей. В общем же постоянный рейхстаг был так или иначе «интегрирован в европейский контекст как модель мирного порядка, подчиненного правлению закона»⁴⁵. Вместе с тем, пишет известный немецкий историк права М. Штолльхайс, «сияние (солнца) князя стало затмевать все прочие. В свете этого сияния скоро зародились придворное государство, центральные органы управления земли, учреждения разных уровней, воинские части для обороны государства, финансовое управление земли. Они быстро росли. Все это вместе образовывало «модерное государство»⁴⁶.

Следует сказать также несколько слов, относительно нередко используемых в отечественной литературе неточных терминов и определений, относящихся к государственно-политической жизни Старой империи. Они появились в XIX в. и используются до сих пор. Это бросается в глаза при чтении немецких работ в переводе на английский язык. Например, постоянный рейхстаг (*Immerwährende Reichstag*) называется у нас часто вечным рейхстагом, хотя точный перевод слова *immerwährend* с немецкого языка — постоянный, и в переводе с немецкого на английский звучит как *permanent*, но не *eternal*. Другой пример касается употребления слова «надворный» в отношении имперских учреждений. Хорошо еще, что *Hofkriegsrat* переводится как Придворный военный совет. А вот *Reichshofrat* переводится как имперский надворный совет. Между тем это высший судебный орган Империи, находившийся в Вене. При переводе на английский язык используется слово *aulic*, что означает принадлежащий к королевскому двору, придворный. Заметим, что *Hofrat* идентичен Тайному совету, то есть *privy council*, и уместно ли

здесь называть его надворным советом, тем более, что в восприятии читателя слово «надворный» ассоциируется с надворным советником, то есть чиновником 7-го класса согласно Табели о рангах. Получается, что члены Тайного совета — высшего органа власти — приравнены к чиновникам средней руки.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что Священная Римская империя в раннее Новое время была имперским ленным союзом территориальных государств, сочетая одновременно элементы монархического и демократического правления. Универсальное в концепции Священной Римской империи германской нации проистекало не столько из теории, сколько из политической практики, уходящей корнями в воспоминания о Римской империи и идее единой христианской Европы, тогда как национальное формировалось на уровне дискуссий гуманистов и просветителей в поисках национальной идентичности носителей континуитета от Римской империи и империи Карла Великого и в спорах за правопреемственность этой империи между германскими и французскими королями. Но поскольку носителями государственности в Священной Римской империи в раннее Новое время являлись территориальные государства, к тому же конфессионально ориентированные, самоидентификация их властей и проходила на уровне имперской, территориальной и конфессиональной принадлежности, а не германской. Национальная доминанта в Германии начнет стремительно развиваться со времени наполеоновских войн, укрепляясь за счет старых и новых национальных мифов. Что же касается соотношения Запада и Востока в развитии государственных и национальных идентичностей в Священной Римской империи германской нации, то, не присоединяясь к сторонникам «особого пути» государственно-политического и национального развития Германии, укажем лишь на срединное положение германских и австрийских земель в Европе при формировании в Старой империи все же суверенной правовой государственности западного типа. Эта государственность только в XIX в. трансформируется в западное «государство-нацию» Германию, запоздалое государство-нацию, в котором национальные мифы приобретут гипертрофированные формы.

Примечания

1. HECHBERGER W. Heilig — Römisch — Deutsch. Zur Bilanz einer Ausstellung. — *Historische Zeitschrift*. 2009, Hf. 1, S. 123—137; CARL H. «Schwerfalligen Andenkens» oder «Das Recht, interessant zu sein»? Das Alte Reich in der neueren Forschungsliteratur. — *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2010, Hf. 1, S. 73—97; SCHNETTGER M. Von der «Kleinstaaterei» zum «komplementären Reichs-Staat». Die Reichsverfassungsgeschichtsschreibung seit dem Zweiten Weltkrieg. *Geschichte der Politik. Alte und Neue Wege*. München. 2007, S. 136; ARETIN K.O. von. Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648—1806. Stuttgart. 1992 (1 Aufl. 1986), S. 12 passim; EJUSD. Das Alte Reich. Bd. 1—4. Stuttgart. 1993—2000; SCHUBERT F. Die deutsche Reichstage in der Staatslehre der Frühen Neuzeit. Göttingen. 1966; PRESS V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600—1715. München. 1991; EJUSD. Das Alte Reich. Berlin. 1997; SCHILLING H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517—1648. Berlin. 1988; EJUSD. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648—1763. Berlin. 1989; Die Territorien des Reiches im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500—1650. Bd. 1—7. Münster. 1989—1995; ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. 1997; SCHMIDT G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495—1806. München. 1999; DUCHHARDT H. Europa am Vorabend der Moderne 1650—1800. Stuttgart. 2003; GOTTHARD A. Das Alte Reich 1495—1806. Darmstadt, 2003; STOLLBERG-RILINGER B. Das Heilige Römische Reich Deutscher Nation. Vom Ende des Mittelalters bis 1806. München. 2006.
2. RANKE L. von. Die deutsche Mächte und der Fürstenbund. *Deutsche Geschichte von 1780 bis 1790*. Bd.1—2. Leipzig. 1871—1872; DROYSEN J.G. Geschichte der Preussischen Politik. Erster Teil. Leipzig. 1868, S. 3—4; TREITSCHKE H. von. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Erster Teil. Leipzig. 1927, S. 3—31. Сп.: UMBACH M. Reich, Region, und Föderalismus als Denkfiguren in politischen Diskursen der Frühen und Späten Neuzeit. In: *Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum ersten Weltkrieg*. München. 2000, S. 191—214; EADEM. Federalism

- and Enlightenment in Germany 1740—1806. L. 2000, p. 2—3, 5, 129—134, 160—161, 192; SHEEHAN J. Der Ausklang des Alten Reiches. Deutschland seit dem Ende des Siebenjährigen Krieges bis zur gescheiterten Revolution 1763 bis 1850. Berlin. 1994, S. 12; GREEN A. The Federal Alternative? A New View of Modern German History. — *The Historical Journal*. 2003, № 1, p. 189—192; SCHNETTGER M. Kleinstaaten in der Frühen Neuzeit. Konturen eines Forschungsfeldes. — *Historische Zeitschrift*. Bd. 286, 2008, Heft 3, S. 605—640.
3. SCHULZE W. Deutsche Geschichte im 16. Jahrhundert 1500—1618. Frankfurt am Main. 1987, S. 18—19; BRADY TH. Zwischen Gott und Mammona. Protestantische Politik und deutsche Reformation. Berlin. 1996, S. 16, 292—293; WINKLER H.A. Der Lange Welt nach Westen. Bd. 1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München. 2000, S. 5, 19; WEHLER H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur Defensiven Modernisierung der Reformäre 1700—1815. München. 1996 (1 Aufl. 1987), S. 44—45; WILLMS J. Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914. Düsseldorf. 1983, S. 9—11, 22.
 4. См. также статьи М. Вреде, В. Шмале и А. Готтхарда в этом издании: *Lesebuch Altes Reich*. München. 2006, S. 1—7, 53—66ff.
 5. HARTMANN P.C. Das Heilige Römische Reich — ein föderalistisches Staatsgebilde. In: *Das Heilige Römische Reich und sein Ende 1806. Zäsur in der deutschen und europäischen Geschichte*. Regensburg. 2006, S. 11—22; SCHILLING H. Höfe und Allianzen, S.99—100.
 6. MALETTKE K. Les relations entre la France et le Saint. In: *Empire au XVIIe siècle*. Paris. 2001, p.15, 32—49 ; DUCHHARDT H. Op. cit., S. 226, 230—231.
 7. SCHILLING H. Höfe und Allianzen..., S. 119—129; ОЗМЕHT С. Могучая крепость. Новая история германского народа. М. 2007, с. 97—103.
 8. SCHILLING H. Op. cit., S. 95—100.
 9. BABEL R. Deutschland und Frankreich in Zeichen der habsburgischen Universalmonarchie 1500—1648. Darmstadt. 2005, S. 9—10, 76—77, 138, 143—148, 152—153, 164.
 10. DEMEL W. Europäische Geschichte des 18. Jahrhunderts. Ständische Gesellschaft und europäisches Mächtensystem in beschleunigten Wandel (1689/1700 — 1789/1800). Stuttgart-Berlin-Köln. 2000, S. 281; ОЗМЕHT С. Ук. соч., с. 17, 28.
 11. HAMMERSTEIN N. Das Römische am Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation in der Lehre der Reichs. Publicisten. *Zeitschrift der Savigny*. Stiftung für Rechtsgeschichte. Bd. 100, Germanistische Abteilung, 1983, S. 119—144.
 12. CZERNIN U. Gattinara und Italienpolitik Karls V. Grundlagen, Entwicklung und Scheitern eines politischen Programmes. Frankfurt am Main u.a. 1993, S. 32—181; KODEK I. Der Grosskanzler Kaiser Karls V zieht Bilanz. Die Autobiographie Merkurino Gattinaras aus dem Lateinisch übersetzt. Münster. 2004, S. 3—105 (текст автобиографии см.: S. 106—249); RANDELZHOFFER A. Völkerrechtliche Aspekte des Heiligen Römischen Reiches nach 1648. Berlin. 1967; BUSCHMANN A. Heiliges Römisches Reich. Reich, Verfassung, Staat. In: *Zusammengesetzte Staatlichkeit in der Europäischen Verfassungsgeschichte*. Berlin. 2006, S. 9—39.
 13. DUCHHARDT H. Op. cit., S. 230; BOSBACH F. Monarchia universalis. Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen. 1988, S. 9—11, 21, 35—36, 63, 105—106, 117, 121, 124; WALLERSTEIN I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World. In: *Economy in the Sixteenth Century*. San Diego. 1974, p. 170.
 14. SCHILLING H. Reichs — Staat und frühneuzeitliche Nation der Deutschen oder teilmodernisiertes Reichssystem. Überlegungen zu Charakter und Aktualität des Alten Reiches. — *Historische Zeitschrift*. Bd. 272 (2001), Hf. 2, S. 377—395; EJUSD. Wider den Mythos vom Sonderweg — die Bedingungen des deutschen Weges in die Neuzeit. In: *Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit*. Festschrift für Peter Moraw. Berlin. 2000, S. 699—714.
 15. SCHMIDT G. Op. cit., S. 9—11, 17, 44, 55—61 passim; EJUSD. Friedrich Meinekes Kulturnation. Zum historischen Kontext nationaler Ideen in Weimar — Jena um 1800. — *Historische Zeitschrift*. Bd. 284 (2007), Hf. 3, S. 597—621.
 16. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 31.V.2000; *Le Monde*. 22.V.2000.
 17. *Altes Reich, Frankreich und Europa. Politische, philosophische und historische Aspekte des französischen Deutschlandbildes im 17 und 18 Jahrhundert*. Berlin. 2001; *Imperium Romanum — irregulare corpus — Teutscher Reichs — Staat*. Das Alte Reich im Verständnis der Zeitgenossen und

- der Historiographie. Mainz. 2002; SCHNETTGER M. «Principe sovrano» oder «civitas imperialis»? Die Republik Genua und das Alte Reich in der Frühen Neuzeit (1556–1797). Mainz. 2006; EJUSD. Von der «Kleinstaaterei» zum «komplementären Reichs—Staat», S. 129–154; JENDORFF A. Gemeinsam Herrschen. Das alteuropäische Kondominat und das Herrschaftsverständnis der Moderne. — Zeitschrift für Historische Forschung. 2007, Hf. 2, S. 215–242; SCHMIDT G. Wandel durch Vernunft. Deutsche Geschichte im 18. Jahrhundert. München. 2009, S. 18–19, 394–395. Тем более удивительно, что некоторые наши историки некритически и даже положительно восприняли концепцию Г. Шмидта. См.: ПРОКОПЬЕВ А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб. 2002, с. 10, 32–34, 42–43, 74, 94–95, 121, 276, 328, 358, 360.
18. DANN O. Der deutsche Weg zum Nationalstaat im Lichte des Föderalismus. Problem. Zentralismus und Föderalismus im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin. 2000, S. 9–13, 55; LANGEWISCHE D. Föderative Nationalismus als Erbe der deutschen Reichsnation. Über Föderalismus und Zentralismus in der deutschen Nationalgeschichte. Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum ersten Weltkrieg. München. 2000, S. 215–242; STOLLEIS M. Public Law and Patriotism in the Holy Roman Empire. Infinite Boundaries. Order, Disorder and Reorder in Early Modern German Culture. Kirksville. 1998, p. 11–33; SCHULZE H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München. 1994, S.128.
 19. DANN O. (Einleitung), SCHIEDER TH. Nationalismus und Nationalstat. Studien zum Nationalen Problem im modernen Europa. Göttingen. 1991, S. 7–13; EJUSD. Nationalismus in vorindustrieller Zeit. Nationalismus in vorindustrieller Staat. München. 1986, S. 7–10; FRÜHWALD W. Die Idee kultureller Nationsbildung und die Entstehung der Literatursprache. Ibid., S. 129–141; SCHIEDER TH. Friedrich der Grosse — eine Integrationsfigur des deutschen Nationalbewusstseins in 18. Jahrhunderts? Ibid., S. 113–127.
 20. DANN O., HROCH M. (Einleitung). Patriotismus und Nationsbildung am Ende des Heiligen Römischen Reiches. Köln. 2003, S. 9–18; WALDMANN A. Reichspatriotismus im letzten Drittel des 18. Jahrhunderts. Ibid., S. 19–61; BÖNING H. Das Volk im Patriotismus der deutschen Aufklärung. Ibid., S. 63–98.
 21. SCHULZ K. Was ist deutsch? Zum Selbstverständnis deutscher Bruderschaften im Rom der Renaissance. Päpste, Pilger, Pönitentiarie. Festschrift für Ludwig Schmutge zum 65. Geburtstag. Tübingen. 2004, S. 135–179; SIEBER-LEHMANN C. «Teutsche Nation» und Eidgenossenschaft. Der Zusammenhang zwischen Türken und Burgunderkriegen. — Historische Zeitschrift. 1991, Hf. 3, S. 561–602.
 22. CRUZ L. Turning Dutch: Historical Myth on early Modern Netherlands. — The Sixteenth Century Journal. 2008, № 1, p. 3–22; ОЗМЕТ С. Ук. соч., с. 12.
 23. ДОРОНИН А.В. Историк и его миф. Иоганн Авентин (1477–1534). М. 2007.
 24. PRESS V. Kriege und Krisen..., S. 13–15.
 25. SCHILLING H. Höfe und Allianzen..., S. 99–100; EJUSD. Konfessionalisierung und Staatsbildung. Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn u.a. 2007, S. 347–367, 385–395, 588–599; EJUSD. Der Augsburger Religionsfriede als deutsches und europäisches Ereignis. Festvortrag am 25. September 2005 in Augsburg. — Archiv für Reformationsgeschichte. Jg. 98, 2007, S. 244–245; EJUSD. Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs. München. 2012, S. 217, 225, 233–249, 612–636; BRADY TH. Confessionalisation: the Career of a Concept. — Confessionalisation in Europe 1550–1700. Essays in Honour and Memory of Bodo Nischan. Aldershot-Burlington. 2004, p. 13; SCHULZE W. Konfessionsfundamentalismus in Europa um 1600: Zwischen discordia und composition. Konfessioneller Fundamenalismus. Religion als politischer Faktor in europäischen Mächtesystem um 1600. München. 2007, S. 135–148.
 26. GOTTHARD A. Der deutsche Konfessionskrieg seit 1619. Ein Resultat gestörter politischer Kommunikation. — Historisches Jahrbuch. 122 Jg. 2002, S. 141–172; KLEINEHAGENBROCK F. Die Erhaltung des Religionsfriedens. Konfessionelle Konflikte und Ihre Beilegung im Alten Reich nach 1648. — Historisches Jahrbuch. 126 Jg. 2006, S. 135–156; WREDE M. Das Reich als deutsche Friedensordnung und europäischer Stabilitätsanker. — Lesebuch..., S. 97; HAUG-MORITZ G. Protestantisches Einungswesen und kaiserliche Macht. Die konfessionelle Pluralität des frühneuzeitlichen Reiches (16. bis 18. Jahrhundert). — Zeitschrift für Historische Forschung. 2012, Hf. 2, S. 189–214.

27. См. подробнее: WREDE M. *Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der Reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg.* Mainz. 2004; BURG DORF W. *Ein Weltbild verliert seine Welt. Der Untergang des Alten Reiches und die Generation 1806.* München. 2006.
28. МЕДЯКОВ А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев (конец XVIII в. — 1871 г.). В кн.: *Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки.* М. 2005, с. 392—401; *Geschichtliche Grundbegriffe.* Bd. 7. Stuttgart. 1992, S. 485; Ср.: SCHILLING H. *Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit.* In: *Nationale und kulturelle Identität—Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit.* Frankfurt. 1991, S. 200—207; BRADY TH. *Some Peculiarities of German Histories in the Early Modern Era.* In: *Germania Illustrata. Essays on Early Modern Germany Presented to Gerald Strauss.* Kirksville. 1992, p. 197—216.
29. МЕДЯКОВ А.С. Ук. соч., с. 403—405.
30. БАЛАКИН В. *Творцы Священной Римской империи.* М. 2004, с. 5—8; КОЛЕСНИЦКИЙ Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М. 1977; ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. *Кайзеры. Священная Римская империя.* Австрия. Германия. Ростов-на-Дону. 1997, с. 8—16; ОЗМЕНТ С. Ук. соч., с. 211—212.
31. SCHNETTGER M. *Kleinstaaten in der Frühen Neuzeit. Konturen eines Forschungsfeldes...*
32. NIPPERDEY TH. *Deutsche Geschichte 1800—1866.* München. 1983, S. 11—12; ARETIN K.O. von. *Das Alte Reich.* Bd. 3 *Das Reich und der österreichisch—preussische Dualismus (1745—1806).* Stuttgart. 1997, S. 516—527; EJUSD. *Heiliges Römisches Reich. Teil II.* Wiesbaden. 1967, S. 334—344; STRUCK B., GANTET C. *Revolution, Krieg und Verflechtung 1789—1815.* Darmstadt. 2008, S. 98—99; MANN M. *Geschichte der Macht.* Bd. 3, Teil 1. Frankfurt-New York. 1998, S. 14.
33. HÄRTER K. *Reichsrecht und Reichsverfassung in der Auflösungsphase des Heiligen Römischen Reichs deutscher Nation: Funktionsfähigkeit, Desintegration und Transfer.* — *Zeitschrift für Neuere Rechtsgeschichte*, 28 Jg., 2006, № 3/4, S. 316—337.
34. *Lesebuch Altes Reich*, S. 80—86.
35. HARTMANN P.C. *Das Heilige Römische Reich — ein föderalistisches Staatsgebilde. Das Heilige Römische Reich und sein Ende 1806. Zäsur in der deutschen und europäischen Geschichte.* Regensburg. 2006, S. 6—7, 10—22.
36. SCHMIDT G. *Das Reich und deutsche Kulturnation. Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation 962 bis 1806. Altes Reich und neue Staaten 1495 bis 1806. Essays.* Dresden. 2006, S. 105—107.
37. SCHILLING H. *Das Reich als Verteidigungs und Friedensorganisation.* Ibid., S. 119—133; ARNDT J. *Deutsche Territorien im europäischen Mächtesystem.* Ibid., S. 112; REINHARD W. *Frühmoderner Staat und deutsches Monstrum. Die Entstehung des modernen Staat und das Alte Reich.* — *Zeitschrift für Historische Forschung.* 2002, Hf. 3, S. 339—357.
38. SCHINDLING A. *War das Scheitern des Alten Reiches unausweichlich?* — Ibid., S. 303—307.
39. РАПП Ф. *Священная Римская империя германской нации. От Оттона Великого до Карла V.* СПб. 2008, с. 7—12, 399—402.
40. *История Германии.* Т.1. Кемерово. 2005, с.316.
41. ПАТРУШЕВ А.И. *Германская история: через тернии тысячелетий.* М. 2007, с.107, 123.
42. ПРОКОПЬЕВ А.Ю. *Дворянство Священной Римской империи: социо-культурный аспект.* Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, вып. 4, с. 209, 213; *Всемирная история.* Т.3. М. 2013, с.217, 608, 611.
43. ВОЦЕЛКА К. *История Австрии.* М. 2007, с. 176; DUCHHARDT H. *Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700—1785.* Paderborn—München—Wien—Zürich. 1997, S. 322—333, 363—365; BRAUN G. *Von der politischen zur kulturellen Hegemonie Frankreichs 1648—1789.* Darmstadt. 2008, S. 93—94; STRUCK B., GANTET C. *Revolution, Krieg und Verflechtung 1789—1815,* S. 10.
44. HÄRTER K. *The Early Modern Roman Empire of the German Nation (1495—1806): a multi-layered Legal System. Law and Empire. Ideas, Practices, Actors.* Leiden-Boston. 2013, p. 111—130.
45. HÄRTER K. *The Permanent Imperial Diet in European Context, 1663—1806.* In: *The Holy Roman Empire 1495—1806.* Oxford. 2011, p. 115—135.
46. ШТОЛЛЬАЙС М. *Око закона. История одной метафоры.* М. 2012, с. 34.

Политическое поведение российских рабочих в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны относится к числу проблем, которые в последнее время сравнительно редко привлекают внимание исследователей. Виной тому, на взгляд рецензента, кажущаяся изученность этого сюжета, «заезженность» данной проблематики в советский период. Что же касается «белых пятен», то и они, казалось бы, были ликвидированы в эмигрантской историографии (которая не раз обращала внимание, в частности, на феномен Ижевско-Воткинского восстания), а также в трудах постсоветского периода (например, в работах Д.В. Чуракова). Поэтому необходимость появления еще одного исторического сочинения, посвященного этой теме, может вызвать удивление у некоторых читателей.

Между тем, как представляется, отнюдь не случаен тот факт, что за реализацию данного проекта взялись именно данные авторы. М.А. Фельдман известен оригинальными работами по истории рабочих Урала и России, которые дают возможность совершенно по-новому оценить, казалось бы, давно знакомые исторические явления. Работы О.С. Поршневой получили известность благодаря использованию современных методов исторического исследования, позволяющих высветить зачастую новые грани исследуемых феноменов. Объединение усилий этих двух ученых позволило создать труд, который представляет собой действительно новое слово в российской исторической науке.

Прежде всего, обращает на себя внимание разработанность авторами методологических аспектов исследования. Казалось бы, они опираются на весьма популярную в конце XX в. в России теорию модернизации, сочетая ее со столь же расхожим цивилизационным подходом. Однако, во-первых, авторами выбрана регионально-ориентированная модель модернизации, что позволяет учесть многие специфические особенности, характерные для уральского региона. Во-вторых, Фельдман и Поршнева широко применяют методы новой

социальной и социокультурной истории, а также военно-исторической антропологии, что дает возможность взглянуть на многие проблемы под иным углом зрения. Особенно важно то, что заявление о продолжении авторами данной монографии традиций знаменитого «нового направления» в советской исторической науке отнюдь не носит лишь ритуально-декларативный характер: на протяжении всей работы последовательно развиваются идеи, которые пытались пробить себе дорогу еще в конце 1960-х годов.

Фельдман и Поршнева использовали широкий круг исторических источников (делопроизводственную документацию, статистические материалы, центральную и региональную прессу, источники личного происхождения и т.д.). Однако важнее другое — умение авторов извлекать из, казалось бы, давно введенных в научный оборот источников новую информацию, позволяющую делать принципиально иные выводы. Спецификой данного сочинения является стремление авторов гораздо глубже, чем это зачастую делается, подойти к оценке самого феномена рабочих России начала XX века. Авторы показывают, что в российских реалиях того времени это была гораздо более сложная по своему составу социальная группа, чем это представлялось авторам многих трудов советской эпохи.

На страницах рецензируемого сочинения рабочие перестают быть неким абстрактным классом, как бы распадаясь на вполне конкретные, существовавшие в исторической реальности группы. Новаторским представляется тезис ученых о том, что для понимания причин Гражданской войны в России многое дало бы «определение соотношения сословных и классовых признаков» в социальной структуре российского общества (с. 61). Справедливо указывая, что пока эта задача представляет собой лагуну в исторических исследованиях, Фельдман и Поршнева выдвигают тезис об антисословном характере российской революции. Сама незавершенность формирования буржуазного общества в России, по мне-

нию авторов, требует использования именно сословных, а не классовых характеристик. В силу этого, авторы делают чрезвычайно важный в концептуальном плане вывод о том, что Гражданская война в России реализовывалась (в варварской форме) «идеи буржуазной революции» (с. 228).

Это позволяет по-новому взглянуть и на такую постоянно дискутируемую тему, как начало Гражданской войны в России. В рецензируемом сочинении оно связывается с временем реализации антисословных декретов Советской власти. При этом подчеркивается, что до лета 1918 г. вооруженные конфликты не определяли внутреннюю жизнь страны в целом. И с той, и с другой стороны мало кто хотел воевать. И только после мятежа Чехословацкого корпуса, полагают авторы, можно говорить о начале «регулярной» Гражданской войны.

Пристально вглядываясь в феномен российских рабочих начала XX в., авторы выделяют в нем особую группу — рабочих казенных горнозаводских округов. Историки «нового направления» уже давно обратили внимание на специфику положения этой социальной группы. Однако новаторский характер рецензируемой монографии состоит в том, что Фельдману и Поршневу удалось доказать: именно эти рабочие наиболее активно отстаивали в условиях Гражданской войны демократические ценности, оказав самое сильное сопротивление большевикам. Анализ документов позволил авторам сделать еще один концептуально важный вывод — о том, что наибольшие успехи большевики имели в тех горных округах Урала, где не были решены социальные вопросы. При этом скрупулезность ученых в работе с источниками позволяет указать еще на одно важное обстоятельство: оказывается, утвердившийся во многих работах тезис о победе большевиков в заводских поселках Урала базировался лишь на данных одной Пермской губернии. В реальности решающую роль в победе партии В.И. Ленина сыграли солдатские массы, а рабочие лишь частично поддержали большевиков.

По-новому авторам удалось взглянуть еще на один, казалось бы, устоявшийся сюжет — о роли Советов в событиях революции и Граж-

данской войны. Они верно подметили, что изучение истории Советов обычно подменялось исследованием процесса их большевизации (с. 103). Привлеченные в монографии документы позволили обратить внимание на факты, свидетельствующие о неподготовленности основной массы депутатов Советов к управленческой деятельности. Фельдман и Поршнева смогли доказать также, что в реальности рабочие отнюдь не составляли большинство в Советах.

Анализ документов позволил авторам сделать еще один новаторский вывод — о продолжении большевиками военно-полицейской политики дореволюционной России. Результатом большевизации Советов стало массовое закрытие предприятий и увольнение рабочих. Авторы смогли доказать, что уже к началу 1918 г. сами рабочие осознали «никчемность» и «экономическую бесполезность» объявленного большевиками «рабочего контроля» на производстве (с. 125).

Введенные авторами в научный оборот протоколы I съезда представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала (январь 1918 г.) показывают, что многие рабочие выступали против форсированной национализации. При этом отмечается, что идею национализации промышленности в реальности поддерживали в основном неквалифицированные рабочие, видевшие в этом возможность избежать сокращений на производстве, связанных с реконверсией. Что же касается бывших деятелей фабзавкомов, то, вопреки расхожему мнению, они не играли ключевой роли в структурах СНХ, где в основном использовался опыт старых специалистов из структур, существовавших до революции 1917 года. «Откровенное пренебрежение к рабочим», характерное для большевиков, как доказывают авторы монографии, заметно и при анализе материалов I съезда СНХ (май-июнь 1918 года). В советской политической системе, подчеркивают Фельдман и Поршнева, рабочим отводилось место «послушных социальных низов, полностью зависящих от государства» (с. 170).

Авторы рисуют яркую картину материального положения рабочих в годы Гражданской войны, когда до половины их потребления составляли «левые доходы» (с. 200). Это

формировало двойственность мироощущения рабочих, чувствовавших разрыв между большевистскими лозунгами и реальностью. Пайковая система, роль которой все возрастала, была ориентирована на малоквалифицированных рабочих, занятых тяжелым физическим трудом. На поддержку «маргинальных» групп рабочих была нацелена и новая жилищная политика. Именно эти рабочие и стали реальной опорой большевистского режима.

Опровергают авторы и тезис о рабоче-крестьянском характере Красной армии. Они показывают, что удельный вес промышленных рабочих в РККА не превышал 7 %, кроме того, около половины кадровых рабочих казенных предприятий Урала оказались в рядах Белой армии. Любопытна оценка авторами Ижевско-Воткинского восстания как редкого в России, но ставшего нормой в Европе примера защиты рабочими «буржуазно-демократических ценностей» (с. 195). Чрезвычайно важным представляется вывод авторов монографии о том, что на Урале «пролетарии воевали против рабочих-собственников» (с. 227). Однако Белое движение не смогло проводить эффективную социальную политику в условиях Гражданской войны. При всей демократичности принятых им документов ему не удалось справиться с обрушившимися на население проблемами обеспечения продовольствием и предметами первой необходимости. Во многом это и обусловило поражение Белого движения в Гражданской войне.

Авторы полемизируют с выводами получившей широкую известность книги И.В. Нарского «Жизнь в катастрофе». Фельдман и Поршнева выражают сомнение в катастрофической необратимости последствий Гражданской войны, в том, что можно говорить о «демографической», «культурной» и иных «катастро-

фах» в России к 1920 году. Они полагают, что «проявления катастрофы носили локальный характер», были присущи отдельным уездам или населенным пунктам. Глубокий анализ источников позволил авторам доказать, что приводимые в литературе данные о 70 % разрушенных уральских заводов носили эмоциональный характер. На самом деле уже в 1920 г. шел процесс восстановления промышленности. Используя административные методы, милитаризацию труда, большевикам удалось в значительной степени сохранить кадры уральских рабочих.

Бесспорно, как и любое исследование, рецензируемая монография не свободна от некоторых недостатков. Пожалуй, главным из них является обилие повторов (с. 108 и с. 131; 145 и 155; 148 и 161; 173 и 227 и др.). Несмотря на очерковый характер данного труда, повторы, к сожалению, несколько смазывают впечатление от этой очень качественной работы. Кроме того, в дополнительной аргументации нуждаются некоторые выдвинутые авторами монографии положения, так, например, вывод о том, что наивысшая в стране степень огосударствления производства, достигнутая на Урале, была «своеобразной платой за техническую отсталость» (с. 144). Очевидно, следовало бы обосновать это чрезвычайно интересное положение более обстоятельно.

Однако, указанные замечания, бесспорно, не меняют главного: труд Фельдмана и Поршневой представляет собой подлинно новаторское сочинение. Оно дает возможность по-новому взглянуть на широко известные сюжеты, содержит множество концептуально важных положений, позволяющих лучше понять сущность социальных процессов эпохи Гражданской войны в России.

А.В. АНТОШИН

С.Н. ПОЛТОРАК. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб. Остров. 2014. 298 с.

Известный отечественный историк, профессор, доктор исторических наук Сергей Николаевич Полтораки опубликовал свой очередной труд — монографию, посвященную военной и научно-педагогической деятельности последнего военного министра Временного правительства генерала А.И. Верховского. Несмотря на то, что Александр Иванович Верховский сыграл значительную роль в событиях революции 1917 г., до сих пор в отечественной и зарубежной историографии нет монографического исследования его жизни и деятельности. Поэтому появление книги С.Н. Полторака в годовщину столетия первой мировой войны, активным участником которой был Верховский, и накануне столетия революции 1917 г. можно только приветствовать.

Сергей Николаевич Полтораки уже более 15 лет занимается изучением жизненного пути Верховского, и рассматриваемая нами монография — это определенный итог его исследовательского труда.

Во введении автор сосредоточил внимание на анализе тех неточностей, ошибок, в том числе и собственных, которые имеют место в литературе о Верховском, и подчеркнул, что в монографии они исправлены. Такое построение введения сразу нацеливает читателя на полемический характер книги.

Профессор Полтораки опирается на обширный комплекс источников, значительную часть которых он впервые вводит в научный оборот. Особый интерес представляют документы, выявленные исследователем в РГВИА, Архиве управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также Государственном архиве Службы безопасности Украины, позволившие уточнить многие события жизни и деятельности Верховского. Новый фактический материал был получен автором и в результате знакомства с личными архивами родственников генерала. Кроме того, автор широко использует в качестве источника периодическую печать. Особенно это заметно в главе 7-й «Последний военный министр», в которой анализ 12 газет за сентябрь-октябрь 1917 г. позволил автору монографии буквально

по дням и часам проследить деятельность Верховского на посту военного министра Временного правительства.

Конечно, как и каждый исследователь жизненного пути той или иной исторической личности, автор рассматриваемой монографии в значительной степени симпатизирует своему герою и в ряде мест дает завышенную оценку его деятельности (например, на с. 81 называет его одним из самых одаренных военачальников России, а в главе 10-й злоупотребляет высокими оценками научных трудов Александра Ивановича). Но в то же время хочу отметить, что в большинстве случаев Сергею Николаевичу удается взвешенная оценка деятельности Верховского. Автор сумел показать как сильные, так и слабые стороны его личности, успехи и промахи на жизненном пути. Поэтому перед нами предстает живой человек со своими достоинствами и недостатками.

Отмечая честолюбие Александра Ивановича, его высокое мнение о своей личности, ученый подчеркивает, что движущей силой деятельности Верховского был его патриотизм, стремление служить на благо России. Это во многом определило его позицию и в революционные дни 1917 г., и в годы гражданской войны, и на службе в Красной Армии.

Хотелось бы сделать в связи с этим одно замечание. Мне кажется, что путь, проделанный Верховским в течение нескольких месяцев 1917 г. от начальника штаба дивизии до военного министра был слишком стремительным. Он не успевал освоиться на одной высокой должности, как его переводили на другую, еще более высокую. Поэтому многие его промахи и ошибки на посту военного министра, по-моему, следует объяснить именно этим.

В первой главе монографии, привлекая малоизвестные источники из РГВИА, Сергей Николаевич рисует подробную картину жизни воспитанников кадетского корпуса, показывает неординарность личности Верховского уже в детские и юношеские годы. Четвертая глава, рассматривающая участие Александра Ивано-

вича в боевых действиях на фронтах первой мировой войны, основана на анализе дневника, который вел Верховский. Автор монографии считает, что многие записи в нем сделаны позднее описываемых событий и поэтому проводит сравнительный анализ того, что писал в дневнике Александр Иванович и что он делал. Это позволяет добиться объективности в оценке деятельности Верховского. Хотелось бы в этой главе прочитать более подробно о конкретных действиях Александра Ивановича в первые годы первой мировой войны.

В пятой главе, посвященной службе Верховского в Севастополе, обращает на себя внимание описание взаимоотношений Александра Ивановича с командующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком. Автору удалось показать, как и почему после Февральской революции Верховский быстро включился в политическую жизнь страны и выступил за единение офицеров и солдат, считая его важнейшим условием сохранения боеспособности российской армии.

В 6-й главе рассматривается деятельность Верховского на посту командующего войсками Московского военного округа. Здесь, как отмечает автор монографии, Александр Иванович сумел добиться того, что воинские части, расположенные в округе, оказались преданными Временному правительству в критической ситуации лета 1917 года. Командующий военным округом постоянно разъезжал по гарнизонам и убеждал солдат в необходимости выполнять свой воинский долг. Он сам продемонстрировал верность воинскому долгу, выступив с осуждением поведения Корнилова в августовские дни. Учитывая настроения, охватившие значительную часть состава российской армии, Верховский пришел к выводу о необходимости сокращения ее численности за счет демобилизации из внутренних гарнизонов некоторых категорий военнослужащих, что могло бы способствовать разрядке конфликтных ситуаций.

7-я глава посвящена пику военной карьеры Верховского, когда он в течение почти двух месяцев возглавлял Военное министерство. В этой главе автор отметил сильные и слабые стороны проделанной Верховским рабо-

ты на посту военного министра, сделал интересные выводы об этом этапе его жизненного пути. В монографии описано то противодействие, какое оказывали Верховскому некоторые министры и представители генералитета, не понявшие сущности предложенных им мер для сохранения боеспособности российской армии. Поскольку эти меры не были проведены, трудно судить, могли ли они предупредить октябрьский переворот, осуществленный большевиками, но предположить иной ход событий — вполне возможно.

В главе 10-й Сергей Николаевич проводит глубокий анализ научно-педагогической деятельности Верховского, обращая особое внимание на его труды по тактике. В них Александр Иванович подчеркивал значение в будущих войнах новых родов войск, появившихся в годы первой мировой войны: авиации, бронетанковых частей, призывал осваивать вопросы координации их действий с пехотой и артиллерией. Идеи, высказанные Верховским, нашли свое подтверждение на полях сражений второй мировой войны. К сожалению, они не были должным образом восприняты руководством Красной Армии, что отрицательно сказывалось в первый период Великой Отечественной войны, когда командный состав не умел организовывать взаимодействие между родами войск. Хотя эта глава называется «Служба в Красной Армии», но сама служба показана мало, фактически отсутствует материал о деятельности Александра Ивановича в качестве начальника штаба Северо-Кавказского военного округа.

В 11-й главе, широко используя протоколы допросов Верховского во время ареста по делу «Весна», извлеченные из архива Службы безопасности Украины, Полторак прослеживает, как изменялось мировоззрение Александра Ивановича в 1920-е гг., как он пришел к решению вступить в ряды Коммунистической партии.

12-я глава посвящена последнему периоду жизни Верховского, когда он занимался научно-преподавательской деятельностью в Академии Генерального штаба и сыграл немалую роль в воспитании той плеяды будущих военачальников Красной Армии, которые выдвинулись на руководящие роли в ходе Великой Отечественной войны.

Таким образом, автор монографии представил интересующимся военной историей России основные этапы жизненного пути одного из видных военных деятелей страны первой четверти XX в. Верховского, впервые проанализировав многие этапы его жизни, дав ему достаточно взвешенную и объективную характеристику.

Конечно, монография не лишена недостатков. Отметим некоторые из них. В целом можно принять структуру монографии, но объем некоторых глав (2-я — 3 стр., 3-я — 2 стр., 8-я — 3 стр., 13-я — 1 стр.) вызывает вопросы: надо ли было их выделять в самостоятельные главы или следовало их наполнить фактическим

материалом, чтобы сделать полноценными. На мой взгляд, следовало проанализировать, по каким позициям взгляды Александра Ивановича совпадали с взглядами левых эсеров, так как заявление автора о близости Верховского к левым эсерам носит умозрительный характер. Есть в монографии некоторые фактические неточности и стилистические погрешности.

Но отмеченные недостатки не меняют общего вывода: отечественный читатель получил интересную монографию, вносящую значительный вклад в изучение военной истории России XX века.

А.И. АВРУС

Французы в научной и интеллектуальной жизни России. XVIII—XX вв. Т.1. М. Олма медиа групп. 2010. 384 с.; Т.2. М. ИВИ РАН. 2013. 387 с.; Т.3. М. ИВИ РАН. 2013. 353 с.

В июне 2014 г. в Москве состоялась презентация трехтомного издания «Французы в научной и интеллектуальной жизни России». В сборник статей вошли материалы трех конференций, прошедших в 2010—2012 гг. и связанных с проведением перекрестного года России и Франции и двусторонних российско-французских «Сезонов литературы и языка». Первый том носит общий характер и охватывает три последних столетия развития российско-французских отношений. Вышедшие позднее второй и третий тома более детально повествуют, соответственно, о XIX и XX веках.

Главной особенностью проекта стало приоритетное внимание к архивным документам. Авторы статей использовали материалы не только самых крупных российских и французских архивов, но и личные фонды известных деятелей культуры и науки, а также архивы различных финансовых, научных и культурных учреждений, что позволило по-новому взглянуть на некоторые аспекты российско-французского сотрудничества за последние три столетия.

Степень взаимного влияния и проникновения российской и французской культур, равно как и особенный характер российско-французских отношений в последние годы неоднократно становились предметом внимания историков. Так, по словам известного российско-

го франковеда П.П. Черкасова, в научной литературе достаточно хорошо исследовано французское влияние в России через достижения французской материальной культуры и французский язык (т.1, с. 375). В рецензируемом же сборнике статей акцент сделан на влиянии на Россию конкретных представителей французской нации, оказавшихся волею судьбы в нашей стране. Изучение «личностного» аспекта российско-французских отношений носит сегодня актуальный характер и позволяет проследить эволюцию представлений о России среди интеллектуальной и финансовой элиты Франции.

Традиционно установление отношений между Парижем и Москвой связывают с визитом Петра I во Францию в 1717 году. Однако очевидно, что поездке царя предшествовала длительная подготовка. В первом томе рецензируемого сборника детально изучен процесс двусторонних предварительных консультаций. Исследователь Д.Ю. Гузевич в своей статье обращает внимание на то, что еще в период Великого посольства (1697—1699 гг.) Франция рассматривалась российской делегацией в качестве одного из пунктов поездки. Однако встреча между Петром I и Людовиком XIV не состоялась из-за активных противодействий английского короля Вильгельма III, не заинтересованного в установлении российско-

французских отношений, и прежде всего из-за восстания стрельцов в Москве, заставившего Петра I вернуться в Россию. Несмотря на это, Д.Ю. Гузевич считает, что проведенные в период Великого посольства переговоры между представителями двух стран стали началом российско-французских государственных контактов и прологом к визиту русского царя в Париж в 1717 г. (т. 1, с. 86).

Значительную роль в подготовке визита сыграли аббат Биньон, почетный член французской Академии наук и хранитель Королевской Библиотеки, и Генрих фон Гюйссен, опекун наследника российского престола царевича Алексея, занимавшийся на царской службе улучшением имиджа России за рубежом. Опираясь на документы Архива РАН, известный французский историк Ф.-Д. Лиштенан восстанавливает процесс сотрудничества двух этих деятелей, направленного на установление дипломатических контактов между Россией и Францией. Исследователь приходит к неожиданному выводу, что «именно Франция тайно выступила инициатором улучшения отношений с Россией, хотя официальная переписка и ее интерпретация говорят об обратном» (т. 1, с. 131).

Состоявшийся, в том числе благодаря действиям аббата Биньона и Гюйссена, в 1717 г. визит Петра I во Францию оказался скорее неудачным, обмен послами между странами произошел только в 1739 году. В Париже российский царь неоднократно посещал Королевскую академию наук. Уровень научных знаний и организации деятельности приятно удивили Петра, и в итоге по возвращении в Санкт-Петербург он приказал составить проект учреждения в России аналогичной Академии наук (т. 1, с. 374). Статьи рецензируемого сборника с очевидностью показывают, что открывшаяся в августе 1725 г. в России Академия наук сыграла важнейшую роль в установлении российско-французского научного и интеллектуального сотрудничества.

В XIX в. французское влияние на Россию проходило как на государственном уровне, так и через отдельных представителей Франции, начавших частных бизнес в России. Если говорить о французах, оказавшихся на российской государственной службе, то особого внимания заслуживает сфера архитектуры и ин-

женерного дела. Вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. в России начался настоящий строительный бум, потребовавший выработки единых правил застройки городов. В итоге в строительной отрасли, прежде всего благодаря приглашенным из Франции архитекторам и инженерам, была создана система государственной экспертизы. Выработанные в то время правила позволили России избежать крупных строительных катастроф, а Санкт-Петербург приобрел «свой классический облик» и «стал самым французским городом после Парижа» (с. 195—196).

Среди большого количества французов, решившихся в XIX в. начать свое дело в России, отметим издателя Пьер-Жюль Этцеля и парфюмера Анри Брокара. Издательский дом Этцеля выпускал произведения таких классиков французской литературы, как Бальзак, Гюго, Стендаль, Золя, однако специализировался на «литературе для молодежи». Исследователь И. Дмитришина рассказывает о деятельности Этцеля в России и, в особенности, о его сотрудничестве с известной украинской писательницей и переводчицей Марко Вовчок. Их совместная работа привела к «открытию» в России писательского таланта Жюль Верна, ставшего одним из любимых авторов в нашей стране. Отметим, что в современных изданиях Ж. Верна некоторые рассказы, например, «С земли на Луну» или «Вокруг Луны», до сих пор выходят в переводе Марко Вовчок.

Настоящим примером положительного влияния французов на Россию может служить биография известного парфюмера Анри Брокара. В статье Н. Шерпитель (праправнучка Брокара) и О.В. Окуновой исследована история превращения маленького парфюмерного магазина в Москве, в котором изначально работали три человека, во всемирно известную фирму, получившую множество международных премий. Основываясь на материалах семейного архива, авторы приходят к мнению, что предприятие Брокара выступило новатором в двух специфических областях: удешевление производства мыла, что позволило превратить его в продукт повседневного обихода и сделать доступным для всех, и техника продажи и продвижения продукции (т. 2, с. 372). Еще до появления рекламы и маркетинга Брокер стал реализовывать на практике идеи по оптимизации

торговли. Например, он первым начал вешать на свои товары ценники, до этого же цены были договорными. В 1921 г. фирма Брокара была национализирована и продолжила свою деятельность как «Новая заря». Отметим, что под этим названием она существует и сегодня, а в ее логотипе присутствует фамилия Брокар, ставшая символом успеха в парфюмерной области для множества поколений российских и советских женщин.

XX век, несмотря на две мировые войны и развал Российской империи, также оказался богат на российско-французские культурные связи, особенно в области литературы. Среди множества французских писателей и мыслителей, внесших свой вклад в интеллектуальную жизнь России, выделим А. Мальро и Ж.-П. Сартра. Известный российский историк М.Ц. Арзаканян в 2005 г. уже обращалась к биографии Мальро, опубликовав его исторический портрет. На этот раз статья посвящена творческой деятельности писателя в 30-е гг. XX века. Мальро проявлял большой интерес к СССР и в 1934 г. даже участвовал в Первом Всесоюзном съезде советских писателей. В последующие несколько лет он неоднократно защищал образ советского государства перед западным миром. По словам Арзаканян, у него было «весьма оригинальное видение советской действительности» (т. 3, с. 120). В частности, Мальро утверждал, что «важнейший результат образования СССР — это возможность обновить понятие гуманизма. Гуманизм может стать здесь определяющей позицией человека по отношению к цивилизации, которую он приемлет, — в то время как индивидуализм есть его позиция по отношению к цивилизации, которую он отрицает» (т. 3, с. 121).

Восторженное отношение Мальро к СССР продлилось достаточно долго, вплоть до подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году. Однако идиллическая картина взаимоотношений Мальро и советской творческой интеллигенции иногда нарушалась. Так, историк Т.В. Краева пишет, что в 1935 г. на Парижском международном конгрессе писателей в защиту культуры Мальро стал одним из инициаторов обсуждения дела советского политзаключенного В. Сержа, что вызвало резкое недовольство советской делегации (т. 1, с. 311).

После второй мировой войны проникновение в СССР идей французских мыслителей можно связать с экзистенциализмом, конечно, прежде всего в трактовке Ж.-П. Сартра (т. 3, 87). Философу левых взглядов и одному из будущих вдохновителей студенческих волнений 1968 г. в Париже свое внимание в статьях уделили директор Архива РАН В.Ю. Афиани, написавший общую статью о культурном влиянии Франции на СССР в 50—60-е гг., и главный редактор журнала «Исторический архив» А.А. Чернобаев, опубликовавший ценные материалы Российского государственного архива литературы и искусства о поездке Сартра и его гражданской супруги Симоны де Бовуар в СССР в 1955 году. Проведя всего шесть полных дней в Москве, высокие французские гости успели посетить несколько театральных спектаклей, встретиться с ведущими представителями советской интеллигенции, дать ряд интервью. В документах отмечается, что Сартр остался очень доволен качеством игры актеров театра МХАТ, также ему очень понравилась пьеса Маяковского «Клоп». Сартр и Бовуар высоко оценили московскую архитектуру, отметили, что чувствуют себя в советской столице «среди друзей» (т. 1, с. 73) и объявили о желании вернуться в СССР в следующем году. Добавим, что Симона де Бовуар в своих мемуарах в целом подтверждает положительные впечатления о поездке в Москву в 1955 году. К сожалению, намеченный на 1956 г. визит Сартра в СССР не состоялся из-за событий в Будапеште.

Представленные в сборнике статьи, основанные на материалах различных российских и зарубежных архивов, дополняют и подтверждают представление о высоком уровне влияния Франции и французоз на научную, культурную и интеллектуальную жизнь России. Тем не менее, в научном смысле тема еще не исчерпана. В силу закрытости архивов в сборнике не представлены материалы по последним трем десятилетиям российско-французских отношений. Не получила освещения и такая сфера культурной жизни двух стран, как кинематограф. Таким образом, есть все основания ожидать продолжения работы по выбранной теме.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Дополнения к рецензии А.М. Дубровского

В № 7 за текущий год в журнале «Вопросы истории» была опубликована рецензия А.М. Дубровского на книгу А.А. Формозова «Классики русской литературы и историческая наука». Отметив, что впервые эта работа покойного мэтра нашей историографии увидела свет в 1995 г., автор утверждает: «... В то время ни одной рецензии на этот труд в печати не появилось» (с. 173). Это заключение наводит на грустную мысль: как коротка бывает порой память даже у профессиональных историографов! Ведь пятнадцать лет назад моя рецензия на первое издание этой замечательной книги увидела свет на страницах этого же журнала (Вопросы истории. 1998, № 5, с. 156—158).

Пользуясь случаем, хочется сделать и более существенные дополнения к рецензии Дубровского. Новое издание вдвое больше по объему предыдущего. В очень трудной для ученых середине 1990-х гг. Формозов опубликовал заветный четвертьвековой труд на собственные скромные сбережения, в эфемерном издательстве «Радикс», на желтоватой бумаге, слеповатой офсетной печатью. С многочисленными опечатками, которые автор в своих экземплярах скрупулезно выправлял. Часть текста тогда не поместилась в оплаченный объем издания. Тысячный тираж книжки несколько лет лежал в книжных лавках Москвы почти без движения, и только после публикации рецензии в «Вопросах истории» начал расходиться. «Человек — животное стадное!» — весело сообщил мне после этого Александр Александрович. Часть тиража первого издания, я полагаю, так и осталась нераспроданной.

Нынешнее, по-настоящему качественное полиграфически издание подготовлено к печати вдовой ученого, известным историком

античного гностицизма, одним из авторов «Вопросов истории» Марианной Казимировной Трофимовой в сотрудничестве с коллегами из Института археологии РАН, соучредителями Автономной некоммерческой организации содействия сохранению историко-культурного наследия страны «Наследие». Эти сведения приведены на контртитule второго издания.

А годом ранее Марианна Казимировна с теми же сотрудниками подготовила к печати и издала другой замечательный труд Александра Александровича — предназначенные им для посмертной публикации «Записки русского археолога (1930—1970-е годы)». В них с беспрецедентной откровенностью ветеран гуманитарной науки рассказал о тех выдающихся ученых, с которыми сводила его судьба; поделился своими размышлениями о природе научного творчества.

Поскольку Формозов тоже неоднократно публиковался на страницах «Вопросов истории», стоит добавить, что с момента его кончины увидели свет посвященные его творческому наследию работы. Во-первых, это отдельный том: Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009). М. 2011. 290 с. с илл.; во-вторых, скромная брошюра, специально посвященная разным, порой диаметрально оценкам личности и идей выдающегося ученого: КЛЕЙН Л.С., ШАВЕЛЁВ С.П. Александр Александрович Формозов (1928—2009). Послесловие. Курск. 2011. 112 с.

Все остальное о замечательной книге Александра Александровича Формозова в рецензии А.М. Дубровского сказано верно и выразительно.

С.П. Щавелёв

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 11, 2014
Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.10.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3097. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**